

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
ВЫПУСК ШЕСТОЙ**

**КРАЙ
РАСПУТИЦА**

Литературно-художественный альманах
Выпуск шестой

КРАЙ

РАСПУТИНА

Усть-Уда
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(0Рос=Рус)6

К 78

К 78 Край Распутина: лит. -худож. альманах; вып. 6 / Сост.: Е. Богданова, Е. Гамаюнова. – Усть-Уда, 2023. – 320 с.

УДК 821.161.1
ББК 84(0Рос=Рус)6

Межпоселенческой центральной библиотекой Усть-Удинского района им. В. Г. Распутина подготовлен к изданию очередной сборник – шестой выпуск литературно-художественного альманаха «Край Распутина».

Состоит он из трех разделов: «Поэзия», где размещены стихи 40 авторов, «Проза» – куда вошли очерки, рассказы, краеведческие зарисовки 9 авторов и раздел «Галерея» с художественными работами Анастасии Голубковой, а также работами учащихся Усть-Удинской детской школы искусств.

Кроме известных авторов по предыдущим пяти выпускам, в 6-м выпуске появились новые имена и приятное открытие – творчество нашей молодежи. И это благодаря районному конкурсу «Мой край литературный...», проведенному межпоселенческой библиотекой им. В. Г. Распутина в 2022 г.

В оформлении использованы фотографии Екатерины Ветехиной.

Портрет В. Распутина
Мишурова Яна Александровна

Стало традицией

В нашем районе стало традицией объединять литературное творчество земляков в сборники. Первый сборник стихов и прозы местных авторов вышел в 2010 году, второй – в 2011 г., третий – в 2012 г., четвертый – в 2014 г., пятый – в 2017 г.

«Край Распутина» называется альманах. И, если появилась необходимость в шестом выпуске, значит, существует интерес определенного круга читателей.

В шестой выпуск вошли стихи и проза не только уже известных авторов: Эрнста Альмова, Раисы Антиповой, Николая Беляева, Татьяны Макогон, Нины Локтевой..., но и тех, кто печатается впервые: Марины Соловьевой, Ларисы Савельевой, Аллы Подкорытовой, Людмилы Русских и других.

В этот выпуск также вошли краеведческие материалы Николая Рупосова «Крутые перекасты. Родословная писателя В. Распутина», Андрея Лобова «История деревни Михайловщина», работы учащихся детской школы искусств.

Надеюсь, шестой выпуск сборника «Край Распутина» будет интересен землякам.

Екатерина Гамаюнова

A lush green field of numerous white flowers with yellow centers, likely anemones, stretches across the foreground and middle ground. The flowers are scattered throughout a dense carpet of green foliage. In the background, a line of tall, slender trees with light-colored bark, possibly birches, stands against a bright sky. The overall scene is a vibrant, natural landscape.

ПОЭЗИЯ

Эрнст Алымов

п. Усть-Уда

Поэзия

Всё уже круг её единоверцев,
Но верится, ваятель красоты
Отыщет в ней всё то, что ищет сердцем —
Души распахнутость и вечный зов мечты.

В ней нет пустот,
В ней слово со словом спаяно,
Как берега с красавицей рекой.
В ней мужество, надежда и отчаянье
Нашли себя, нашли свой дом родной.

И потому над всяческим ненастьем
Она парит который век подряд.
Всё ищет, ищет нам дорогу к счастью,
И строки пляшут, как победы флаг.

И пусть не всё, друзья, нам удастся,
Порою гаснут звездочки мечты.
Поэзия была и остаётся
Трамплином ввысь для сердца и души...

Поэзия! Найдите рядом слово,
Чтоб красивей, воинственной, нежней...
Поэзия – любви нашей основа,
Сквозь ветры времени Отечества родного
В делах и строках новых, светлых дней!

Наш маэстро

Памяти Николая Проклова

Сквозь вой и мрак тэвэшных драк
С погоней, пытками, пальбою
Поднял он песню, словно флаг,
Над непокорной Усть-Удою.
Не выстрелы должны греметь
И кровь хлестать в глаза и души,
Он песне наказал звенеть,
А сердцу – восхищенно слушать.
Он сверхталантливо сумел
Раскрыть в хористах зов свободы –
По всей России прозвенел
Хор усть-удинского народа.
Он, по-крестьянски, неустанный
Боец на ниве звуковой.
Он бьет аккордами баяна
По очерствелости людской.
Ласкает нежным переливом
Баянных кнопочек сердца.
И лишь с секундным перерывом
Он словно повернет игриво
Баян с другого вдруг конца.
Забывшее души веселье
Он разом пробуждает в нас.
И нет другого наслажденья,
Для сердца русского стремленья,
Чем просто так пуститься в пляс...
Иль просто так подпеть, раскрыться
Могучей песенной волне,

И просветленность видеть в лицах,
И чьи-то слезы на щеке.
Он в нашу жизненную сушь
Вливает светлые мгновенья.
Десятки, сотни юных душ
Сберег маэстро от растренья.
Спасибо, Аня, Коля, Надя!
Хористам – низкий наш поклон!
В судьбе поселка все как надо,
Он в звуки песен погружен.
Они – духовная опора,
Их невозможно не любить.
Ведь песня, как душа народа,
Жила, живет и будет жить.

Осенний сон

*С берез не слышен, невесом
Слетает желтый лист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист...*

Г. Шендеров

А завтра в бой – таков приказ:
Взять станцию, вокзал.
И кто живым придет из нас,
Никто тогда не знал.
А вальс звучит...
Так редко здесь нисходит тишина,
А в тишине – «Осенний сон»:
«Спасибо, старшина».
Ушел в бессмертье батальон
В тот предрассветный час,

А этот вальс «Осенний сон»
Навек в душе у нас.

Весеннее

Рассуждать в эту пору не хочется,
Спорить, яростно убеждать.
На просторах весеннего зодчества
Все мечты об одном – рифмовать.

Как на праздник, для всех желающих
Мчатся птицы с южных сторон,
Чтоб услышать ручьев сверкающих
Симфонический перезвон.

Распахнулись весны границы,
Согреваясь, земля задышала.
И садятся на веточки птицы,
Словно в кресла концертного зала.

Снеговых не осталось пятен,
Все так солнечно, празднично, ново.
И участник оркестра – дятел
Четко бьет барабанное соло.

Мягким шумом сосновых вершин
Оркестровое крепнет звучанье,
Тонкозвонность хрустальных льдин,
Вновь разбуженных солнцем глубин –
Лик весеннего очарованья.

Поэзия

Поэзия – слово крылатое,
Красивое, как заря.
В ней строки, как стая пернатых,
Поют о победе дня
Над хладною темнотой,
В которой не видно ни зги.
Поэзия – вера героев:
Сражайся, надейся и жди.
Как радуги появление,
Как ветер, ломающий лед.
Поэзии сотворение,
Зовущее ввысь и вперед.
Елейность в строку не впишется,
Лакейства в ней век не видать.
В ней правде свободнее дышится,
А ложь повергается вспять.
И пусть ее голос слегка призатих,
Но чем бы отныне не грезил я,
Страна всех мечтаний твоих и моих,
Вот что такое поэзия.

Осенняя симфония простора

И вот оно, ты не ленись, взгляни,
Осеннего пейзажа постоянство –
Когда румянец утренней зари
Сливается в восторженной любви
С земным, прощально вспыхнувшим, румянцем.
День воссиял и кажется тебе,
Сквозь шелест трав в лугах, на косогорах,

Что только-только смолкла в вышине
Осенняя симфония простора.

Родиной зовется

Когда могучесть сопок там вдали
Листвяной позолотой украшается,
А синева небес и синь реки,
Как сестры, вновь друг другу улыбаются.
Когда простор так нежно, так светло,
Вдруг, окрыляя душу, распахнется,
И ты стоишь, счастливый от того,
Что всё, что видишь, Родиной зовется.

Весеннее

Цвет небес в лощинах и лугах
Вновь на землю вешнюю спускается.
Красота в цветочных лепестках
Утренним просторам улыбается.
Ветерок прохладною волной
Озерко подснежников ласкает.
И заря под пологом ветвей
Дирижерской волею своей
Песнь пернатых миру посвящает.

Яблоневый цвет

Под шелестящий звездолет,
Поверив росам и кукушке,
Одной лишь ночью вдруг зальет

И ствол, и ветви, и верхушку.
Так, что листочка не видать,
Белым-бело на фоне неба!
Как будто паруса крыло
Распахнутое для разбега.
Крепчает вешний ветерок,
И, направленья помня свято,
Планету в лето понесет
Вся белопенная регата.

Наша гостья – зима

Вся земля ему рада!
Впрочем, рады и мы
Красоте снегопада,
Возвращению зимы.

В тишине, околдованной
Легким светом небес,
Весь украшен по-новому
Грезит тайнами лес.

А зима всё торопится,
Набирает разбег.
Первобытными мётлами
Метут дворники снег.

Словно сказку рождая,
Где-то спел петушок,
Землю с небом сшивает
Светлых нитей поток.

Пусть подольше не вьюжится
У любого окна,
Пусть порхает и кружится
Наша гостья – зима.

Вся в пушистость одета,
Как княжна на балу,
Своего ждёт портрета,
Хоть стократно воспета.
«Киселевич наш, где ты?» –
Шепчут ивы в снегу...

ноябрь 2016 г.

На беговой дорожке

Виток – километр, а за ним и второй,
Вот так и кружусь я, ребята, с утра.
Лишь небо осеннее над головой,
И стелет сиянием тропинку роса.

На пятом витке ветерочек затих,
Легко поднимаюсь на взгорок крутой,
И восемь десятков годочков моих
Пока что не могут угнаться за мной.

Мой близкий приятель заметил:
«Не знаю, зачем тебе этой известности стяг».
Мальчишеской резвостью, мол, обижаю
Солидный свой возраст. Быть может, и так?

И всё же в сторонку тревоги, печали,
Мы многое можем сначала начать!

Есть бег, есть движение, есть дальние дали
И наша способность бежать и мечтать...

И чувствовать мыслей и сил обновление,
Куда-то влекущий нас чудный настрой,
В котором житейское время осеннее
В душе распускалось бы новой весной...

Встреча

Я счастлив тем, что снова вижу Вас,
Душа моя парит под облаками.
С каким восторгом проседает наст
Под Вашими упругими шагами.

Ваш нежный локон инеем повит,
Морозец славный свой узор припас,
И полумесяц стрельчатых ресниц
Завис над глубиною темных глаз.

Снежинка на щеке слезой блестит,
И нет волшебным прелестям конца,
И грация природная сквозит
В движенье каждом милого лица...

Пурга

Пустьяковое это дело
Для разбойной со свистом пурги:
Всё, что сделано – переделать,
Всё, что высится – занести.

Поразвесив разгула знамена,
На заре прекратить свой шабаш,
Как ребенок грудной из пеленок
Смотрит в утро посёлок наш.
Хруст шагов снова радостно звонкий,
В бликах солнца сияют дома,
Все тревоги пурга в сторонку
От родного села отмела.

Воспоминание о рыбаке

Последний год ходил неторопливо,
Стоял на берегу могучный и седой,
К Чапаевским полям, к Зинковскому заливу
Лукич тянулся всей своей душой.

Под соснами, в уютном зимовье,
Его рабочих рук любовное строение,
Он вспоминал о милой старине,
О том, как жили здесь до затопления.

Мерцала, чуть потрескивая, лампа,
Струился в окна чуткий мрак тайги.
Как в сказке расширял рыбак пространство
Исхоженной им в юности земли.

А утром бур на плечи и – вперёд,
Струит из лунки крошка ледяная.
Вот клюнул окунь – сердце чуть замрёт,
Желанную удачу ожидая.

Рассказывал с улыбкой:
«Иногда на хлеб, на сахар денег не хватало,
Но если в семи лунках не клевало –
Вот это, паря, чистая беда».

Я понимал его буквально с полуслова,
Рыбацким духом напрочь заражен,
И снова убегал искать улова
Сиянием льда и света окружен.

И вновь зима. В урочище его,
Где совы от людей не улетают,
Стоит в снегах пустое зимовье,
Хозяина своего поджидая...

Я тебя люблю

Консервативность отношений,
Консервативность нежных слов,
Консервативность унижений
И честных искренних стихов.

Но в мире грозových событий,
Порой у бездны на краю,
Желанней всяческих открытий
Услышать: «Я тебя люблю...»

Поэма о звуках

*Музыка является самым чудодейственным,
самым тонким средством привлечения
к добру, красоте, человечности.*

В. Сухомлинский

Он на деревне первым парнем был,
и загрузили ленские смуглянки,
когда он в партизаны уходил
с двухстволкой за плечами и тальянкой.
И сколько раз у дымного костра,
в кругу темнобородых и чубатых,
гармоника, как меньшая сестра,
им напевала и звала куда-то.
Любил мой дед тех звуков глубину...
уже в плену, в бревенчатом сарае,
сказал он конвоиру своему:
«Ты разреши, так я тебе сыграю».
Привычно пробежал по голосам,
привычно помолчал перед началом,
вдохнул, откинул чуб и заиграл,
с волнующим размашистым накалом.
Себе, живому, всласть и вся беда,
душе своей быть может пред расстрелом,
ах, как гармошка плакала тогда,
ах, как она прочувствованно пела!
И смягчился безусый конвоир:
«Гармонию при себе держи покеля».
И вместе с пленным молча закурил,
и был прекрасен краткий этот мир,
воскресший в звуках песенной метели.

«По долинам и по взгорьям шла
дивизия вперед» ...

и сейчас я помню это,
и сейчас я слышу: где-то,
хрипловато, чуть вразброд
мне, мальчишке, дед поет.

И я, признаться, слушал чуть дыша,
и раньше, чем в учебниках истории,
о том, куда дивизия пришла,
я узнавал из песен той гармонии.

Но, главное, я сердцем принимал,
 всю праведность воспетых тех
сражений,

И грезился мне Тихий океан,
и вечный гул, и сумрачный туман,
и мерное полков моих движение.

О, музыки целительная власть!
От вялости душевной, от безверия,
Спешите же, друзья мои, попасть
На первый свой концерт,

и там за дверью,

Пусть занавес раздвинется шурша,
и люстра величаво остывает,
и первый звук, касаясь вас едва,
как первая снежинка в зал влетает.

И вдруг литавры, звон, призыв трубы,
и песни, песни самого Покрасса!

Он в Первой конной трубачом
служил

и звал в атаку в грозном
девятнадцатом.

Но время вспять в потоке звуков мчит,
и сквозь года, сквозь яростные дали,
тревожным лейтмотивом зазвучит,
и вздрогнет сердце, словно в этот миг,
мы, знающие войны лишь из книг,
свою трубу в судьбе своей узнали.
Вот прокатилась музыки волна,
«копытный цокот» вдалеке

смолкает,

И снова к нам вернулась тишина,
счастливая, тревожная, другая...
Во всем великом музыка живет,
как запахи в цветах, как песни

в птицах,

и если музыка в душе твоей замрет,
великому в ней трудно пробудиться.
На этот счет большой,

хотя и нужный счет,

есть музыка во всем, что окружает,
во всем, что дышит, светится, цветет,
во всем, что молчаливо увядает.

В добре и дружбе, в верности людской,
в глубинности, в несуетности мысли
быть музыкальным – значит жить

душой

и пить взахлеб, покуда ты живешь,
всю полифонию и все нюансы жизни.

Средь муз ее особые права,
она приходит первой к колыбели,
под шум дождя иль перезвон

капели,

и материнских песен доброта
в частицу нас самих вливается тогда.
Есть в музыке нужда высокой меры,
под стать нужде в оружии святом:
Нам не забыть симфонии премьеру,
в блокадном Ленинграде огнем.
Нам не забыть, по городам

по дальним
калек войны, поющих о войне,
поющих, чтоб не плакать...
Музыкальность, такая вот,
сквозь горечи бескрайность
упорством духа представлялась мне.
И я от слез с мальчишества отвык:
учила жизнь сама нас, но такое
вдруг заиграл нам в классе

фронтавик,
с израненной в предплечие рукою.
Как праздник песню жаждали начать,
и начала учительница было...
минуты эти трудно вспоминать:
у женщины, что нам была, как мать
двух сыновей лишь год назад убило.
Но в жизни у нее еще был я,
была любовь к ее святому делу,
и женщина, как родина моя,
стояла гордо, плакала и пела.
Да, мы в большом понятливые были,
не прятали в стыдливости глаза,
и эту песню все же подхватили...
и до сих пор, как гимн душевной

шири,

поем ее с друзьями иногда.
Поем и будто снова молодеем,
Хотя не так уж стройно и поем,
мы берегаем песню, как умеем,
испытанную горем и огнем.
И с нею звуки добрые, простые,
из детства, как из сердца глубины...
для нас средь заповедных
мест России живет тот класс,
учитель,
те же – мы!

1976 г.

Рождение дня

На плечах простора тишина,
Вспыхнуло вдруг светом поднебесье,
Словно долгожданная волна
Музыки, которой нет чудесней.

Новый день даруется судьбой,
Как обычно, распахнув оконце,
Торопливо, в суете мирской
Смотрим на часы, а не на солнце.

И спросить бы у самих себя,
Для чего восход так нежно ясен,
Для чего приход любого дня
Сказочно, божественно прекрасен?

2023 г.

Василина Аникьева

с. Новая Уда

И снова вспомним о войне

Солдат! Летит к тебе привет
В далекие те давние года,
Но тишина... Ответа нет.
И в прошлое шагну я сам тогда.

Мне сделать этот шаг совсем не страшно,
Я у тебя научен многому, солдат:
Как охранять страну и быть отважным,
И не бояться трудностей, преград.

Мы не забудем вас, герои все вы!
И пусть награда не у каждого блестит,
В бою бесстрашны были вы и очень смелы,
И слава до сих пор о вас гремит!

Сейчас в календаре есть день кроваво-алый,
Тот майский день, с восторгами «Ура!»
Приходит к памятнику каждый – стар и малый,
Надев георгиевскую ленточку с утра.

Приходим к вам, чтобы пройти дороги:
От страшных взрывов содрогалась земля,
Где шли босыми, в кирзачах стирая ноги,
И нараспашку, мокрые от крови, кителя.

Мы вспоминаем битву в Сталинграде,
Погибших всех под Курском, под Москвой

И страшную блокаду в Ленинграде –
Война всех безвозвратно забрала с собой.

Ах, сколько жизней навсегда затихло...
Какой ценой досталась вам победа!
Вас нет. Вы миллионами погибли!
Какая сложная у нас с тобой беседа...

Нет слов, чтоб выразить свое признание,
Ведь мы живем благодаря тебе, солдат.
Твой подвиг совершенный – наше достояние,
Пусть в честь тебя гремит салют, идет парад!

Тебе я поклонюсь и буду чтить и помнить.
Свое письмо, цветы я тихо положу...
И память о тебе не улетит бесследно,
Ее я сохраню, потомкам донесу...

Раиса Антипова

п. Усть-Уда

Ожидание

Дети в город семьями уехали,
Стало в доме пусто и уныло.
Мать седая у окна с геранями,
Сложив руки, смотрит сиротливо.

Детская кроватька в коридоре,
Мягкий мишка с грустными глазами
И коробка с детскими игрушками
Приютились тихо на диване.

Все с надеждой ждут приезда внуков –
Это обязательно свершится.
Снова звонкий смех и детский топот
В мамин домик скоро возвратятся.

Детская кроватка будет рада
Обогреть уснувшую малышку.
И глядит веселыми глазами
Из-под одеяла мягкий мишка.

На полу уставшие игрушки
Безмятежным сном уснут, как прежде.
Улыбнется мать, смахнув слезинку,
Положась на Бога и надежду.

Друг мой

Тот курносый, вихрастый мальчишка
Был опорой, моим плечом.
И в минуту трудную рядом
Был, не спрашивая ни о чем.

Вечерами играл на баяне,
Молодежь собирал гурьбой,
А потом, просто так, между прочим,
Каждый раз провожал домой.

Никогда о любви ни слова,
Ни признаний, ни грез под луной.
Мне казалось, что друг мой верный
Будет вечно рядом со мной.

Я влюбилась в красивого парня,
Вскоре стала его женой.
А мой друг, говорят, горько плакал
И женился потом на другой.

И помчались за осенью осень,
Год за годом, весна за весной.
А подушка моя часто слышала:
«Если сможешь, прости, друг мой».

40 лет

Мы с тобою 40 лет,
Сорок лет в одной упряжке.
И тебя не увела одногруппница Наташка,
Не смогла тебя «угнать»
В мини-юбке серой Динка.
И теперь мы сорок лет
Ходим по одной тропинке.
Рука об руку идем
Постаревшие «милашки»,
Нам уже не смотрят вслед
Ни Маринки, ни Наташки.
Годы сделали свое, не совсем благое дело,
И теперь ты только мой –
Я могу заверить смело.

Богатырь

Светит солнышко в июле,
Травка зеленеет,

Ходят куры по полянке,
Свои спинки греют.
А петух, их верный страж,
Стаю охраняет,
И себя богатырем, видимо, считает.

Сон

Сон крадется по опушкам,
По березовым верхушкам,
По ромашке, по травинке,
В спальню юркнул он к Маринке,
И к Данилке, и к Наташке,
Вот добрался и до Дашки.
Детки глазки закрывают,
Деток сон одолевает.
Спят детишки, и во сне
Оказались на Луне.
По Луне на луноходе,
По воде на пароходе,
Мчатся по небу в ракете, –
Ночью все доступно детям!
Солнышко звенит с утра:
«Просыпайся, детвора!»

Николай Беляев

п. Усть-Уда

Детство

Я вспомнил заимку
(тогда захолустье!),

глухие проулки,
проделки мальчишьи.
И детство откликнулось
песнею лучшей
об играх ребячьих,
о юности чистой.

Я вспомнил напевы
дремучего леса
и всходы тугие
расплёсканной озими...
Сюда каждый год
с гор спускалось к нам лето
из облачной выси
тропинками козьими.
Сходило –
и ливнем мочило холодным!
Под ним мы резвились
по лужицам светлым.
Табун выгоняли в ночное галопом,
набрав под рубашки
упругого ветра.

Березовый сок
отворяли мы в мае
и пили тростинкой
из лунок долбленных.
И с крыш голубей
в поднебесье снимали,
следа за полетом
глазами влюбленно.

И спорили зло
о мечтами согретом,
собравшись гурьбой
за церковным забором...
А тут подоспела
тревожная зрелость,
чтоб за руку
в жизнь повести за собою!

В тихом станционном городке,
Тополя где строим вдоль обочин,
Он застыл со спутником в руке
Созидатель и творец – рабочий.

Он взошел на кручу над рекой,
Зноем домны жаркой прокаленный,
Не впервые дерзкою рукой
Спутники ему пускать в полеты.

Вновь металл крылатый выплавлять
Для Отчизны, славою великой,
Корабли с ладони отправлять
И встречать их с просветленным ликом.

Березовый сок

Этот зов отличу самобытный
Я из тысячи зовов весенних,
Он уводит тропую забытую
В мир волшебный лесных светотеней.

Где в стволах, окруженных тернием,
(Прислонись – и услышишь ясно),
По невидимым мной артериям
Сок шумит под корою властно.

Не губи красоту гладкостволую,
Если хочешь напиться соку:
С каждой ветки, в мороз расколотой,
Капли на землю падают солнцем.

Бабье лето

Покоем всё в природе дышит.
Даль в мудрой раздуми. Причал.
И листья тополя на крышах
Лежат, как годы на плечах.

Блестят сединки в кронах сосен,
Толпятся копны вдоль межи
И, кажется, качает солнце
В своей ладони нива ржи.

Поединок

(глава из поэмы «Первопроходцы»)

Был март, как обычно, начат:
Трелевочник, гулко урча,
хлысты (оттросованы в пачки)
на дальний таскал причал.

Ссекал Вовка сучья с маху.
И нет-нет да взглядом бросал
туда, где огромным маком
костёр из ветвей пылал.

Там Верка в стежанке чёрной
сновала, едва видна...
Не дьявол ли Вовку дёрнул
проситься зимой сюда?

Готовил, как прежде, в клубе
на праздники сводный хор...
Но лучше в верхонках грубых:
Не сердце в груди – мотор!

Здесь просто красу заметить –
что лужицу минут вброд.
Как ночью холодный месяц
похож на девичью бровь!

О Верка, любовь ты злая!
О Вовке и речи нет:
люб сердцу её Буслаев,
простой великан-брюнет.

Вот он,
впереди с пилою,
трещащей за три версты.
Вкруг дерева выбил ровик,
рукой обломал кусты.

Глеб – вальщик на «ять с присыпкой».
Приладился... вспорхом снег...
И он уж походкой зыбкой
шагает к другой сосне.

Но что это?
Следом с рёвом
метнулся за ним медведь.
Не слышит.
По насту ровно
идёт да идёт себе.

Кто разве позволить может,
чтоб справила тризну смерть?
Не сможет порыв стреножить
из зависти низкой месть!

Минута – и бледный Вовка
с зверищем один на один.
Взмахнул топором неловко –
и, сбитый, ничком летит.

И сразу же в клочья ватник,
и тело когтищи рвут...
О Глеб, богатырь-увалень,
тебе оглянуться б тут.

Не знал ты: медвежью хатку
разнёс ствол, свалившись вниз.
И мишка, дремавший сладко,
хотел счёт с тобой свести.

Когда же, в слезах замёрзших
медведю башку срубя,
стоял ты, был Вовка мёртвый:
погиб, чтоб спасти тебя.

Его погребли на сопке,
где слушать любил чечёт.
И Анка, по нём что сохла,
взяла в тот же день расчёт.

Куда

Ты откуда и куда
Бежишь, реченька Куда?
Зря к реке большой стремишься:
В ней растаешь без следа.

А в тайге ты – велика,
Без тебя тайга дика.
Ты ей, речка-неутечка,
Здесь нужнее, чем река.

Что же к ней влечёт тебя?
Над тобою – сосны в ряд.
Над тобой весною в трубы
Лоси древние трубят.

Твой исток студён и чист,
Он как песенный зачин.
И сама ты словно песня
Хвойной царственной тайги.

Ну, а песне в соснах тесно –
Ей в просторах жить всегда.
Потому так к солнцу рвётся
Речка синяя Куда.

Валентина Бузикова

с. Новая Уда

Не забудем...

Сегодня вспомним те мгновенья,
Когда Распутин рядом был.
Как ободряло вдохновеньем,
Когда приезд он нам сулил.

Был преданным сыном деревни,
И ждали с радостью всегда,
С надеждой и большим волнением,
Когда на брег ступит нога.

Земляк, учитель и наставник –
Всегда услышишь, не пройдешь.
Мир стал печален и обманчив,
А ты все правдою живешь!

Обычный, вовсе не московский,
Пусть деревенщиной зовут.
И к человеческим вершинам
Уроки доброты ведут.

И небо плакало в безумстве.
Затихло все! Померкнул свет.
И гром раздался в полудреме –
«Ушел писатель! Его нет!»

Ушел? Да кто ж сказал такое?
Бессмертен он, он жив всегда!
Его талант, его творенья
Мы пронесем через века!

Сибирская зима

Вокруг твердят, что у природы
Плохой погоды не сыскать,
И что в любое время года
Есть красота и благодать!

Вы верите тому, что говорите,
Когда зимою жаждете тепла?
Вы лицемерите, и, словно по наитии,
Не рады вы зиме, предпочитая теплые края!

Вы променяли зимнюю сибирскую прохладу
На южный Сочи, Кипр и Таиланд.
Бездушно радуетесь вы чужому смраду!
Нет! Не ждете вы зимы, и все слова обман!

А вы, когда-нибудь так жаждали зимы,
Чтоб взять в ладоши снег и раствориться
В воспоминаньях детской кутерьмы,
Когда умели жизнью насладиться!

А вы зимой на улице гуляли?
Не так, чтоб от работы и до дома,
А так, чтоб ваши щеки засияли
Румянцем алым. Нет! Вам уж не знакома

Та Саша Пушкина, что в шубке на салазках
Стрелой летела с горки ледяной.
Увы! Не видим больше зимней сказки,
Зовя волшебницу мы лютою зимой.

А вы давно смотрели на узоры,
Что на стекле искусно нарисовал мороз?
Вы созерцали белые просторы
И сонный лик серебристых ветвь берез?

Эх, Сибиряк! Куда же испарилась
Твоя всесильная, недюжинная стать?
В душе, трепеща, все перевернулось:
Красоты зимы стал не замечать!

Ведь ты бесстрашен, крепок и вынослив!
Полеты дивных мыслей высоки!
Мы от рожденья зимой закаленные!
И имя нам дано – СИБИРЯКИ!
Все предначертано судьбой

Сверху гляну на вас – улыбнусь,
Я такой же – молодой и беспечный.
На Байкал я, друг мой, не сержусь,
Мы связали с ним узы навечно.

Наперед предначертано было
Со стихией столкнуться лоб в лоб.
Все вокруг потемнело, завывло,
Рок судьбы обойти я не смог.

Жизнь была коротка, неслась мимо,
На столе – недописанный лист....
Где начало? Конец? Середина?
Ты попробуй, друг мой, разберись!

Я внезапно ушел, без прощаний,
Не пожав напоследок руки.
И сейчас не скажу: «До свиданья!»,
Ты меня между строчек ищи.

Все мы смертны, подвластны и тленны,
Жизнь дана, чтобы что-то свершить.
Все за нас решено на том свете –
Умереть или все-таки жить.

Если б вынесли судьбы вердикт мне:
«Ты вернись, ты так нужен всем нам!»
Я бы спешно, немедля пришел бы
По земле иль по синим волнам!

Память детства хранима всегда...

Память детства хранима всегда –
Это лучшие дни тех событий.
Будут мысли по-детски чисты,
Сколько в жизни свершится открытий.

Год за годом, весна за весной,
А на смену красавица – лето,
Окунуть в прошлый мир дорогой,
Что в есенинских песнях пропето.

Что мы вспомним из бурного детства?
Те сосульки, над домом висящие,
Как велела нам мама одеться,
И сугробы у дома стоящие.

Те сугробы я мерить любила,
Провалившись в них по колено,
В голенищах я снег приносила...
Как прекрасно и радостно было!

Ну, а лужи? Огромные лужи?
Кто не черпал их сапогами?
Не пугали ни сырость, ни стужа.
А друзья? Сколько было их с нами?

Ну, а позже – ручьи под заборами,
Журчат громче, зовут поиграться,
Не удержите нас вы засовами,
Жизнь дана, чтобы ей наслаждаться!

Мамины глаза

Мы бежим, торопимся, несемся,
Жизнь, наверно, скоротечна и быстра,
Все в ней не имеет постоянства,
Но мамыны, но мамыны глаза...

Как бы ни было ей в жизни этой тяжко:
Беды, грусть, крушение надежд.
В ее глазах не встречу я несчастья,
Горестных тревог и суетных мятеш...
Что же там на сердце? Сколько ранок?
Сколько на висках белеет седины?
Отдыха не зная, спозаранку,
Все на кухне суетишься ты!
Слово «МАМА» коротко и легко
Быстро проговариваем мы!
Сколько в нем сердечности, заботы,
Нежности, любви и теплоты!
Подожди! Остановись, мгновенье!
Все уйдет, но будет лишь свежа
Память, что навечно сохранила
Мамины красивые глаза.

Дарья Бяхова

с. Новая Уда

Молитва

А я тайком, почти украдкой,
Молю Всевышнего о том,
Чтоб даровал он людям счастье,
И лучше – внутренний покой.
А я тайком, почти украдкой,
Молю Всевышнего о том,
Чтоб дети на земле все спали сладко,
Чтоб ангел сохранил их чуткий сон.
А я тайком, почти украдкой,

Молю лишь Бога об одном,
Чтоб не было ни зависти, ни войн...
А я тайком, почти украдкой,
Молю лишь Господа о том,
Чтоб не забрались в людские души
Гордыня, зависть, скупость, гнев,
Чтоб лень не сгубила души,
Чтоб веру крепкую смогли мы обрести!

Екатерина Ветохина

п. Усть-Уда

Осень

Опять сентябрь, и лист багряный
Слетает медленно с рябины.
Кружит листва, играя цветом,
Нас, пригласив на осенины.
В укромном месте под сосенкой
Паук наплел ажур сетей,
И солнца свет осенний, теплый
Запутался лучами в ней.
Уже не слышен птичий гомон,
И лес торжественно притих,
Но звуков разных еще полон,
И ветерок вечерний стих.
Вот муравей спешит в свой холмик,
Закончив все свои дела.
Вот первый дождь, вот первый иней
И вот... зима уже пришла.

Екатерина Гамаюнова

п. Усть-Уда

Внук учил язык английский

Внук учил язык английский,
Мне слова переводил.
Получалось, даже близко
На сэра сэр не походил:
Вместо носа вырос хвост,
Прилепил на ухо нос!
Глаза вышли из орбит,
На шее глаз один висит.
Зубы уши, лицо, шея –
На свои места скорее!
Внук Савелий с бабой Катей
Пошутили, вот и хватит!

март 2023

Жила на свете Катерина

Жила на свете Катерина,
И было у нее три сына.
Судьба ей так была дана:
С тремя детьми она одна...
И праздники редко случались,
И выспаться не удавалось...
Вот выросли дети у Кати,
Парни здоровые, кстати.
Отслужили, отучились,
А потом переженились.

Каждый выбирал жену
На всю жизнь чтобы одну.
У старшего – трое уж деток,
А сам сынок стал трижды дедом;
У среднего – двое, у младшего – пять.
И ты уж не бабка, прабабушка, Катя!
Так, ни о чем особо не жалея,
Дожила она до юбилея.

март 2023

Кристина Дедик

п. Усть-Уда

Через год

1. Каждый день на расстоянии сложно,
И мне так важно приехать к тебе очень срочно.
Хоть я и могу.
Наверно, вряд ли, к тебе
Приеду, даже если захочу.

Мы любим до безумия, закрыв глаза,
И можем говорить долго, до утра.
Ты напишешь мне в WhatsApp,
Если удалю ВКонтакте.
Ведь наши отношения не очень гладкие.

Мы так любим гулять по вечерам.
Мы так с тобой верны своим мечтам.
И школьные дискотеки нам не забыть,
Они научили нас любить.

А может всё это подростковое и всё пройдёт?
А наивный возраст всё заберёт?
Я никому не расскажу про наш секрет.
И ты не говори, иначе его нет...

Привет:

Катались вместе по трассе.
Не знали, что будет дальше.
Каждый момент был другого чуть слаще,
Может в этом есть счастье?

2. Обнять тебя на расстоянии сложно.
Я никогда не забуду наш вечер точно.
Я никогда не забуду, как близко были.
Не допусти, чтоб наши чувства застыли.

Ты мне позвонишь, я не отвечу.
Хочу побыть одна, делиться нечем.
Я скурю оставшиеся сигареты в пачке.
Никто не узнает, как катались на тачке.

Если ночью дождь и не видно звёзд,
Ты придёшь ко мне, мой самый лучший гость.
Будешь играть тихо, а я петь под струны.
Целуй меня так нежно, пока мы юны.

Когда мы наедине и звонок срочный,
Поставишь на вибрацию, хотя не точно.
Ты можешь мне в сердце пускать стрелы.
Это не страшно, если мы не в дуэли.

Привет:

Катались вместе по трассе.
Не знали, что будет дальше.
Каждый момент был другого чуть слаще,
Может, в этом есть счастье?

3. Ну, а через год, мы сможем всё поменять.
А может и не скоро смогу переезжать.
Помнишь, как по скайпу сказал, что я твоя?
В нашей игре нет главных, у нас ничья.

Не встречать рассветы и сидеть дома,
Не по моей части, я ко всему готова.
Если ты в Иркутске, а я дома жду.
Просыпайся утром зная, что тебя люблю.

Сюжет фильма

1. Стоя в ванной, ты говорил
мне, что любви нет.
А я, перебирая приложение,
искала билет.
Туда, где я смогу, наконец,
осознать и понять,
Что нашу историю сложно
будет повторять.
Уже неважно, ведь цветы
в корзине,
Чемодан у двери и я на линии
телефона.
Ванна остыла, весь пол

в малине.

«А что там сегодня в эфире?»

Привет:

Сюжет фильма, который
не покажут нигде в прокате.
Милый, мы будем смотреть
его на тёмном экране
С субтитрами. Выходя за грани
проектора и ходя по краю,
Наивно верить было в то,
что я тебе проиграю.

2. Такие моменты не купить и
не продать за доллары.
Меня города я, наконец,
смогла найти что-то новое.
Уже больше не гложет мысль,
что буду без тебя.
Так что давай, забывай эти тексты
и вместе с ними меня.

В открытом море
Громко чайки поют.
Я все-таки обрела в этом
месте уют.
Только на дне бокала тонут
наши корабли.
Ну что, давай теперь
на экран посмотри.

Привет:

Сюжет фильма, который
не покажут нигде в прокате.
Милый, мы будем смотреть
его на тёмном экране
С субтитрами. Выходя за грани
проектора и ходя по краю,
Наивно верить было в то,
что я тебе проиграю.

Юлия Дроботенко

с. Новая Уда

Природа – ХРАМ! Закон таков!

Природа – ХРАМ! Закон таков!
Творенья бережно хранимы,
И чередою всех веков
Деянья наши возвратимы.

О, Боже, разве можно так!
Ты, человек, жесток порою.
С природой не должно быть так,
Зачем ты в храм ступил ногою?

Что натворили в нем все мы?!
Сожгли леса и реки засорили.
Что с экологией Земли?
Какую боль ей причинили!

Тебе так было страшно –
Случилось наводнение!

А ночью ищешь место –
Толчки, землетрясенье!

И смерч, и буря, мороз и зной,
Сошла лавина, ожил вдруг вулкан –
Вся жизнь объята черной полосой,
Попали все мы в бешеный капкан!

За что нам этот страх?
Ты долго думаешь и ищешь объяснение.
А где-то зайчик, в ивовых кустах,
Притих от боязни и убиенья.

Земля нам мстит! Поскольку мы глупы!
Ее красотами мы не сумели насладиться!
И все молебны о прощении пусты,
И суд над нами все же состоится.

На земле, посреди континента

На земле, посреди континента,
Глаз планеты глядит голубой.
Драгоценная, чистая лента,
Окруженный зелёной тайгой.

Он священ по канонам народным,
Знаменит своей чистой водой,
Он суров по природным законам,
Бьёт о берег крутую волной.

Небо, горы и чистые воды –
Как магнитом всё тянет к нему,
Есть гипноз у аккорда природы,
Скоро снова к Байкалу приду.

И пройду каменистой тропею,
Среди серых и розовых скал,
И как будто впервые открою:
«Здравствуй, море – Священный Байкал».

Вижу снова те синие горы
С серебристою дымкой вдали,
Крики чаек и рокот прибоя,
Будь же добрым, и снова прими.

Чтобы ветром твоим надышаться
И суровой твоей красотой,
От сует и забот оторваться,
И чтобы стал я немного другой.

Я умоюсь живою водою,
Угощусь хайрюзовой ухой.
Промигают мне звёзды к отбою,
Убаюкает тихий прибой.

Ночью дремлешь, волною вздыхая,
Стражи-кедры в вершинах стоят,
И леса вас беречь велят.

Смотрят звёзды в глубокие воды,
То мигая, то ярко горя,

Отражаются в чуде природы,
Что лежит на планете Земля.

Утром встану, как птицы проснутся,
А над хребтами пылает заря.
Встанет солнце, и в душу вольются
Твои силы, Байкал, для меня.

Я восходы смотрел с Сахалина,
По Байкальским восходам скучал,
Жаль Куинджи такие картины
На полотнах своих не писал.

Красотой никогда не напиться,
Не напиться Байкальской водой,
Жажда только чуть-чуть утолится,
И немного ты станешь другой.

Ольга Ионкина

с. Светлолобово

Светлолобово

Живу я в Светлолобово,
На берегу
Красивой, чистой, величавой
Речки Ангары!

Живу я здесь всего пятнадцать лет.
Приехала в свои я юные двадцать лет
И здесь осталась жить.

Здесь любовь свою я повстречала,
Обрела свою семью.
Теперь родным село мне стало.

Светлолобово – село:
Небольшое, светлое, родное,
Здесь раскинулись поля
И густые хвойные леса.

Много здесь грибов и ягод,
И лекарственных трав.
А природа так прекрасна,
Что завораживает глаз!

Люди нашего села:
Добрые, трудолюбивые
И талантами богаты,
И своим внутренним миром.

Край наш богат литературой
Нашего писателя-земляка
Распутина Валентина Григорьевича.

Есть у нас много литературных мест,
Но самое главное есть в селе Аталанка
Усть-Удинского района.
Здесь история села хранит
Десятки написанных Распутиным книг.

Алена Каралысова

с. Новая Уда

Письмо солдату

Мой одноклассник, шлю я привет!
Пусть он летит через тьму, через свет.
Столько спросить и узнать нужно мне –
Душу терзает вопрос о войне.

Мой одноклассник далеких тех лет,
Столько познать тебе выпало бед!
Детство твое не сравнится с моим,
Машинки, игрушки канули в дым!

Детство ушло слишком рано от вас,
И не пришлось посещать школу, класс.
Дух патриота – года не при чем,
Был не сразим ни стрельбой, ни огнем!

Ты был примером для трусов в бою,
Был ты отважным в солдатском строю.
Ты – сын отчизны, ты – гордость страны!
Тяжки и пыльны дороги твои!

Детство тебе мы не сможем вернуть,
Сложно сейчас нам познать войны суть.
Счастливы мы – небосвод голубой,
Нас окружает глубокий покой!

И благодарна за это ТЕБЕ!
Жизнь не жалел на проклятой войне!

Чтобы нам жить и беды той не знать,
Чтобы отца мы имели и мать!

Память о вас – о таких же, как мы,
Смело клянемся в века унести!
Знай, одноклассник, примером ты стал!
Герой, что бесстрашно страну защищал!

Дарья Константинова

п. Усть-Уда

Слова на каждый новый год

И вновь тот день, и та же дата,
И год прошёл, оставив в нас свой след.
Простите, если вас обидела когда-то,
И пусть печали все сойдут «на нет».

Пусть подведёт итоги год прошедший,
Что было – было, и того не миновать.
А новые уроки пусть несёт нам год пришедший,
Запомни, что их главное – понять.

Вся жизнь – мучения и счастья школа.
Тут главное – не прогадать и не предать родное,
Что сбережёт тебя от нового прокола, – то береги,
Не позволяй обидеть и посягнуться на святое!

Не нравься всем, а собери всех самых близких
в кучку,
И рука об руку с ними и дальше будь.

Одни уйдут – другие встанут рядом.
Запомни, ты – один. И это только твой,
и лишь твой путь.

Что мы живём – то плохо для одних,
Близким же плохо – когда мы погибаем.
Живи и радуйся, не думай о чужих.
Ведь грея – мы живём, а согреваясь – проживаем.

И нет ничего плохого в том,
Что себя превыше остальных мы ценим.
Надеть на лицо маску – значит жить в другом.
А люди? Запомни! Люди приходят
только в тёплый дом.

А куда смотрите вы?

Вот я смотрю на звёзды...
А куда смотрите вы?
Вот я смотрю на звёзды
И вижу мечты!
Судеб людей переплетенье,
И вижу чьи-то стремленья,
Маленькие и большие –
Человека достижения...
Я вижу и верю в них.

Верю в людей, что мечтать умеют:
Добьются много, пусть через века!
Да, пройдет время, а пока...
Люди, прошу, не забывайте верить.

Мир делают лучше те,
Кто мечтать умеет,
Видят возможности,
И к цели идут.

Пропустите мечтателей к вере!
Дайте прозвучать их устам!
Пусть будет больше первооткрывателей
И они нас поведут к небесам...
Вот я смотрю на звезды:
Я вижу людей, таланты, стремленья.
А куда смотрите вы?
На серости скучной скопленье?

Галина Королева

г. Иркутск

Господи, мне 70 лет

Ах, судьба-судьбинушка,
Задумалась Галинушка.
Подумать не успела –
Лет много пролетело.
Все было в моей жизни:
И слезы, и печали,
И песни громко пела,
Медаль с Москвы вручали.
Дипломы были, грамоты,
Цветы порой дарили,
А за веселый вечер
Друзья благодарили.

Ты не кручинься, Галочка,
Что прожито так много,
За доброту твою – длинная дорога.
Живи, цветы и радуйся,
Тебя поддержат дети.
Ведь самое родное –
Они на белом свете.
И внуки есть, и правнуки,
И есть, чем погордиться.
Живи подольше, Галочка!
Старайся веселиться!

Осенняя грустинка

Осень-красавица к нам прилетела,
В такое буйство красок
Землю всю одела.
И принесла веселье
С грустинкой для меня,
Ведь семьдесят – немало,
Говорят друзья.
Но колючий ветер
По земле несёт
Разноцветных листьев
Дружный хоровод.
Гонит ветер листья
По сырой земле,
Почему-то грустно,
Одиноко мне.
Но я не унываю, говорю опять:
«Каждый год я буду
С радостью встречать».

В гостях у сына

Как будто в тихой заводи
Я побывала дома,
И как же всё мне дорого,
До ниточки знакомо!
Калитка с громким хлопаньем,
Черемуха в саду...
Стою, молчу, люблюсь я:
Когда еще приду.
Тропиночка знакомая
И речка за бугром.
В гостях бываю редко здесь,
Всё говорю: «Потом...»
Потом не получается,
И снова нас здесь ждут,
Встречают, улыбаются,
Вокруг – такой уют.
Село моё любимое,
Мой сын, его семья –
В объятьях вашей нежности –
Счастливая здесь я.

Еду в электричке и как-то само собой рождается вот такой стишок, про сердечко! А через сутки попадаю в больницу с инфарктом. Спасибо докторам областной клинической больницы – спасли!!!

Не ной, сердечко

Не ной, сердечко, не томи,
Хочу ещё пожить немножко.

Хочу с подругами попеть
И поиграть им на гармошке.
А ты не ной, а поддержи меня,
Ведь без тебя не справлюсь я!
А ты стучи, дружок, стучи,
Назло завистникам.
А недругам моим
От долголетия моего
Пусть плохо будет им.
Я буду жить и прославлять тебя!
Мне рано ставить точку,
Нужна я просто позарез
Моей дочурке, моему сыночку!

15.08.20 г.

*А этот стишок сложился уже
после операции в палате.*

Ну что опять со мной случилось?
Что за напасть, что за напасть?
В болезнь я круто окунулась,
Боюсь я, только б не пропасть!
Боюсь уйти, не попрощавшись,
Ведь деточек своих люблю.
У Господа прошу прощения,
За жизнь свою молю, молю!!!
Внучат своих как мне оставить?
Ну и другая есть родня...
Я им нужна, я это знаю,
И говорю это не зря.
В палате чисто и уютно,

Воркует голубь на окне,
В душе моей стоит тревога:
Ну, как живой остаться мне!

26.08.2020 г.

Ну, как же так, я думаю порою, –
И снова осень, я опять одна.
Никто не скажет
И никто не спросит,
О чём я думаю и кем увлечена?
Успокоенье – только дети, внуки,
Жжёт одиночество, в квартире – лёд.
Ещё пурга метёт по всей округе,
И приближение зимы планета ждёт.
А я борюсь с уныньем и тоскою,
Возьму гармонь, по клавишам пройдуся,
Смахну слезу, спою себе тихонько:
«Ты, одиночество, меня не тронь».

Ведь жизнь прожить – не поле перейти,
Так говорят в народе часто.
Всегда мешает нам ненастье,
А солнышко лишь только впереди.
И мы идем, к нему идем,
Прощаем всем свои обиды,
А счастья-то совсем не видно.
Зачем, скажи, тогда живём?
Мы – на работе, мы – в семье,
Мы всем нужны, мы помогаем,
А счастье я опять спрошу:

«Ты где, ау?» – опять не знаем.
К нему спешу, к нему стремлюсь,
Ведь, прожито совсем не мало,
Дождаться мне его невмочь,
Я начинаю всё сначала!

*Моей любимой внучке Настеньке
в день рождения*

Ах, скажите, на кого же
Наша Настенька похожа:
На фиалку или розу,
Иль красавицу – мимозу,
Иль на лилию в пруду,
Или гиацинт в саду?
Моя внучка – это счастье,
Это солнышко в ненастье,
Это радуга цветов
Средь барханов и песков.
Я за внученьку мою
Даже чарочку налью
И поздравлю с Днём Рождения,
Настеньке – во всём везения!
Сотни раз я повторю:
«Внученьку свою люблю!!!»

Осень

Кружатся листья,
Падают на землю,
Оповещают: «Осень к нам идёт».

Их разноцветье так в глазах играет,
И ветерок их по земле несет.
Немного грустно, что деревья голые,
Что тучи закрывают небосклон,
Что листья вперемешку со снежинками –
То, осени красивейший поклон!

27.09.2014

Золотая осень

Снова наступила золотая осень,
За окном снежинки белые летят,
И в душе закралась нежная грустинка,
Вспоминаю часто твой лучистый взгляд.
Мы теперь с тобою встреч не назначаем,
И тебя не жду я возле той сосны.
И слова родные души согревают,
И порою снятся радужные сны.

2017 г.

Зима

К нам пришла бегом, сама
Наша зимушка-зима.
Всё кругом белым-бело,
Закружило, замело.
И пришел к нам Дед Мороз,
Он кусает больно нос.
Во дворе ребят гурьба,
Кружит ветер, кутерьма,
Накатали снега в миг –
Получился снеговик.
Встали дети в хоровод:

Пусть придёт к нам Новый год.
Надевайте все коньки
И катайтесь у реки.
Здесь блестит на речке лёд,
Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Весна

Пришла весна-красавица,
Сегодня – третий день,
Она ветрами славится,
И звенит капель.
Воробушки на дереве:
«Чирик, чирик, чирик».
От солнечного зайчика
Подтаял снеговик.
Снимайте, дети, валенки,
Встречайте все весну!
Кругом видны проталинки,
Сосульки на ветру.
А солнышко лучистое
Подарит нам тепло.
Какое небо чистое
И на душе светло!
Спасибо тебе, солнышко,
На нас ты не серчай,
И радостно, и весело
Ты весну встречай.

Лето

Я не пишу, не сочиняю,
Возможно, просто отдыхаю.
А, может, просто не хочу,
И я молчу себе, молчу.

Проходят дни, за ними – неделя,
И я глазам своим не верю:
В разгаре лето, теплота –
Кругом такая красота!

Зелёный луг, зелёно поле,
Всё хорошо, кругом раздолье.
В душе тепло, и солнце светит,
Оно на ласку нам ответит,
Оно подарит нам тепло,
А с ним и счастье, и добро.

В лугах цветы, в лесу малина,
Ох, как же это сердцу мило!
Не каждому дано понять,
И как всё хочется обнять!

Вспорхнуть с цветочка на цветок,
И жизни маленький росток
Протянет ласково листочки.
Они, как маленькие дочки,
По кругу скромненько стоят,
На солнце ласково глядят.

Боюсь сорвать, боюсь обидеть,
Мне нравится всё это видеть,
Вдыхать цветочный аромат.
Такому раю каждый рад!

2021 г.

Юбилейные частушки об Иркутске

«Ой, подружка, выходи!»,
А я уже вышла.
В центре города поём –
В Юбилейном слышно.

Мы в Иркутске все живём
И частушки вам споём.
Ярче, солнышко, пригрей,
Ведь Иркутску – юбилей.

Хорошеет город наш,
Расцветает с каждым днём.
Иркутяне, всем спасибо,
Кто заботится о нём.

Расцветают коллективы
Тут и там по городу,
И поют они, конечно,
Очень даже здорово!

Течёт матушка-река,
Ангара-красавица,
Отдыхать на Ангаре
Иркутянам нравится.

Пришёл батюшка-Покров,
Будь, мужик, всегда здоров.
Снег навалит вдаль и вширь,
Расцветай, наша Сибирь.

Прибайкалье я люблю,
В Прибайкалье я живу.
О величии Байкала
Всему свету расскажу.

Припев:

Нам года – не беда,
Коль душа молода!
Так споемте, девочки,
Весёлые припевочки.

Ирина Королева

ст. Тельма

Гном

На опушке леса, в домике чудно'м,
Жил веселый Гоша – настоящий гном.
Он ни с кем не ссорился и не горевал,
И чудны'е песенки тихо напевал.

И коровка Зорька у него была,
Утром Зорька в поле травку есть пошла.
Гномик развеселый, с песенкой своей,
В лес бежал вприпрыжку навестить друзей.

Зайцы, белки, птицы – дружная семья.
Всем, конечно, нравится песенка твоя.

Вечером компанию в домике чудно'м
Зорька угощала всех теплым молоком.

октябрь 2022г.

Неразумные йети

Два неразумных йети
Сидели в Интернете,
Не спали и не ели,
Все мультики смотрели.
Картинки изучали,
Без устали листали
Различные странички.
Не слышали бедняги,
Как горько пели птички,
Как лето пролетело
И осень на подходе.
Для этих странных йети
Исчезло время вроде.
Надолго в Интернете
Не зависайте, дети!
Чтоб в жизни интересное
Не пропустить, как йети.

Каникулы

Солнце сладко припекает,
В лужах лето отражает,
И по лужам босиком
Ребятя бежит бегом!
Брызги в сторону – ура!

Беззаботная пора.
Можно прыгать и резвиться,
И с друзьями веселиться.
Лето! Лето – красота!
И веселье неспроста!
Не торопимся мы в класс,
Ведь каникулы у нас!

Моим детям

Я так люблю своих детей!
Люблю их смех и их улыбки.
Неважно сколько будет лет,
Я им прощу все их ошибки!
Пусть в этой жизни будет все,
Что только радость детям дарит.
Здоровье, счастье и любовь
Пусть никогда не покидают!
Мои родные, я не знаю,
Как бы без вас вообще жила.
И даже боязно представить,
Какой бы жизнь моя была?
Благословляю вас всем сердцем!
Пусть жизнь, как полная река,
Течет, бурлит и дарит радость
Не на года, а на века!
Стараться буду, как умею,
Для вас всегда поддержкой быть,
Оберегать, ценить, лелеять
И обязательно любить!

Про себя

Я – неудобная для всех,
Я – не стандартная.
Я – солнце, ветер, дождь,
Я – смех, и я – азартная.
Я – мать, богиня и жена,
Ещё я – бабушка!
В душе зову сама себя
«Родная Лапушка».
Что создаю – разрушу в миг,
Причём без жалости.
И для меня рутина – быт,
Нет места шалости!
Должно быть все наоборот,
Долой обыденность!
Пусть будет необычным всё:
День – неожиданность,
Неделя яркости и грёз,
Полет фантазии.
И год, и жизнь
Хочу прожить в разнообразии.

И уже по ночам не спится,
Не поет о любви душа.
Наши ценности стали различаться
Потихонечку, не спеша.
Каждый день стал каким-то безрадостным,
Между нами – огромный пустырь.
Нет желания идти на сближение,

Каждый сам по себе, как пузырь.
Ну и пусть!
Значит, так предначертано,
Суждено этот опыт пройти.
Значит, в чём-то придётся раскаяться,
Чтобы снова Любовь обрести.

Частушки про коронавирус

Мой миленок – депутат
Уже должности не рад:
Наводили кьюар-код,
Разбежался весь народ.

Что за вирус – «омикрон»
И откуда взялся он?
Мне сказали по секрету:
Его лечит самогон.

Кьюар-коды, кьюар-коды –
Я куда не погляжу,
Лучше в Турцию слетаю,
Поваляюсь на пляжу.

У меня сегодня праздник,
Отдохну за целый год –
Меня милый без кьюар-кода
Не пускает в огород.

Я коровушку свою
Назвала Вакциною.

У соседей бык живёт,
Его кличут Кьюар-код.

Возмущаюсь я на мужа,
Не нашёл других имён.
Он назвал ребят-тройняшек:
Дельта, Ваксер, Омикрон.

Я ковидом заболела
Да не растерялася,
Мухоморов я поела
И жива осталася.

Ешьте, люди, мухоморы,
Хоть не вкусные на вид.
И тогда, скажу вам точно,
Не привяжется ковид.

Эх, Сибирь – мороз крепчает,
Это вам не шутки!
Надевайте, господа,
Валенки да шубки!

Дед Мороз сейчас не ходит,
Дома он теперь сидит,
А подарки нам разносит
Новый дедушка – Ковид!

Наступает Новый год,
Много счастья нам несёт.

Пусть народ по всей России
И гуляет, и поёт.

Говорят – беда, беда,
Этот вирус – ерунда!
Всё народ переживет,
И станцует, и споёт.

Вдыхайте красоту Весны!
Испейте это вдохновение!
Весна – как миг, одно мгновение,
Вдыхайте красоту Весны!

Любовь Купрякова

с. Новая Уда

Весна сорок первого года

Весна сорок первого года,
Спит советский народ.
Голубь белый, птица мира,
Свободно над Россией плывет.

Но вдруг земля сжалась, содрогнулась,
Грохочут взрывы, не смолкает бой.
Как будто рухнул мир в тот час суровый,
Закрылось небо черной пеленой.

Война. Страшнее нет на свете слова.
Грохочут танки. Слышна чужая речь.

Бомбят ночное небо самолеты.
Россия, как тебя нам уберечь?

Четыре долгих, тяжелейших года
Тянулась та жестокая война.
Пришлось невероятно сложно,
Но шел солдат атакой на врага.

Война огромной черной раной
Застыла в человеческих сердцах.
Земляне! Хрупкий мир вы сберегайте,
Планете нашей не нужна война.

Так дорого досталась нам Победа,
Какой ценой достался людям мир!
Спасибо за него вам, воины-солдаты!
Мы помним вас, гордимся вами, чтим!

Весна. Век 21. Свобода.
И так прекрасна жизнь.
Спасибо вам, советские солдаты,
Что в мирное мы время родились!

Татьяна Курбатова

с. Светлолобово

Моя дорогая, родная сестра

При въезде в деревню наш домик стоял,
Он будто приезжих так всех искушал:
Заезжали к нам все отогреться скорей,

У нашего папки было столько друзей...
Для нас всех он был самым лучшим отцом,
Для взрослых – он был молодым удальцом!
Наша мама была необычной такой,
Как будто совсем ей не нужен покой.
Не сделает работу никто за нее,
Нас семеро было детей у нее.
Ты – пятая по счету, ты – средняя сестра,
Поэтому пишу этот стих для тебя.
Жизнь свою вкратце напомнить хочу,
Наверное, с детства я все же начну.
Мы бедненько жили, но мы не тужили,
В нашем доме всегда были радость и смех.
В деревне прошла эпидемия гриппа,
Мы все заболели, как будто на грех.
Лежали мы все наповал, как в больнице,
Лишь не было только в халате сестрицы.
Но ты непоседа такая была,
В кровати лежать никак не могла.
Осложнение дало на сердце твое,
Тогда будто радости все подмело.
Смеяться нам не хотелось всем,
Как будто про радость забыли совсем.
К машине тебя на руках уносили,
В больничку района тебя увозили.
Врачи не давали надежды совсем,
Ты вызов бросала болезни и всем.
Ты родилась под счастливой звездой,
Хотя и боролась со всякой бедой.
Болезни свои ты сама побеждала,
Как будто судьба не одну жизнь давала.

Бог таким людям много жизни дает,
Верьте в добро, и никто не умрет!
Ты помнишь, в детстве мы любили
Друг другу сказки сочинять,
Все было так правдоподобно,
Как будто их читала мать.
Артистов своих наугад узнавали,
Способности наши как будто в нас спали.
Рассказы и сказки могли сочинять,
Ведь этого было у нас не отнять.
Ты это всегда будешь помнить,
Есть преданный тебе человек.
Дружили не с самого детства,
Пусть даже со школьной скамьи,
И в эти все прожитые годы
Друг друга предать не могли.
Прошла ты в жизни много ухабин,
С подругой тебе повезло,
За все эти заслуги,
Послал, наверное, Бог ее тебе.
Человек удивительно чуткий
И чувствует каждый твой вздох.
Ведь мы ей всегда восхищались,
Ее добротой, красотой.
В душе мы себе признавались,
Что нет Полины другой!
Друзей у тебя было много,
Все уважали тебя.
Работала в клубе когда-то,
Со всеми ты ладить могла.
А помнишь, в Братске вместе жили,

Швеей работала тогда.
И там жила в таком комфорте,
Препятствий нет для тебя.
Я так уставала, валялась с ног,
С меня ты снимала пальто и платок.
Старалась скорее меня накормить,
Прибрать мои вещи и спать уложить.
Все остальные годы
Ты детям своим отдала,
За добрую душу твою
Любят как маму свою.
Тебя предавали, я знаю, не раз,
Я видела, падали слезы из глаз.
Так сердце болело твое у тебя,
Но ты не сдавалась, родная сестра.
Всегда справедлива, горда и честна,
Доброты и упорства не отнять у тебя.
Падать будешь, коленки сбивать,
В тебе столько сил, будешь снова вставать.
Будешь дело свое вести до конца,
Ты – самая яркая в небе звезда,
Моя дорогая, родная сестра.

Моё чудо

Так долго этого ждала,
Молила и просила,
Совсем себя не берегла,
В ученье посвятила.
А годы быстро так летят,
Неумолимо просят:

Пора детей тебе рожать,
Об этом сердце спросит.
И Бог мне милого послал,
Судьбу свою построить,
Держать ребеночка в руках,
Ведь это того стоит.
И обращаюсь я к врачам,
Диагноз ставят страшный:
Детей не будет у тебя,
Рожать уже опасно.
Не верила я в этот бред,
Лечилась и молилась.
Услышал мой Господь меня,
И чудо появилось...
Я долго так его ждала,
До неба возносила,
От радости кружилась голова,
Я просто веселилась!
И вам, всем женщинам, скажу,
Ведь только верить надо.
Плохое в памяти стереть –
И вот тебе награда.
Прижать ребеночка к груди,
Услышать, как он дышит.
И любоваться день и ночь,
Он тоже тебя слышит.
Надежда есть всегда, у всех,
Ты верить должна в это.
Молись Матронушке святой,
Получишь чудо света.
Проси у Господа, проси,

Со слезами, с откровеньем.
Услышит, милая, тебя,
Поможет с таким рвеньем.
Встань на коленочки свои,
Молиться уметь надо,
Все из души должно идти,
Услышать Бога надо.

Школа

А школа стоит, как корабль заводской,
И дети с крыльца вам машут рукой:
Идите сюда, посмотрите, как здесь
Видна нам сверху деревня и лес.
Люблю я свой край и деревню свою,
Про край свой любимый я песни пою.

Мария Луковникова

с. Новая Уда

Ромашки белые

Ромашки белые, такие нежные!
На крепкой ноженьке стоят,
Не поддаются непогодушке
И на жестокость не ропщат.
Я выйду в полюшко
К своим ромашечкам
И обо всём им расскажу,
И поделюсь с ними невзгодами,
И силушку от них возьму.

А, если радость, вдруг нечаянно,
Коснётся сердца моего,
Я вновь пойду к своим ромашечкам
И разделю с ними её!
Ромашечки милые, родные!
Навек я с вами сплетена,
И никакая злая сила
Нас не разлучит никогда!
На бугорке я к ним присяду,
Поговорю по душам и спою,
Ведь мне даны они в награду,
Чтобы облегчить жизнь мою!
Я так похожа на вас, ромашечки:
На крепких ноженьках стою,
Не поддаюсь я непогодушке
И на жестокость не ропщу!

Татьяна Макагон

п. Усть-Уда

Июльский полдень

Первый день июля –
Знойная пора.
Улыбаясь солнцу,
Дремлет Ангара.

Серебрятся блики
На ее груди...
Зачерпни в ладони,
Ближе подойди.

Плещутся мальчишки,
Слышен звонкий смех...
Легкая отрада
На душе у всех.

Первый день Победы

Когда была война,
Мы были еще дети.
Что нам сулит она –
Никто не знал на свете.

А были голод и разруха,
И жаркие бои, и смерть.
Держались люди друг за друга,
Не дав надежде умереть.

Надежде той, что в каждом билась,
Звала на подвиг и на труд.
Война четыре года длилась,
И был победным ратный труд.

Враг был повержен и сметен
С земли Отчизны, нам родной!
И каждый в этом был силен!
Народ великий наш – Герой!

Ирина Маскалева

п. Усть-Уда

Детский садик «Колокольчик»

Утром рано просыпаюсь,
С солнышком бегу я в сад.
Там мои друзья, родные,
Очень видеть их я рад.

Утром каша и зарядка,
«А игрушки, где мои?»
Мы считаем по порядку:
«Раз, два, три».

В садике мне так чудесно!
Не хочу я уходить,
Мне трудиться интересно.
Я останусь здесь пожить!

Воспитатель мой любимый!
Ты всему научишь нас.
И нам так необходимый,
Любим мы всем сердцем Вас!

Поздравляю с Юбилеем,
Мой любимый детский сад!
Ты с годами хорошеешь
И милеешь для ребят!

Павел Меновщиков

В память по усопшим

Довелось побывать на погосте,
Были крепкими те мужики.
Завернул на минуту к ним в гости,
Но не жмут они больше руки.

Так и хочется крикнуть: «Вставайте!
Много дел накопилось без вас».
Тихим шелестом шепчут веночки:
«Управляйтесь, живые, без нас».

Крепко спят бывшие танкисты,
Меткие артиллеристы,
Ружейные мастера
И все, кто вставал на работу с утра.

А этот крепкий мрамор-гранит
Пусть долгую память о вас сохранит.

Лесная муха

Вьется муха возле уха
И поет, поет на ухо:
«Я летала по лесам,
По долинам и лугам.
И медведю пела в ухо,
Лосю, кабану на ухо,
Поднималась до небес,

Знают все меня окрест».
И назойлива ты, муха,
Не кружись ты возле уха!
А не то, как шлепну в ухо,
И не будет тебя, муха.

Кошка

Сядет кошка на окошко,
Помилуется немножко
Солнцем, светящим в окошко,
И потянется немножко...
По избе пройдет так важно,
Выгнув хвост «грубой»,
То налево, то направо
Вертит круглой головой.
Включит «фары» в темноте:
Мышки – берегись.
И крадется по кладовке,
Как по лесу рысь.
Умывается так мило,
Лапкой поводя,
Как подмечено в народе –
К гостям, загодя.
Словом, кошка хоть из диких,
Но пристала к нам,
Без нее бы было скучно
Людям и домам.

Напутствие в дорогу

Мой друг психует за рулем:
Мол, едет тот не так, как надо...
А этот правила нарушил
И тем движение разрушил...
Так кто же едет на авто?
Давай, задумаемся вместе:
Вот старый дед склерозник едет,
Его звезда уже не светит,
Был на полуторке герой,
Теперь не дружит с головой.
Вот дама глупостей полна,
Вся в телефон погружена.
А этот – явно сельский житель,
Его село – его обитель,
И, не уверенный в себе,
Творит ошибки в суете.
А кто-то прикупил права,
Кружится кругом голова,
От плотного машин потока –
Пугает чуждая дорога.
Будь милосерден к ним, прости,
И если, можешь – пропусти.
Ты не учитель, не судья,
И не бери роль палача.

Июль

Заслонили тучки солнце,
Небо принахмурилось.

Хлынул ливень, и гроза
Осветила небеса.

Ребятишкам же потеха,
Много возгласов и смеха:
Босиком по лужам мчаться,
Никому не подчинятся.

Июль на праздники богат,
Отмечать их каждый рад:
Речники и рыбаки,
И военные моряки.

Первоапостолов Петра и Павла
Будут храмы чествовать,
А приход свой православный
Батюшка приветствовать.

Луга, в разгаре сенокос,
Цветенье трав, их буйный рост,
И пчеловоды ожидают
Вполне приличный медонос.

Но скоро кончатся златые дни,
Не долго балуют они,
Купаться, загорать, нырять,
Ах, жаль, что их не удержать.

*Как много песен про лето спето,
Счастье, это просто – лето!*

В Баргузинской стороне

В Баргузинской стороне
Довелось бывать и мне.
Жил, работал, призывался,
Отслужил, ума набрался,
Видал, как живет народ,
Так как прожил там не год.
И свои соображенья
Опишу, как наблюденья.
Сказ о маленькой стране –
Баргузинской стороне.
С тем названием долина
Протянулась вширь и вдаль,
Куйтуны, гольцы и реки,
И лесов сплошная марь.
Зверь и соболь есть в тайге,
Мех которого в цене,
Признан лучшим во всем мире –
Баргузинский, из Сибири.
Черемша, курорты есть,
Разной ягоды не счесть.
Бьют горячие ключи
И во множестве ручьи.
Баргузин-река широка
И достаточна глубока.
Поит батюшку – Байкал,
Чтобы он полнее стал.

Он же в знак благодаренья
И особого почтенья
Гонит в реку косяки:
Омуль, хариус, сиги.
На берегу – поселок древний,
Имя тоже, как реки,
Город, крепость, путь торговый –
Пишут так историки.
Декабристы в ссылке были,
Быт, культуру оживили.
Здесь охотник Хабель жил,
С егерями не дружил.
И народ не суетливый,
Духом крепок, не ленивый:
Он и плотник, и технарь,
Любит преданно свой край.
Есть душа и сердце в нем,
Слово сдержит и притом
Он охотник и рыбак,
И в орешнике мастак.
На ветру холодном, жгучем
Он лица не отвернет
И не бросит на дороге,
Обернется, подберет.
Не болтлив и в меру сдержан,
Не предаст и чай подаст,
Ну, а если и придется –
Не моргнет и сдачи даст.
Был и есть хороший воин –
Загляни в военкомат,
Там и русский, и бурят

На доске фронтовиков,
Что страну спасали честно
От фашистских от оков.
Довелось бывать и мне
В Баргузинской стороне.

Небесное кино

Лежу, смотрю на небеса
И вижу разны чудеса.
Проплывают тучи,
Грозны и могучи.
Пригляделся – слон, слониха
И какая-то неразбериха...
Чуть левей – портрет министра,
Рядом – личность бургомистра.
Кадр за кадром, как в кино,
Только все замедлено.
Посмотрел минутой позже,
Нет уже той толстой рожи.
Все течет, меняется,
Видоизменяется.

Ошибки

Ошибки, ошибки, ошибки...
Не вспомнить о них без улыбки,
Не вспомнить о них и без грусти,
Их делаем часто по глупости.
Как много ошибок при росте
Отсутствуют лишь на погосте,

Попутчики наши по жизни
Нам ставят капканы при жизни.
Но так человек задуман,
Что плюс в нем и минус придуман.
Как есть полюса в природе:
Есть север, а юг – напротив,
И как ты компас не крути,
Но те полюса не свести.
Сделав ошибку, маемся
И их избегать стараемся,
Опять же на них натываемся,
От них никогда не избавимся.
Пусть часто корим мы себя за ошибки,
Не кайся, а помни о них чуть с улыбкой.

Нина Минкевич

с. Светлолобово

Дети снова в школу собираются

Дети снова в школу собираются,
Начинается учебный год.
Нынче наша школа улыбается,
Здесь собрался сельский весь народ.
Первоклассник маленький волнуется,
Он за ручку с мамою идёт,
Старшие у зеркала тусуются,
Начинается учебный год.
Не волнуйся, милый первоклашечка,
Тебе будет в школе хорошо.
Все тебя здесь встретят очень ласково,
Ты ведь в семью дружную пришёл.

Осень

К нам серым облаком спустилась осень,
И мы давно уже отвыкли видеть неба синь.
Верни нам солнце, непогода, мы так просим,
В ответ нам: слякоть и туманы, солнца не проси.
«Какая странная погода!» – удивляемся,
И всё же с участью такую примираемся,
Ведь впереди ещё морозы ожидаются,
А осень дождичком нас плещет, развлекается.
Так хочется увидеть небо чистое,
И чтобы улыбнулось солнышко лучистое.
Всем оно мигом поднимает настроение.
Вернись же хоть на миг к нам, солнышко осеннее.

*Стихотворение написано после высказываний о том, что
Усть-Удинский район неперспективный, подлежит за-
крытию, а население – переселению.*

Ничего милее нет нашей тайги

Жили предки здесь веками!
Жили хорошо!
Осетра в реке ловили,
Что же ещё?!
Не дадим погибнуть, люди, Родине!
Пусть живут потомки наши на родной земле!
На кустах черёмуха, боярка везде!
Гроздьями смородина в корзину к тебе!
Красная, чёрная, синяя манит,

Ягода всякая тянет, как магнит.
А осеннею порою грузди пойдут,
Рыжик яркой краской манит,
Как утерпишь тут!
Рюкзачок на плечи кинешь,
В лес ты пойдёшь!
И весёлый, отдохнувший, грибов принесёшь.
Сибиряк нигде не сможет так жить,
Заскучает, затоскует он, домой побежит.
Ничего милее нету нашей тайги.
Так старайся же, земляк мой,
Её сбереги!

1998г.

Олеся Николаева

с. Подволочное

Книга – лучший друг

Книга – самый лучший друг,
Всё она расскажет,
Что везде и как вокруг,
Вмиг она покажет!

Всё по полочкам разложит,
Объяснит, научит.
В трудной ситуации
Голову подключит.

Много в мире разных книг,
Все они полны интриг,

Дочитаешь до конца
И откроешь дверь ларца.

Там уроков множество
И советов много.
У них проходит торжество
И отдыха немного.

Книга – самый лучший друг,
Всё она расскажет,
Что везде и как вокруг,
Вмиг она покажет!!!

Алла Подкорытова

с. Молька

Дыши с Байкалом

Много озёр на планете прекрасных –
Чистых, красивых, глубоких и ясных.
Очень похожих и очень различных,
Бурных и тихих, и мелодичных.

Но в сердце запала к Байкалу любовь!
При виде его всё сильнее бурлит кровь,
И ритмов сердечных моих перезвон
Понять и услышать может лишь Он.

Мудрый и добрый, и справедливый,
Очень спокойный, и очень строптивый,

Самый глубокий и самый чистый,
Очень медлительный и очень быстрый.

Всё, как в душе человека увидишь,
Если с Байкалом вместе ты дышишь.
Бурю страстей в его водах найдёшь,
Если в Священное море войдёшь.

И много веков защищает Байкал
Всех тех, кто когда-то с ним вместе дышал,
Кто душу Священному озеру вверил
И в мудрость Байкала бесспорно поверил.

Увидел и силу, и разум, и мощь,
Каких в человеке порой не найдёшь.
И делится этою силой Байкал
Со всеми людьми, которых узнал.

Которых он с мудрой улыбкою встретил,
Как близких людей с любовью приветил.
И всем этим людям старец Байкал
Самым любимым озером стал.

И я приезжаю сюда каждый год...
Кто был на Байкале, скорее поймёт,
Как теплится в любящем сердце надежда
Увидеть Байкал! И всё будет, как прежде...

И яркое солнце, песок золотистый,
Чаек Байкала полёт очень быстрый,

Шумы и всплески красивейших волн,
И ритмов сердечных моих перезвон!

Вера Палюрова

д. Халюты

Халюты – родина моя!

Халюты – родина моя!
Куда не глянешь, всё родное:
И лес, и горы, и поля,
Такое сердцу дорогое!

Здесь меня мама родила,
Отец мой тоже тут родился.
Мой прадед и его отец
Здесь жил, тут рос и здесь трудился.

Мой корень древа очень древний,
Мой предок самый первый житель.
Палюр. Он сруб поставил на деревне
И от него пошла эта обитель.

Гора «Улан», что в переводе красный,
«Проскуриха», «Весёлая», «Штаны»...
Люблю я даже местные названия,
Ведь многие по-своему чудны.

Здесь чистый воздух, как парное молоко,
Земля нам дарит урожаи.
Здесь так спокойно и легко,
А далеко, тревожно мне бывает.

Быть может, я когда-нибудь уеду,
И где-то далеко найду себя.
И на вопрос: «Откуда ты?»
Отвечу: «Халюты – Родина моя».

Татьяна Палюрова

д. Халюты

Блины из детства

Блины считают «удались»,
Когда потоньше, кружевнее.
У моей бабушки они
Были на свете всех вкуснее.
Я помню: бабушка печёт
С кислинкой, толстые такие,
На сковородку жир кладёт,
И цветом были золотые.
Я всякие умею печь:
И разные, по одному рецепту,
И из того, что в доме есть,
Из пресного и дрожжевого теста.
Я заморочусь иногда,
Любых возьму ингредиентов,
Но не выходят никогда
Блины бабулины из детства.
Мои блины внук очень любит
И как-то быстро он растёт.
Когда совсем уж взрослым будет,
Моих блинов ему никто не испечёт...

Когда мы с мужем поженились,
Слова такие он мне часто говорил:
– Ты – девочка любимая моя,
Никто тебя, как я, на свете не любил.
Я на руках всегда тебя буду носить,
Весь мир я положу к твоим ногам,
Что хочешь у меня проси.

Потом, со временем, всё реже говорились
Моим ушам приятные слова,
Меня уже так просто не поднимешь,
Не потаскаешь больше на руках...

Но, вот однажды, как-то вечером на кухне,
Готовлю ужин для своей семьи.
И слышу я, издалека как будто,
Те самые признания в любви.

Мы в браке уже лет пятнадцать,
И третья доченька недавно родилась.
Зачем так снова признаваться,
За стенкой в другой комнате стоять?

Но сердце моё так затрепеталось,
К двери на кухне я тихонько подошла.
Послушаю, а вдруг мне показалось,
Что слышу те же самые слова?

Вполголоса, так нежно и с любовью,
За стенкой голос мне родной,

Напевно даже, но тихонько,
Мне предназначены одной.

– Девочка, любимая моя,
Люблю тебя сильнее всех на свете.
В обиду никому тебя не дам,
Весь мир положу я к твоим ногам.

Но только одного не понимаю,
Зачем из коридора говорить?
Он знает, что лапшу домашнюю катаю.
Не может, что ли в кухню он зайти?

И тут уже сама я не стерпела,
Из кухни быстро выглянула я...
Не мне слова все эти пелись...
Он дочку нашу носит на руках.

Памяти бабы Гали

*Баба Галя – это сестра моей бабушки
(маминой мамы).
Я писала эту былину ей в подарок на 80-летие.*

Я всех приветствую в этом красивом зале,
В этот прекрасный, майский день,
Я поздравляю нашу бабу Галю,
85 исполнилось сегодня ей.

Сколько лет прожито,
Сколько дорог пройдено.

Оглянуться назад не стыдно,
По плодам всю жизнь видно.

Живёт в старости в семье дочери,
Живёт в ласке, почёте, доблести.
Не у всех такой старость бывает,
Ведь, кто как её собирает.

А собирала свою старость баба Галя
Жизнью трудной, тернистым путём.
Хлеба лёгкого не искала,
А работала ночью и днём.

Из большой семьи она родом,
Родила её мать Амба.
Из детей всех седьмой ребёнок,
Отца звали Алексеев Николай.

Детей было всех восемь,
Четыре дочки, четыре сыночка.
Не выжила самая младшая,
Маленькой совсем умерла.

Отец стал врагом народа,
Жертвой репрессий стала она.
Мама моя Маргарита
Вспоминает рассказ своей матери:

«Мама наша за стены держалась,
Не было сил даже ходить.

Сестрёнка плакала и умирала,
Нечем было совсем накормить.»

Семеро прожили трудную жизнь,
Потомки сегодня их здесь собрались.
Я буду их называть,
А дети и внуки будут вставать.

Иван, Михаил, Пётр, Семён, Надя,
Наша, Галя.
У прадеда моего Николая
Были братья Орбонэ и Гриша.

Давайте получше друг друга узнаем,
Потомки их ручками помашите.
От Орбонэ (Степана) родились четыре дочери:
Ирина (от неё Любовь, Татьяна),

От Анны – Мантыковы все,
От Веры – Федора,
От Елизаветы – Ася, Олег, Нэлля.
От третьего брата Григория родились:

Егор, Майя (от неё Ага, Гена и Света).
Но, как прадед женился на прабабушке моей –
История нестандартная,
Удивляет нестандартностью своей.

Прапрадед Платон по прозвищу «Зверь»
Правил уездом Балаганским,

А выборы в главы не то, что теперь,
Были событием капитальным.

Капитальным в смысле прямом,
Выбирались в главы не просто,
Обходились здесь не одним сундуком,
Глава должен быть «капитального» роста.

Чтобы на случай войны
Запасов в уезде хватило:
Оружия, хлеба, всякой крупы,
Мяса, одежды, мыла.

И правил там он много лет,
Обращался со всеми строго.
Был хозяин не только монет,
Со своих тоже спрашивал много.

Все восемь его дочерей,
Как сыр в масле катались.
Сватали их за богатых людей,
Отца они очень боялись.

У младшей Амбы была личная карета,
В церковную школу возили её.
Велосипед был с зонтом для лета,
Не жалел ничего отец для неё.

Она выросла девушкой статной,
Умелой, весёлой, красивой.

Нашёлся и жених знатный,
Но с бородой козлиной.

Амбе он не по сердцу совсем,
Есть у неё Николай.
И Николай для неё лучше всех,
Хоть от отца убегай.

Все старшие сёстры Амбы
Потомства совсем не дали.
Замужем жили они без любви,
После брака они умирали.

Говорят, что богатого нашего предка
Когда-то проклял шаман.
Умерли все его дети,
Спаслась лишь одна Амба.

Слышала, был у неё белый крестик,
Всю жизнь она его хранила.
Когда в страну пришли Советы,
Опасно было, не носила.

Но, с нею был Ангел – Хранитель.
Жили они, наверно, счастливо,
Никогда на жизнь не роптала она.
Стойкая, сильная, верная,

Не жалела о том, что сбежала тогда.
Богатство отца, как у всех, отобрали,
Да особо о нём она не вспоминала.

Мужа её, моего прапрадеда,
Отбрали репрессии Сталина,
Расстреляли его в Пивоварихе где-то,
В общей могиле останки завалены.

Не сказал на допросе фамилии точной,
Он назвался Степанов, зовут Николай.
Духом был человек очень мощный,
Детям стойкость свою передал.

Они росли с клеймом «дети врага народа»,
Но это не сломило их.
Всё становились крепче год от года,
И были закалённее других.

Галина с Нашей были как двойняшки,
Трудолюбивы очень с детских лет.
Всегда следили за порядком,
Ходили друг за другом в след.

Имея в доме стол и табуретки,
Любили мебель так переставлять,
Что удивлялись все соседки:
Ваш дом ну прямо не узнать.

Пешком ходили в Барахал, к сестре Надежде,
А с Хайги, я скажу, не ближний путь.
Я представляю ее в худенькой одежде,
Охота было на сестру взглянуть.

Надежда их постарше, замуж вышла,
Ребёнка родила – и нету сил.
Галина всяко начинает мыслить:
«Кто б мне сестру сегодня покормил?»

Отправилась она в колхоз на кухню
И повару поведала обо всём,
Как уж она их уболтала,
Но назад идёт и с хлебом, и с борщом.

От счастья никого не замечает:
«Сестру, сестру мне надо накормить»,
А сзади пёс голодный налетает,
И умудрился суп её разлить.

Несчастней её нету человека,
Рыдает долго горькими слезами.
Запомнила собаку ту навеки
И вспоминает нехорошими словами.

Однажды навалился страшный голод,
И дети возле матери в избе
Все жалобно так смотрят друг на друга,
Как тяжело было прабабушке Амбе.

И думаете, как она их пожалела?
Она из дому всех разогнала:
«Голодной смерти вам я не хотела,
Идите все, куда глаза глядят».

И кто куда из дома разбежались,
А Михаил по полю побежал.
И слёзы как-то сами всё бежали.
Бежал, бежал, запнулся и упал.

И что-то под рукой нащупал:
Под холмиком была нора.
Какой-то суслик на колхозном поле
Полным-полно зерна наворовал.

Рубаху завернув и сделав сумку,
Он всё зерно скорей собрал.
Дыхания не хватает, бегут слюнки,
Да как бы ещё кто не увидал.

Отдал он матери зерно,
А сам скорей всех созывать:
«Давайте, возвращайтесь все домой,
Там мама ужин будет накрывать».

Я думаю, для нас это животное
Должно быть очень дорогим.
Когда увидите вы сусликов,
Спасибо все скажите им.

Ещё в войну таскали с лесу сёстры хворост,
А снег не по колено, а почти по пояс.
И стали сёстры замечать:
Стал хворост очень быстро исчезать.

Галя помладше осталась в доме,
А Наша, как стемнело, в туалет.
Все мужики у них на фронте,
Отца вообще в живых уж нет.

Сидит она там неподвижно
В мороз уж несколько часов.
Девчонка, а в руке дубинка,
Поймала ведь она воров.

Избила мужика соседа,
А тот по брони дома был.
Как от стыда тогда горел он
И воровать совсем забыл.

Как интересно всё былое:
Как предки жили, как старались,
Как воевали, как влюблялись.

Как много они все страдали,
Войны увидели тот ужас.
Нет, мы уж точно так не сможем,
Век техники такой бездушный.

Здоровья нашей бабе Гале
От всей души я ей желаю.
Пусть много лет ещё живет
И нас ещё не один раз к себе на юбилей зовёт!

Песня о Мольке

*Слова и музыка
Татьяны Палюровой*

Родная земля – моя малая Родина,
Молька – так называли тебя.
Здесь мои предки жили, работали.
Родился, учился, живу тут и я.

Припев:

Молька – это значит
Черёмуховый край.
Живи же, моя Молька,
Живи и процветай!

Здесь родился Альфор –
Народный сказитель,
Эпос бурятский пел наизусть.
Мастером слова улигеров носитель,
В сердцах земляков живёт долго пусть.

Припев:

Молька – это значит
Черёмуховый край.
Живи же, моя Молька,
Живи и процветай!

Богата история нашего края,
Были и церкви, и комсомол.
Земля провожала на войну и, встречая,
Рада была, забывая про боль.

Припев:

Молька – это значит
Черёмуховый край,
Живи же, моя Молька,
Живи и процветай!

Пусть же так будет, также, как раньше,
Люди дружно живут.
Русский с бурятом сеют и пашут,
Пусть кипит саламат, балалайки поют.

Припев:

Молька – это значит
Черёмуховый край,
Живи же, моя Молька,
Живи и процветай!

Арина Палюрова, Татьяна Палюрова

д. Халюты

Война – жестокое то слово

Война – жестокое то слово,
Не обошла мою семью.
Не покидают меня мысли снова,
Благодаря кому на свете я живу.

Знать хочу историю
Про свою семью,
Изучать, исследовать,
Как жили в ту войну.

Служил он в Армии и после войны,
До 51-го года был стрелком охраны.
Вернулся в родной колхоз «Новострой»,
Он и в труде был тоже герой.

За хорошую работу ездил он в Москву,
На Всесоюзную сельхозвыставку в 56 году.
Там медаль за труд он получил
И потом всю жизнь её хранил.
Был женат, вырастил четверых детей,
Скромнен был, не хвалился доблестью своей.

Прабабушка моя, Алексеева Анастасия Николаевна
В годы войны была как я.
Она работала по дому, в поле
И помогала фронту, как могла.
Ночами рукавицы шила,
Дрова таскала на себе.
На фронт трёх братьев проводила
И дождалась она не всех.

С сестрой тогда подростками были,
Трудились много, как могли.
Своими братьями гордились,
В сердцах любовь и память берегли.

Прабабушка за доблестный труд имеет медали,
Награды сейчас младший сын бережёт.
Когда мы ему позвонили, спросили,
Сказал, что по вайберу их перешлёт.

Нашли информацию про трёх её братьев,
В Якутске живёт её старшая дочь,
Когда мы её о них расспросили,
Рада была она нам помочь.

Старший – Иван, служил под Москвой,
Раненых он из-под пуль доставал,
Рота его была санитарной,
С поля бойцов на себе он таскал.
В 41-ом погиб там, другим помогая,
Не увидел Победу прекрасного мая.

Второй брат Пётр погиб тоже под Москвой,
Служил в роте мотострелковой, погиб в бою
Во время первой победы в январе 42-го.

Третий брат Семён воевал с Японией,
Снайпером на Восточном фронте.
Имел медали «За отвагу»
И «За победу над Японией».

Он пришёл с Победой, женился и работал
Водителем машины в родном своём колхозе.
Вырастил достойно десятерых детей,
Образованных и трудолюбивых людей.

Четвёртый брат Михаил
Работал в войну на разработке
И добыче металлов
Для танков и самолётов,
Для брони и для снарядов.

Очень он просился на войну,
Приходил в военкомат не раз,
Но, сказали: нужны люди в тылу,
Пришлось выполнять приказ.

Мамин дедушка со стороны отца
Олзоев Василий Николаевич
Жизнью рисковал не раз.
Воевал с Японией, очень смелым был,
Вернулся он с Победой,
До старости прожил.

Жил он в нашей Усть-Уде,
В милиции работал,
Много разных почестей,
Грамот заработал.

Вырастил четверых детей:
Дочку и трёх сыновей.
В жёны взял он девушку с Кижей,
Самую красивую по округе всей.
Звали её Галина,
Дочь Купрякова Константина.

Её отец, Купряков Константин Осипович,
Ушёл на фронт в начале войны,
Взят был в плен,
Но бежал и пришёл до своих.

В плену, конечно, трудно было,
Заболел он тогда и не выжил.
Оставалось тогда трое детей,
Он даже не знал о дочке своей.

Когда он уходил,
Не рождённой она была.
Сейчас живёт в Ново-Ленино.
Из четверых детей она одна жива.

Но тогда его жена
Всех детей подняла одна.
Все оставили потомство,
Уже есть внуки у их детей.
Вырастили для России:
Учителей, военных, врачей.

Не вернулся мой прапрадед,
Но, не забудем вовек,
Потомков мы посчитали –
79 человек.
Со стороны моего папы
Воевал его дядя Антон,
В 41-ом он призвался на фронт.
Воевал на Курской дуге, защищая Москву,
Служил в 67-ом горно-кавалерийском полку.

Там тогда не просто было,
Шёл тогда горячий бой.
Ранен был осколком в руку
И вернулся он домой.

Получил медали две:
За Победу и за труд,
Потом в каждый юбилей
Много их ещё дадут.

Дальше он в тылу работал,
Председателем он был,
Сразу он тогда женился,
Четверых детей родил.
Всех достойно воспитал,
Образование всем дал.

Хочу всем сказать, друзья,
Работа мне понравилась.
Много нужных знаний в
Голове прибавилось.

Я работала, искала,
Много данных собирала.
Я с родными пообщалась,
Даже я в гостях была.
Некоторых и не знала,
А сейчас их обрела.

Я закончила работу, гипотезу доказала,
О своей работе в классе рассказала,
Раздала анкеты, задала вопросы,
О своих героях они тоже спросят.

В каждой семье есть свои истории,
И они хотят, чтобы мы их помнили.

Своё выступление я хочу закончить
отрывком стихотворения Эдуарда Асадова:
*«И, шагая за высокой новью,
Помните о том, что всякий час
Вечно смотрят с верой и любовью
Вслед вам те, кто жил во имя вас!»*

Ирина Поцелуева

с. Аносово

Зима

Ночь январская, морозная,
В небе звезды-жемчуга,
В поле, в саваны окутана,
Разгулялась вновь пурга.
То рассердится и стонет,
То хохочет и зовет
За собою в даль туманную...
Только кто за ней пойдет?
В светлой комнате натоплено,
И не слышно, как во тьме
Одинокая, холодная
Плачет старость обо мне.

Мария Разуваева

г. Иркутск

Россия, встань!

Россия, встань! Иди, родная,
Навстречу свету и любви,

Иди же гордо, разрывая,
Оковы тяжкие свои.

Живи свободной. С целью ясной.
И воплощай в делах благих
Мечты о будущем прекрасном,
И будь примером для других.

Своих храни, о каждом зная,
Навстречу с помощью идя,
И береги, не уставая,
Как мать любимое дитя.

И рать поднимется святая
Для добрых дел, тебя любя.
Живи в любви, страна родная,
И пусть Господь хранит тебя.

Розовый сумрак ночи

Розовый сумрак ночи.
Правит игра теней.
К ложному путь короче,
К истинному – длинней.

Где-то в глубинах мира
Звуки слышны борьбы.
Нежности хочет лира,
Боя – оскал трубы.

Не умолкают споры.
Мучают до утра.
Нет у любви опоры,
А у борьбы добра.

Розовый сумрак ночи.
Правит игра теней.
К ложному путь короче,
К истинному – длинней.

Вечер искрил золотом

Вечер искрил золотом,
Медью светил тополей.
Плыло асфальта олово.
С трав опадал елей.
Было церковно тихо.

И отклонив любовь,
Кралось неслышно лихо.
Пенилась в жилах кровь.
Жутко. Застыло слово.
Только дано понять:
Против добра готова
Черная выйти рать.

В ночь черную,
Кромешно-тёмную
Луна ущербная
Взошла.

И что-то темное,
Огромное
Свои запрягало
Крыла.

Едва колыхнется
Луны свечение.
И свет неяркий
В ночи горит.
С его свечением,
Прикосновением
Та сила темная
Не устоит.

Слабеют тени.
Предметы дальние
Уже возможно
Распознать.
Предметы дальние,
Совсем реальные
Не перепутать,
Не потерять.

И если в темной,
Душе потерянной
Зажжется маленький,
Но свет,
Пойдет потерянный
Путем уверенно
На ориентир его примет.
И выйдет к свету

Искристо-чистому,
И распознает благодать,
И в свете чистом,
Душе лучистой
Уже себя не потерять.

Повиснет ночи кружево.
Дороги не видать.
Далекое и нужное
Совсем не распознать.

Не ищется. Не можется.
Тревожно на душе.
Сомнения умножатся,
Замучают уже.

А, может, бросить поиски
И просто отдохнуть?
Оставить ночи происки,
Забиться и заснуть.

Придет же утро светлое.
Ненужное – видать.
Далёкое – приметное
Нетрудно распознать.

Ходят белые туманы.
Мир из призрачных картин.
И влекут меня обманы
Этих сказочных глубин.

Осознание – в потоке.
Продвижения легки.
Направляют в мир глубокий
Осторожные шаги.

В нём едино всё. Согласно.
К цели общее идёт.
Я хочу в тот мир прекрасный,
Где гармония живёт.

Лови последние лучи
(романс)

Посвящается Лбовой К. М.

Лови последние лучи.
Купай сознание в море света.
И нет печали. Нет причин.
Вопросов нет. И нет ответов.

Отдай бывшее темноте.
Не разрешай судьбы загадку.
Но где-то в звездной высоте
Земных энергий помни схватку.

И за пределом чувств земных,
В глубинах синего блаженства
Познай себя в мирах иных
Через земное совершенство.

Лови последние лучи.
Купай сознание в море света.

И нет печали. Нет причин.
Вопросов нет. И нет ответов.

Погас закат. Крылом сиреневым
Закрылось солнце, уходя.
Ночь тихо вышла из забвения,
Рельефно тени наводя.
Луны осколок. Звезды редкие
Так неуютно холодны.
И тополь старый машет веткою
С другой – далекой стороны.
Где тень и свет скрывают тайны,
Следы невидимой борьбы.
И результат необычайный
Их предначертанной судьбы.
Где вихрь полей, энергий волны
На вечном круге бытия
Противоречиями полны
Для проявления себя.

О, жизнь!

– О, жизнь! Ты счастье или мука?
Дуальность: можно и нельзя?
– Она для мудрого наука,
Она для глупого стезя.

– О, жизнь! Ты действие иль скука?
Вникать глубоко иль скользья?

– Она для сильного наука,
Она для слабого стезя.

– О, жизнь! Ты с вечностью разлука
Или по вечности сквозя?
– Она для вечного наука,
Для преходящего – стезя.

Огонь священного писания

Огонь священного писания
Открылся сердцу моему.
И распахнуло мироздание
Окно к истоку своему.

Истотны символы и коды,
Кристаллов образная вязь,
Пульсаций кванто-переходы,
Энергий плазменная связь.

Здесь перевёртыши – нейтрино
Роняют вспышки на лету,
Меняют образы – картины
По эту сторону и ту.

Частиц несметны хороводы
Лежат в основе бытия,
Земной материи коды
И сохраняя, и вия.

Их тонкий мир полуреален
И восхитительно цветной.
Он абсолютно идеален
И красотой – неземной.

–

По кругу движется Творение
Сияя, царствуя, верша.
И обновляется в движении
Его бессмертная душа.

Течёт Сознание по волнам,
Свивая образы-слова.
И смысло-таинствами полна
Его спиральная канва.

Так Высший Разум – суть творения
Слова-конструкции плетёт,
Чтобы земное вдохновение
Нас вечно двигало вперёд.

Зацветет черемуха
(песня)

Посвящается Саёлкину И. И.

1

Зацветет черёмуха,
Затуманит голову.
И забродят прошлого
Мысли в голове.
И всплывут непрошено
Снегом припорошены

Те слова, что сказаны,
Милый мой, тебе.

2

Заболит, заплачется
Сердце одинокое.
Всё живы далекого
Прошлого слова.
В глубине глубокого,
В высоте высокого,
Где недостижима
Языка молва.

3

Отцветет черёмуха.
Сердце успокоится.
И уйдут в далёкое
Прошлого слова.
В глубину глубокого,
В высоту высокого,
В мир недостижимый,
Где любовь жива.

Тонкой пряжею распущены
Снеговые облака,
Вниз волокнами опущены
Издавека-далека.
То метелицею брошены,
То неслышно на крылах

По земле ковром уложены
На равнинах и холмах.

И ковёр покровом сказочным
Во все стороны лежит.
Ослепительно, загадочно,
Переливчато блестит.

Как пойду я полем чистым,
Как пройдуся я здесь и там
По волнистым, серебристым,
По пушистым облакам!

Вечная застава

(песня)

1

Увековечим память павших.
Священны ваши имена,
Плач матерей, благословлявших,
Когда звала сынов страна.

Припев:

Вы – наша гордость, наша слава.
Сакральный трепет на устах.
Вы – наша вечная застава
На пограничных рубежах.

2

Вам – место светлого покоя.
И скорбь, застывшая в веках.

И облака над головою
С слезой небесной на крылах.

3
И на просторах мироздания,
И в глубине людских сердец,
Вы живы, чистые создания,
Как эволюции венец.

4
Увековечим память павших.
Священны ваши имена.
Растут ряды, на помощь вставших,
Когда зовёт сынов страна.

5
Стоит Российская держава,
Непокорённая в веках.
Хранит бессмертная застава
Ее в небесных берегах.

Таинство зари

С благодарностью, Авагян Рустаму

Льется белый свет в оконце.
Прибывает, золотит.
Выхожу. Коронай солнце
Гладь Байкала шевелит.
Даль светлеет. Осторожно
Искры кинула заря.
Искры вспыхнули тревожно

В волнах цвета янтаря.
Волны, вздрогнув, побежали,
Открывая ширь небес.
Сумрак бархатный исчез.
Вдруг... раскрылся величаво
Купол неба как бриллиант.
Горы синею оправой
Оконтурили гигант.
В его гранях, преломляясь,
Краски пламенно сошлись.
И чаруют, изменяясь,
И волнами ходит высь.

И Байкал, волнуясь нежно,
Гладь зеркальную качнул.
Переливчато, небрежно
Край небес перевернул.
Алый, желтый, золотистый
Заплелись в его узор –
В переливчатый, искристый
Красок яркий перебор.
Словно в зеркале чудесном
Отражаются в воде
Небеса, и горы с лесом,
И огонь на высоте.

Краски гаснут. Пламень сходит.
И короною свечей
Солнце царственно наводит
Нимб сияющих лучей.
Кратковременно прекрасно

Это таинство зари.
Над Байкалом ярко, ясно
Солнце всходит! Посмотри!

Людмила Речапова

**г. Тобольск,
(уроженка с. Светлолобово)**

Русь Святая

О, Русь!
Волною венчана, где с давних ещё пор
На дали бесконечные мы устремляем взор.
В пространстве простирается этюд синих небес,
Пейзаж нам открывается в свеченье ярких Звёзд.
С Любовью и задумчиво глядят на Святу Русь,
Играя в тихой заводии, в душе немая грусть...
Но в это само время же и гордость за неё...
Поставить на колени никем не суждено.
Как только не ломали, не мучили её,
Стоит же Русь Святая, влюблённая в своё...
Широкие просторы, равнины и поля,
Лаская нежным взором и чистотой храня.
А Небо голубое с оранжевой Зарей...
Ну, где ещё такое увидим мы с тобой?
Унизить, уничтожить никто её не смог,
И нет даже сомненья..., мы знаем сей итог.
Цвети и развивайся Великая Страна,
Себе верна останься, у нас одна волна.
Волна непримиримости к злобе и войне,
В Сердцах наших открытых
Любви хватит вполне!!!

Людмила Русских

д. Заславская
Балаганский р-он

Родное село

Наш Заславск получше рая,
Я вам точно говорю.
Красоту родного края
Сердцем я боготворю.

Панорама с косогора,
Хоть у нас не терема:
Аккуратные подворья
И весёлые дома.

Ах, сибирская природа!
Ах, заславские огни!
Ангары широкой воды, –
Как хрусталь, вода звенит.

Нет свободных мест на пляже –
Отдыхающих полно.
Научился плавать каждый
С малых лет, давным-давно.

А в заливе рыба плещет,
Налови-ка на уху!
В соснах зяблики трепещут,
Дятел долбит наверху.

Земляничные поляны,
Сено сложено в стога.
Запах ягоды духмяной
Наполняет все луга.

Вдаль машина пронесётся,
Пылью воздух застеля...
Лошадей табун пасётся
На заброшенных полях.

По лугам коровы бродят
За селом, недалеко.
На закате воздух стойкий,
Как парное молоко.

А берёзовые рощи
Манят каждого с утра.
Ветерок листву полощет,
По грибы идти пора.

Наберёшь груздей лукошко,
Принесёшь его в семью.
А стемнеет – под гармошку
Песню женщины споют.

Мне достанется в наследство
От родителей-селян
Край родной с восторгом детства,
Вся заславская земля!

*(Примечание: стихотворение написано
для внука на конкурс).*

Родина

Родину мою в сибирском крае
Навсегда люблю, не до поры.
По утрам луч солнышка играет
На холодной глади Ангары.

На восходе солнца утром ранним
Над рекой туман густой стоит,
Лес наполнен птичьим щебетаньем,
А село давно уже не спит.

Слышен рокот трактора на поле,
И мычат коровы во дворах.
В огороде кто-то грядки полет,
Кто-то колет свежие дрова.

Кто-то звонко отбивает косы,
Проверяют сети рыбаки.
Красота!
Леса, поля, покосы...
Труженики-люди, земляки...

Всех люблю и всех я понимаю.
Благодарна я своей судьбе,
Что живу в таком чудесном крае.
Родина, я кланяюсь тебе!

Сибирская глубинка

Россия. Сибирь. Приангарье.
Тайга и река Ангара.
Глубинка сибирская дарит
Возможность любить этот край.

Любить, как звучащее слово,
Под урбанизации фон
Забытые редкие сёла
Столыпинских мудрых времён.

Покой. Тишина на рассвете.
Дорога, как нить, пролегла.
Крестовое предков бессмертье
Почти в середине села.

Крестьянские избы-старушки
Столетьем своим дорожат.
С блаженством курносые хрюшки
По лужам зелёным лежат.

Цыплят бестолковая квочка
На кочке в траве сторожит,
И капля росы на листочках
От свежего ветра дрожит.

Орава весёлых детишек
От речки, толкаясь, бежит.
И слышно то громче, то тише,
Как трактор в лесу дребезжит.

У фермера вновь колосится
С гречихой душистый овёс,
Под солнышком зреет пшеница,
И клевер у речки подрос.

Коровьи стада небольшие,
Лошадка в упряжке ползёт...
И тёплого хлеба машина
С утра в магазин привезёт.

А там уже ждут: не иначе
Как повод узнать о вестях,
И женщины громко судачат
О местных своих новостях.

О том, что была бы работа,
И жизнь забурлила бы тут,
Востребован бы у народа
Стал сельскохозяйственный труд.

Не взять равновесие гилям
На ржавых весах, как назло:
Великую «Силу Сибири»
И нищее наше село.

Но молодость к счастью стремится,
Наш край, возвращая из тьмы.
Я верю, что всё возродится,
И то возрождение – мы!

Таёжный посёлок

Таёжный рабочий посёлок:
Бараков четыре десятка.
Въезжали сюда новосёлы
В начале шестидесятых.

Речушка среди черёмух,
Родник в небольшом болотце.
Листвяк у моста огромный
Приветствует утром солнце.

Рассвета мятная сладость
Дурманит духмяно душу.
Здесь жить и работать в радость,
И музыку леса слушать.

Кукушка с утра кукует,
Но птиц перезвон не глушит.
Да мы красоту такую
Нигде и не обнаружим!

И многим из нас сквозь годы
Посёлок у речки снится,
Где шла целебным потоком
Для блага страны живица.

Живица

*Работникам Приангарского химлесхоза
посвящается*

А нам бы опять возвратиться
В далёкие эти леса,
Где капля за каплей живица
В воронки течёт по усам.*

Где хвойною свежестью дышишь
И вновь наполняешь ведро,
Где рядом нередко услышишь,
Как бьёт родничка серебро.

Где плачет канюк, пролетая,
Где мох да черника ковром,
Где ярко жарки расцветают
И лилий полно под бугром.

Где труд твой и сладкий, и горький,
Где жизнь твоя стала ясней;
Где вздымщик* от зорьки до зорьки
Спешит от сосны да к сосне.

Обед незатейлив у бочек
И отдых всего полчаса
У старой дороги, что росчерк
Оставила в этих лесах.

Вот солнце за гору садится.
Прохлада. Пора уж и нам...
Но капля за каплей живица

Стекает всю ночь по стволам.

По старой заросшей дороге
Шагаем к временке спеша.
Как уют и руки, и ноги!
Зато голова как свежа!!!

Грибовницу сварить на ужин,
Из чаги чаёк вскипятишь...
Но как бы ты ни был натружен,
Подолгу у лампы не спишь.

Но вот кто-то карты отыщет,
Раскинет колоду на всех,
И тут начинается «Тыща»
Под острые шутки и смех.

А лампа погаснет – приснится
Тропинка в глухие леса,
Где капля за каплей живица
В воронку течёт по усам.

А было ли всё это с нами
В краю незатейливых дрём?
Ведь стала лишь воспоминаньем
Воронка с живым янтарём.

**Усы – надрезы на стволах сосен, по которым в воронку стекает сосновая смола-живица.*

**Вздымщик – мужская профессия. Вздымщик на каждой сосне на отведённом участке леса делает усы – надрезы специальным ножом – хаком и прикрепляет воронку для живицы.*

Музыка весны

Музыка марта – с крыши капели
И из-под наста первый ручей,
И над проталиной вешние трели,
И над берёзами крики грачей.

Первый скворец озорное легато
Возле скворечни поёт без конца.
Сменится скоро музыка марта
Звонкой кантатой апреля-юнца.

Месяц апрель музыкальнее марта.
Хочешь симфонию? Встань поутру
И насладись горихвосткиной арфой
И барабанною дробью в бору.

Первый ручей приутих, но со склонов
Новый ансамбль молодых ручейков
Рондо своё голосит унисоном
Сутками – звонко, светло и легко.

А рыбаки наслаждаются звоном
Льдинок хрустальных день напролёт,
Словно челесту вечером сонным
Кто-то принёс и спрятал под лёд.

На косогоре – первый подснежник,
Через неделю – целый канон.
Если послушать, тихой и нежной
Вас очарует музыкой он.

Майская музыка – зелень опушки,
Клин журавлиный, зори ясны.
Майской грозой и страданием кукушки
В такт завершится песня весны.

Глухариный ток

О глухариный ток!
Незабываем!
Кто видел раз, тот будет по весне
Ходить в тайгу, топтать весенний снег,
Восторг ружейным залпом прерывая.

О глухариный ток!
В тайге глухой
Хороший ток ещё увидеть можно,
Но с каждым годом – сознавать мне тошно! –
Их меньше, меньше...
Что ж, конец такой...

Мы от природы всё берём сполна,
А восполнять обычно забываем.
И что своим мы детям оставляем,
Богатства все повыудив до дна?

И, уходя на ток, себя спроси:
Что будет тут лет через десять-двадцать?
И сможет ли тогда полюбоваться
Красавцем глухарём твой младший сын?

О глухариный ток!
Опять весна.

Спешат в тайгу любители охоты.
И не до сна им нынче, не до сна...
О, глухариный ток!
Опять весна,
Любовь, потери, вешние заботы.

Неспетая песня

Никогда не забуду весеннего дня,
Когда взял на охоту охотник меня.
Ночь над нами висела. В предутренний миг
Где-то ухали совы. Шумел верховик.
Мы шагали по лужам, по прóсекам шли,
Вот уже и ручей показался вдали.
Перед нами вставали, как чудища, пни –
Мне в то время казались так страшны они!
Пробираясь сквозь лес среди ночной темноты,
Мы царапали лица себе о кусты;
И добравшись к рассвету до нужного места,
Нам с трудом удалось хоть немного согреться.
От зари на востоке рассеялась хмарь.
Мы слышали: где-то затэкал глухарь.
Сколько долгих минут подходили к нему,
Замирая и прячась в кустов полутьму.
Подошли к невысокой кряжистой сосне
И увидели – вот он, красавец, на ней!
Бесконечно красив, удивительно прост:
Брови красные, крылья и веером хвост.
Как решила тогда, до сих пор не пойму,
Что природа сама подпевает ему.
Грянул выстрел. Вздохнула сосна тяжело.

И не понял глухарь, что внутри обожгло.
Он крепился, вдыхая прохладу весны.
Он держался ещё на руках у сосны.
Напрягая все силы на скорбной сосне,
Стал он медленно падать...
Как падает снег...
И, упавши на землю, он стал вдруг сильнее,
Словно связан был силой невидимой с ней.
Он ещё раз напрягся – наверно, вспотел –
И, расправивши крылья, к ручью полетел.
Он был слаб. До ручья он не смог долететь...
Он упал... И ему больше песен не петь...
Станет медленно гаснуть над лесом заря,
И от выстрела этого сгинет он зря.
Может, съест его рысь или ворон склюёт,
Или, силы теряя, он, мучась умрёт...
Дни проходят, события кружат меня,
Но уже никогда не забуду я дня,
Когда выстрел прервал глухариную песнь.
Когда падал глухарь,
Как стонал дикий лес,
Когда гулко вдали грохнул выстрела залп,
Когда с неба на землю упала слеза...
Никогда не забыть мне весеннего дня,
Когда взял на охоту охотник меня.

Я прожила чужую жизнь.
К оси пришпиленная нитью,
Я не кружила виражи,
А шла планетой по орбите.

«Учёба, материнство, труд...», –
Мне в уши общество твердило.
Я кем-то заданный маршрут
Беспрекословно проходила.

Я сердце на руках несла,
Была, старалась, угождала,
Но жизнь чужую я жила,
Свою всегда отодвигала.

Я б расплескалась вся, до дна,
Мир разноцветьем украшая,
Но... соответствовать должна,
Несоответствию мешая.

А жизнь текла, как темь без дна,
Горька, как запах чернобыла.
И только бабушка одна
Меня за просто так любила.

Мой мир, как зебра, полосат,
Но до сих пор мечту лелею –
Взрастить свой яблоневый сад,
Как звёздный мир у Галилея.

Твои часы

Кварцевые ресницы
Чёрточек возле цифр
Знают лучше, чем птицы,
Твоих увлечений мир.

Браслет от часов, сердечный,
Помнит лучше меня,
Сколько неверных женщин
Ты просто так обнял.

А механизм утром
Мне о тебе поёт,
И в механизме будто
Сердце стучит твоё.

Стучит в виски мне, как раньше,
Кровью твоей гремя:
«Дурочка, я обманщик,
За что ты любишь меня?»

Лариса Савельева

г. Иркутск

Мечты о детстве

Ах, как мне хочется вернуться в моё детство,
Быть рядом с теми, кто меня тогда любил...
И снова чувствовать, как сильно бьётся сердце,
Когда бегу, пока хватает детских сил,
По солнцем залитому лугу разнотравья,
Навстречу лёгким дуновеньям ветерка...
Глаза зажмурить и, от счастья замирая,
Услышать мамино: «Ты – доченька моя».
А в это время мамы добрая рука
Мне нежно бантики в косичках поправляет...
Проснувшись рано, вместе с криком петуха,

Который курочек до света поднимает,
Увидеть, как бабуленька моя духмяный
Хлеб из русской печки вынимает, на стол кладёт
И, сбрызнув чистою колодезной водой,
Холстиной домотканой укрывает...
По вечерам ждать с нетерпением возвращения
С работы папочки любимого домой,
С уверенностью зная – непременно
Играть он будет в шахматы со мной.
В то время, когда мама с тётёй Валею,
Убрав посуду после ужина в шкафы,
Усядутся под лампой с вышиваньем
И станут песни петь или читать стихи...
Моя сестрёнка рядом с ними притулится
За большим старинным, дубовым столом
И начнёт рисовать короля и принцессу,
Развернув свой любимый красивый альбом...
Ах, как мне хочется в моё вернуться детство!

Парк

Замер парк, укрытый снегом.
Далеко ещё до лета.
Но и в спящем зимнем парке
Нас порою ждут подарки.

Свиристели! Свиристели
В парк из леса прилетели.
Сели стайкой на рябинки,
Клюют ягоды с горчинкой.

А недавно, уж в морозы,
В светлой рощице берёзок
Увидали мы синичек,
Желтобоких бойких птичек.

Их бойчей лишь воробьишки –
Вездесущие плутишки.
И лютый холод нипочём
Тем, кто родился воробьём.

Но не вечно же метели
Будут рыскать между елей!
Весна примчится в свой черёд.
Парк, улыбнувшись, расцветёт.

А когда настанет лето,
И будет солнце, много света,
В парк соловьи вернуться вновь,
Чтоб по ночам петь про любовь!

Размышление

Плещется Братское море
Возле моей Усть-Уды...
Здесь на широком просторе
Вдруг понимаешь, что ты,
Будучи частью Вселенной,
Есть воплощенье мечты
Нашего Вечного Бога,
Мир сотворившего сей.
В нём, поселив человека

Лишь после птиц и зверей,
Бог даровал ему щедро
Горы, леса и моря,
Полные живности всякой,
Чтоб он не знал никогда
Голода, холода, страха;
Жил бы в покое, любви;
Только б от радости плакал;
Множил таланты свои...
Но человек неразумный
Слишком себя превознёс,
Он возомнил, непокорный,
Что, дотянувшись до звёзд,
Сможет прожить и без Бога,
Сам он себе голова...
Вот и дошёл до порога...
Дальше – кромешная тьма...
Бог же с Небес наблюдает,
Как тут родное дитя
Шишки себе набивает,
Часто всё в жизни кляня.
И как Отец милосердный
Его поддержать Он готов,
Если услышит просящий,
Скорбный и искренний зов.
Так не пора ль, человече,
К Богу себя обратиться,
И, уж, одной этой встречей
Счастье себе возвратить?
Счастье – любить мирозданье,
Счастье – в согласии жить,

Счастье – Ему благодарность
Бережно в сердце хранить...
Звёзды так ярко сверкают
В тёмной ночной синеве,
Мир и покой посылая
Милой моей Усть-Уде...

Спасибо дедам и отцам

Спасибо дедам и отцам
За их Великую Победу,
За то, что мир вернули свету
И тишину его полям;
За то, что мы, беды не зная,
Под ясным небом голубым
Росли в любви родного края,
Гордясь Отечеством своим!
Спасибо бабушкам и мамам
За то, что верно ждали их;
Не покладая рук своих,
Трудились, радуясь успехам
Частей отдельных и фронтов,
И свято верили – Победа
Над жутким полчищем врагов
Достанется отцам и дедам;
И истово молили Бога,
Умом забытого почти,
Но в глубине любой души
По-прежнему ещё живого,
Сыночка, мужа сохранить
От пули-дуры и снаряда,

И дух надеждой укрепить,
И научить, что делать надо.
И Бог услышал те молитвы,
Он внял горячим их словам,
Остановив кровопролитье,
Победу русским дал войскам.
Салют победный прогремел
На Светлой Пасхальной седмице,
Сияли солдатские лица,
Хор Ангельский Здравницу пел!
С тех пор минуло много лет.
Совсем другой планета стала.
И пусть идёт за веком век,
Мы повторяем неустанно:
«Спасибо дедам и отцам
За их Великую Победу!»
Жизнь продолжается в лучах
Её немеркнущего света.

Три места

Есть в России три места любимые –
Сухой Лог, Усть-Уда и Иркутск.
Пусть они будут Богом хранимые.
Я об этом усердно молюсь.
Сухой Лог – моя малая Родина.
Там весной появилась на свет.
Там крестила меня моя бабушка.
Кровно связана с ним я навек.
Усть-Уда же моя несравненная
Светлой радостью детской была.

Омывала её освященная
Ангара, как слезинка чиста.
А Иркутск? Здесь себя осознала я,
Научилась любить и дружить.
Здесь мой муж, дочка, внучки и правнуки...
Он – не город, он – вся моя жизнь!

Уходят от нас ветераны

Уходят от нас ветераны
Великой и страшной войны.
Её незажившие раны
Их юным потомкам видны,
Когда в поисковом отряде
На поле сраженья былом,
В каком-то заросшем овраге
Найдут именной медальон.
И тут-то солдат неизвестный
Вернётся из небытия...
Как долго ждала о нём вести
В далёкой Сибири семья!
Не могут ему поклониться
Ни мать, ни отец, ни жена...
Но внуков суровые лица
Узнал бы солдат без труда –
Внуки ведь очень похожи
С дедом, погибшим своим.
Чем дальше война, тем дороже
Нам встречи со всеми, кто жив,
Кто смог одолеть все невзгоды,
Страну из разрухи поднять

И многие-многие годы
В ней мир и покой сохранять.
Покинувшим брэнную землю
Мы вечную Славу поём,
И вечно они – незабвенны,
От нас им всем низкий поклон!

Вера Семенова

с. Светлолобово

Усть-Удинская земля

Дочь своенравная Байкала
Течёт Ангара величаво,
Приголубив на своём берегу
Усть-Удинскую землю мою.

Мил здесь каждый уголок,
Церкви золоченый куполок...
Славить буду, пока я живу,
Усть-Удинскую землю мою.

Процветанья тебе, край родной!
Благословенье пусть будет с тобой,
Благодати тебе на века,
Усть-Удинская наша земля.

Марина Соловьева

с. Новая Уда

Мы помним

Прошу вас, люди! На минуту встаньте,
Отбросьте все заботы и дела
И вспомните, что в мире нашем
Была жестокая война!
Там люди погибали днём и ночью!
Там были слёзы! Крики! Боль!
Там матери, склонившись над могилой,
Хранили сыновей в земле сырой.
Там слышен вой сирены! Крик: «В атаку»!
Там взрывы! Пули! Кровь! И смерть кругом!
Там наши деды погибали!
Что б мы свободой дышали!
Любили Родину и берегли!
Ведь матушка Россия – это мы!
И если о войне мы той забудем
И чтить погибших мы не будем,
То обесценим жизнь солдат,
Что миллионами лежат,
Отдавших жизни за Победу!
Должны мы помнить! Чтить и знать!
О той войне не забывать!
И память эту поколению
Нам нужно всем передавать!
Люди! На минуту встаньте!
Мы постоим и помолчим!
Мы помним! Помним! Не забудем!
И память в сердце сохраним!

Ирина Сони́на

с. Подволочное

Ночь

Тихо. В окнах темно,
Ярко светит луна.
На крыльце спит собака,
Я стою одна.

Тускло блистают звёзды,
Ветер мне дует в лицо.
Скоро пройдут морозы
И скоро настанет тепло.

Тихо шумят деревья,
С них осыпается снег.
Спит вся наша деревня,
В домах погасили свет.

Скоро настанет утро,
И станет опять светло.
В жизни бывает трудно,
Люблю я, когда темно...

Александр Тимофеев
п. Усть-Уда, г. Иркутск

Родина

Про Родину стихотворений сложено немало,
Хочу добавить я еще одно.
Про то, как осенью она богата,
Нарядна летом – посмотри в окно.

Ее полям начала нет, ни края,
Ее леса не обойти вовек.
Рождает не природа все богатства,
А создает все это наш, советский человек.

Вот кран над городом стоит с протянутой рукою,
Вот тракторист измерил поле пахотою.
С утра до поздней ночи труд видим кипучий,
Чтоб наша Родина была еще могучей.

5 мая 1983 г.

Я пропитан Россией насквозь

Я родился в Советском Союзе,
Бегал в школу, учился и рос.
Здесь родители тайно крестили,
Чтоб здоровье хранил мне Христос.
Только, только закончил учебу,
Военком уж припиской грозил.
И далёко, в Амурскую область
Поезд новых «салаг» увозил.

Три томительных года разлуки
Вспоминался родительский дом.
Набивали мозолями руки,
К турнику приобщались с трудом.
Нас сержанты уставом «грузили»,
За малейший проступок грозили
Гауптвахтой, нарядом, пинком.
Не боясь ни солнца яркого,
Ни морозных спешных бурь,
Становились лишь сильнее,
Выбивая свою дурь.
Наконец, совсем без дури
И со свежей головой,
Я уже – сержант в погонах
И скорей спешу домой.
Дома тоже перемены:
После долгих, долгих лет
Получил отец квартиру:
Все удобства, туалет.
После «лиха» – жизнь, как в сказке,
Я снимаю свой мундир.
Не нужна теперь мне каска
И не нужен командир.
Поступил учиться – рад я!–
В то училище искусств.
Буду точно музыкантом
Разгонять тоску и грусть.
И четыре года трудных
Постигал Шопена, Листа,
И работал баянистом,
Сам себя я одевал

И кормил, и баловал.
Вот закончилась учеба,
Началась другая проба –
Проба силы в творчестве,
Без судьбы пророчества.
В Усть-Уде открыть музшколу
Управление решило,
И директором меня сразу утвердило.
Здесь застрял на 40 лет,
Но не жалею я, нет.
Поступил заочно, правда,
На учебу в институт.
И опять пять лет заботы
И напористой работы.
Нужно всё, везде успеть,
Дифирамбы рано петь.
Время не стоит на месте,
Время движется вперед,
Вместе с ним спешит народ.
К тридцати семи годам,
Кто-то скажет – не дурак,
Кто-то скажет – хитрый,
К общей радости моей
Сын родился Дмитрий.
Чтоб на месте не стоять,
Надо что-то начинать.
Взялся я учить немецкий,
Чтоб в Германию слетать.
С немцем чтобы по-немецки
Непосредственно болтать.
Вот я в Мюнхене, пью пиво,

Заедаю сыром с плесенью
И отчасти колбасой,
И на все вопросы немцев
Отвечаю с ехидцей.
Съездил в Австрию и Гамбург,
Моря Северного лик.
Шторм свинцовый так велик,
Словно звери всей земли
Одну песню завели.
Вроде фриц живет неплохо,
И дороги словно гладь.
Только вот в мозгах изъян –
Про Россию складно врать.
В той стране, совсем небедной,
Русский выжить вряд ли смог.
Если кто способен слышать,
Кто другой, а я не смог.
Я пронизан русским духом,
Всё надолго и всерьез.
Может это слишком лично –
Россиянин я насквозь.
За границей климат мягче,
Но березы там не те.
Дух России нам тем паче,
Он дороже нам вдвойне.
Наш земляк Денис Мацуев,
Покорив, объездил мир,
Чтоб Иркутск, Байкал прославить,
Молодец, не позабыл.
Я же славлю полуостров
С Братским морем в шторм и зной.

Для России – капля в море,
Для меня, как шар земной.

Ульяна Черных

с. Аносово

Родной край

Край родной и единственный в мире,
Где я вольно живу и дышу!
Леса раздвинулись шире,
На реку поспешу.
Вот он – милый берег,
Ветер шумит надо мной,
Ветки качает березок,
Сон нарушает лесной.
Хочется белым красавицам
Низкий отвесить поклон,
И побежать по тропинке,
Той, что идет под уклон.

Иван Шипицин

п.Усть-Уда, г.Иркутск

Парк зимой

Тихо в парке зимой,
Сосны сонно стоят,
На ветвях лежит снег –
Белый зимний наряд.
А под ним на земле

Лежит белый ковер,
По нему через парк
Есть сквозной коридор.

По нему колея
От проезжих машин,
Кто-то едет с друзьями,
Кто-то едет один.

На морозе с друзьями
Стопку выпить не грех,
Рассказать анекдот,
Вызывающий смех.

Среди сосен шагать,
К ним касаясь рукой,
Там, вверху увидеть
Небосвод голубой.

Вот большая сосна,
На ней ворон сидит,
Содрогнувшись от сна,
Головою вертит.

Увидавши людей,
Нарушив его сон,
Он с сосны улетел
Искать стаю ворон.

А кругом – тишина,
Абсолютный покой,

Лишь тропа на снегу
Вьется вслед за тобой.

Блеснул солнечный луч,
Светом парк озарив,
И стоит лес могуч,
И как в сказке красив.

Анна Эгго

с. Юголок

Сибирские просторы

Люблю, Сибирь, твои просторы,
Скажите!? Кто красивее наших мест видал?
Ангару-красавицу и нашу гордость,
И наше чудо – озеро Байкал!
Леса, поля и перелески,
Оконных ставней дивные нарезки.
Деревня милая моя,
Ведь все это – Родина моя!
В краю сибирском родилась,
По православному крестилась.
Приду я в церковь – поклонюсь,
За жизнь Сибири помолюсь.
В Сибири люди сильные живут,
Покой свой свято берегут.
Всегда дадут отпор врагу
За землю русскую свою!

Татьяна Якубова

Усть-Уда, Иркутск

Копаем картошку

Копать картошку
Нас учить не надо,
Мы в деле этом
С детства знатоки,
Ненастная сентябрьская
Погода
Опять на нас
Неласково глядит.

Копают огороды
Все исправно:
И ребятня,
И дряхлые старушки,
Красавиц местных
Озорные стайки,
Мужчины всех мастей
И жёны новых русских.

Позвякивают
Старые ведёрки,
И в огородах вновь
Билан поёт,
В золе костра
Печёная картошка
Опять покоя
Многим не даёт.

сентябрь 2008

И опять на улице холод

И опять на улице
Холод,
И опять сегодня
Зима,
Белым кружевом,
Снегом белым
Занавесились
Все дома.

Труб печных дымки
Чуть не сутками
Греют небо,
Да все напрасно.
Кот цепочки следов
Оставил
На давно заснеженных
Грядках.

Белой сказкою
Дышит безмолвие
Над замерзшей,
Уснувшей водой...
К провинции нашей,
Глубинке сибирской
Приросли мы сердцами
С тобой.

2008

Право на ошибку

Мы все имеем право
На ошибку –
Беспечную, безликую,
Никчемную,
Привычную, повторную,
Нелепую,
Милую, наивную –
Свою.

Зовет к себе ошибка,
Как Жар-птица,
Как ледяной родник
В июльский солнцепёк,
Как ягоды пурпурной
Земляники,
Как среди снега
Появившийся цветок.

И мы спешим
За этой красотой,
В руках пытаюсь
Чудо удержать...
Мы все имеем
Право на ошибку:
Нам суждено и падать
И встать.

май 2008

Без названия

Посвящается А. Д.

Мне хватало ненужных
Открытий,
Мне хватало тревожных
Событий,
Объяснений хватало
Странных,
Лабиринтов хватало
Обманных.

Мне хватало ступеней
Трудных,
Поручений хватало
Нудных,
И идей мне хватало
Смелых,
И хватало лжи
Неумелой.

Мне хватало сражений
Открытых,
Мне хватало пуль
Не отлитых,
Мне хватало начальников
Строгих,
А похвал мне хватало
Немногих.

Обязательств хватало
Прежних.

Мне хватало одежд
Небрежных,
Мне браслетов хватало
Дешевых,
А проблем мне хватало
Все новых.

А забот мне хватало
Старых.
Мне хватало радостей
Малых.
Мне хватало предложений
Избитых,
Мне хватало друзей
Позабытых.

Мне тревоги хватало
Вечной.
Мне хватало встреч
Скоротечных.
Мне хватало зарплаты
Смешной.
Мне хватало Музы
Чужой.

Мне еще бы чуточку
Счастья,
Чтобы жизни забыть
Ненастья.
Мне бы помнить всегда:
Мир прекрасен,

Голубой небосвод
Чист и ясен.

2007

На землю стылую
Снега упали,
Деревья дремлют
В пушистых шалаях.

Дома нахохлились —
Из снега шапки,
Хоть печки топятся —
Тепла остатки.

Мороз крепчает,
Весна нескоро.
Сибирь родная,
Лишь здесь мы — дома.

Запишу пришедшие
Стихи
И забуду, забуду,
Снова подчерк
Уставшей руки
Не развеет долгую стужу.

И придвинутся ближе
Снега
В освещённом оконце,
И проснётся луна

В небесах или...
Отблески солнца?

Дерзкий ветра порыв
Привычно
Постучит по стеклу...
Сторона ты моя
Сибирская,
Сердцем всем
Тебя я люблю.

Остывает в печурке
Дров сгоревших зола,
За оконными рамами –
Всё снега да снега.

Помолчу по привычке,
По привычке вздохну,
Догорающей свечкой
Вечер пьёт тишину.

На небесных просторах
Светит чья-то звезда,
Над крыльцом заметенным
Тонет свет фонаря.

Дремлет ветер усталый,
Спит вода в берегах...
Я рисую словами
Зимний сельский пейзаж.

О Родине

Наверное, любить
Издали
Родную землю
Просто и приятно,
Когда приходит
Легкая тоска
На новой родине,
Престижной и понятной.

Нам с тобою
Не снятся берёзы,
Да скажите:
«Зачем же им сниться?»
Под окном на берегах
Зимуют у нас,
Как всегда, снегири
И синицы.

Под окном тополя
И осинки,
И ранеток
Отважный отряд –
Это наша земля,
Край родной и любимый,
Это наша реальность
И наша мечта.

Нужна обычная
Тетрадь

И карандаш простой,
Чтоб снова мне
Зарисовать
Суровый край родной.
Без красок ярких
И ненужных,
Без громких рифм
И пышных фраз,
Без слов красивых,
Но бездушных,
Что кто-то
Написал до нас.
Без остроумнейших
Деталей,
Сентиментальности
Пустой,
Без приукрашенных
Реалий,
Без клятвы громкой,
Хоть простой.
И рифма вновь
Волной прорвётся
Сквозь бастионы слов,
И мир обыденный
Качнётся
На перепутье снов.
Качнётся мир
И сердце ахнет,
Вдруг ощутив себя,
И на простых листах проснётся

Стихов высокое звучание
И приземлённость бытия.

Не дальше горизонта
Видим, а судим –
Точно по себе
И жизнь, дарованную
Богом,
Ценить умеем не вполне.
В юности дерзкой,
Ночами бессонными,
Сами, поверив почти,
Чувства приправив
Вином и гормонами,
Шепчем слова о любви.
В возрасте зрелом,
Жизни изведав,
Тяжко упав с высоты,
Снова с надеждой
Читаем молитвы
И пишем простые стихи.

Проза

Николай Беляев

п. Усть-Уда

За Ангарой у Красной Пади *Очерк*

Далеко тянется Красная Падь. Петляют по ней речушка-тёзка да высокая дорога: речушка впадает в Ангару, а дорога ведёт к широкому Московскому тракту. И всё-таки приятно смотреть на долину с вершины сопки, которую давно уж облюбовал для себя Анатолий Андреевич Смолянинов. Приходит сюда он за всякой всячиной: диким луком и ягодой, за грибами и прутьями для корзин, а то и просто – помечтать.

Поднимется и обязательно посидит у вековой лиственницы. С этим могучим деревом есть у него что-то общее: срезала молния вершину дерева, время покорёжило толстые сучья, в зелёный наряд по весне одевается оно позже всех, а оденется – и преобразится вмиг, скроет раны да морщины глубокие и царит над распростёртой внизу местностью. Вот так же его жизнь складывалась. И его секли беды-молнии, и его гнули к земле суровые ветры забот. Но он выстоял, как ни было трудно, и жизнь вернула ему почти всё, что могла отобрать: необходимость людям, их уважение, счастье трудиться.

Сидит седой мужчина на лиственничных корнях, слушает ветры, гудящие в подоблачных ветках, вспоминает.

В тот трудный день из рейса вернулся он под вечер. Заскочил на ферму, чтобы успокоить жену, мол,

приехал, всё нормально. И встретил у ворот озабоченного бригадира. Вышла, оказывается, из строя зернодробилка, нечем назавтра кормить скот. Соседний колхоз пообещал займы фураж, да в разъездах все машины.

– Не выручишь? – без надежды спросил бригадир усталого шофёра.

Смолянинов недоуменно хмыкнул:

– Дожили до ручки! – но глянул на убитого горем мужика и согласился. Перекусить уж не удастся. Откажись он – пожалуй, не осудил бы бригадир: триста вёрст от Иркутска намотал. Да совесть отказаться не позволила: вместе с женой на Доске почёта, депутаты.

Быстро загрузиться, как рассчитывал, не удалось: словно в воду канул кладовщик. А загрузился – метель раскачивала на столбах мутные уличные фонари. Фуражир предложил переночевать, он, озлясь, не удосужил его ответом. «Переночуй!.. За ночь дорогу переметёт, потом без клина не суйся, – убеждал самого себя, – а там скот сутки простоит голодным».

Едва выбрался из-под защиты лесистых холмов, попал в настоящий ад: несло сплошной непроглядной массой. Машина, пробуксовывая, шла вперёд на пределе.

«Половина пути за спиной, – отмечал Смолянинов. – Проскочить бы эту чёртову дыру, Красную Падь. В ней и в тихую погоду ветры сквозят, а сейчас...»

В Пади трёхтонка встала сразу. Ни взад, ни вперёд. Выручай, лопата! Он, прочищая путь, разгонялся и преодолевал метров двести-триста. Потом остано-

кам потерял счёт. Силёнкой природа не обидела: баллон от грузовика через кузов перекидывал. Да не зря говорят, что сила силу ломит. Гудела, стонала и завывала пурга, стонал и по-звериному завывал мотор. Водитель не знал, который час – два, три ночи? Другое измерение у него: одолел десять метров – на десять метров ближе к дому. Когда заглох двигатель – кончился бензин, – в панику не ударился: «Передохну малость и пойду в посёлок Балаганск за трактором», – подумал. В кабине от перегревшегося мотора было тепло, он присел и... мгновенно заснул.

Совершенно случайно обнаружили его лесорубы. Обмороженного отвезли в больницу...

Многое вспоминалось Анатолию Андреевичу под лиственницей, в том числе и фронтовые годы.

Войну Смолянинов прошёл от начала до конца. Берегла шофёра судьба. Однажды под Псковом в распутицу, намучившись со своими машинами, остановились передохнуть. Он отправился за водой, а товарищи стали разводиться над старым кострищем огонь. Кострище оказалось заминированным. Девять фронтовых друзей похоронил он тогда...

Но в этот раз хирург с горечью сказал: надеяться, к сожалению, не на что. Сутки назад мог спеть и сплясать, смастерить любую вещь. А теперь, после операции, – калека.

Из больницы в Бирит, центральную усадьбу совхоза «Балаганский», подбросил на бензовозе знакомый шофёр. Предупредительно открыл воротца, Анатолий поблагодарил его... но как войти в дом? Прежняя жизнь осталась за порогом больницы, у по-

рога теперешней он стоял сейчас. Не захотелось начинать её с показа своей беспомощности. Смолянинов выпростал шарф, набросил на холодную скобу, чтобы не пристыли к железу губы, и зубами открыл тяжёлую дверь.

Жена Татьяна молча помогла раздеться и вела себя так, будто лиха не было и в помине. Сели за стол напротив друг друга.

– Ничего, – сказала жена, – проживём. Две руки есть, – повернула их ладонями вверх, – бабьих дел не гнушались, справятся и с мужскими. А там детвора вырастет.

Конечно, дети найдут своё место в жизни. А как жить ему? ...

Тягуче, горько гудела под зимним ветром лиственница, словно ей было так же трудно, как ему в ту пору...

Ночь в доме, впервые после несчастья, проспал спокойно. Приснилась родная деревенька Черновщица. Купается он с друзьями в речке, а над ними невесть откуда появляется самолёт. Из него, переворачиваясь в воздухе, сыплются на землю белые листки. На каждом – портрет отца и рассказ о его мастеровом таланте. День назад отец прибыл со съезда (было это в тридцать пятом году).

– Тятя, про тебя! – Толя с криком влетел во двор, где отец под навесом готовил с лета сани.

Отец неторопливо взял листовку, прочитал и, помолчав, напутствовал:

– Не про меня, сынок, про мой труд.

Наутро Смолянинов знал, что ему поможет одолеть беду.

Первое время укороченные руки не слушались. Опрокинет кружку с чаем, разольёт суп – ребятишки испуганно вздрогнут, а он, взвинченный, уйдёт на мороз остыть. Позже женское чутьё безошибочно подсказывало, как поступать:

– Дети, ешьте – и в школу, а отцу я напеку оладьев.

Заново учился одеваться, брать гвоздь, перелистывать книгу. В причёске перешёл на короткую стрижку, в одежде – на меховую душегрейку, обувь стал носить без шнурков.

Нередко заходил секретарь партийной организации совхоза Василий Михайлович Демешко. Однажды подарил книгу «Всем смертям назло». Затем прямо-таки ошарашил:

– Не вырежешь ли, Андреевич, дно к лагушку? Сенокос на носу, а без кваса, сам знаешь, не косьба.

Пока хозяин скрывал растерянность, Демешко след простыл. Хитрый. Походил Смолянинов вокруг деревянного остова, поприкидывал, что к чему, – да в кузницу:

– Не сделаете, мужики, к рукам вот такую штуку? Подробно рассказал, какую.

Трудную задачу поставил перед собою: снова делать всё, что делал ранее, что могут делать люди с нормальными руками. Нужные насадки придумывал сам: особые топоры, молотки, пилы, стамески. Ныне в незатейливой столярке Смолянинова – циркулярка, точильный станок, рубанки-фуганки, паяльники.

Приспособление для колки дров. Между двумя вертикально поставленными брусками закреплён наверху колун. Убирается стопор, колун под тяжестью падает – и в стороны разваливаются плахи.

К сверлильному устройству приспособил присланный зятем водяной моторчик. Заказы поступали всякие. Совхоз просил изготовить для животноводческих ферм сотню рам. Попробуй ручной дрелью нарежь отверстия для связки рам – нелегко! Ему – тем более. А сейчас красота: нажал на педаль, сверло опустилось – за секунду готово отверстие. Стеклить? Этим ремеслом овладел он с шести лет: отец выучил.

Сегодня никого не удивляет, что к Анатолию Андреевичу всяк идёт со своей нуждой: женщины – изготовить противни, водители – восстановить аккумулятор, ребяташки, как замёрзнет водохранилище, – отладить коньки. Он – страстный ягодник и грибник, коптит односельчанам мясо и рыбу, сажает, окучивает и копает картошку, точит косы и даже – косит. Выходит, стал со всеми на равную ногу, обрёл полное имя...

И новое воспоминание. Совсем недавнее, предзимнее.

Прислали к нему из детсада гонца: «Холод в двери стучится, а печи неисправны – помогите!» Он откликнулся на просьбу, и вскоре загудели у ребятшек все десять печек. Не один хозяин в январские морозы добрым словом вспомнит умелого мастера. Припомнит с улыбкой и ритуал его: закончив печь,

затопит и слушает, как гудит в чистых колодцах тяга.

Газета «Сельская жизнь» №24, 29 января 1986 г.

Лесные родники *Очерк*

В деревню Лесные Родники я попал под вечер, когда с таёжных полян, с раздувшимися от молока выменями, возвращались крутобокие коровы. В загустевшем воздухе слышались азартные голоса ребятишек, ныряющих с перил плáхового мостика в студёную глубину. Речка полукругом огибала холм, на вершине которого расположились в берёзах большие пятистенные избы с вычурными кружевами наличников, за которыми живут голуби, с цветущей в палисадах черёмухой и дикой яблоней.

...Иван Лукич Хвойнов встретил меня приветливо, по домотканой ковровой дорожке провёл в горницу. Года два назад опытный охотник водил меня на медвежью охоту. Теперь я выполнил своё обещание – приехал к таёжнику погостить.

Горница походила на охотничий уголок. У тахты лежала распластанная медвежья шкура, на стенах висели рога дикого козла и изюбра. Но не эта экзотика привлекла моё внимание. Под гладкими рогами гурана висела в чёрном футляре скрипка. Хозяин заметил мой взгляд:

– Сынишка играет. Третий год в музыкальной школе учится. Приехал брат как-то из города, да и

забрал с собою. Талант, говорит, у мальчишки к музыке.

В этот момент в комнату влетел хлопец лет тринадцати. Чёрный от солнца, как негритёнок, он удивительно был похож на своего отца. На мою просьбу что-нибудь сыграть, молча снял с гвоздя футляр, достал блеснувшую лаком скрипку.

Подбородок уверенно лёг в выем резонатора, правая рука вскинула смычок. Секунду-другую мальчик словно прислушивался к чему-то. Глаза его неподвижно смотрели перед собой, но вот брови вскинулись, полилась музыка. В комнату плавно вошёл, пронизанный солнцем, июль: ковали на своих звонких наковаленках горячие кузнечики, рассыпали хрустальные звоны синие колокольчики, заливался, повиснув на солнечном луче, невидимый жаворонок.

Моё воображение рисовало заросли иван-чая и лесной медуницы, над ними стоял густой пчелиный гул...

Вдруг, как отдалённый рокот грома, заговорила низкая струна. Стремительно надвигалась гроза: затих на дрожащей ноте жаворонок, смолкли чистые звоны. Ворвалась властная стихия, гнул упругие вершины деревьев порывистый ветер, стучали по пыльным листьям крупные капли дождя...

Скрипка умолкла.

На высоком лбу мальчика виднелась испарина, сосредоточенное лицо ещё хранило следы напряжения.

Примостившийся на краешке стула Иван Лукич
стряхнул оцепенение:

– Ну, растрогал ты нас, сынок, сказать нечего.

Мальчонка выскочил во двор.

Охотник поднялся:

– Свою-ка я тебя, мил-друг, к Василь Матвейчу,
балалаечнику нашему. Вот он тебя позабавит.

Загумённая тропинка привела нас к избе балалаечника-виртуоза Василия Матвеевича Мураша. По дороге мой знакомый рассказал, что, несмотря на преклонный возраст, старик работает лесником. Живёт бобылем. Нелюдим. Единственное, чему доверяет душу, – балалайка.

Лесник поразил меня своим величием. Белая грива волос придавала ему вид былинного богатыря. В дремучих бровях, казалось, селились стаи сов. От него так и веяло могучей древней силой и мудростью.

Трёхструнная балалайка служила, видно, ему давно. Лак почти полностью облез с гладких боковин, только перламутровые инкрустации поблёскивали тусклым огнём.

Старик завел нас на высокое крыльцо с окаменевшими балясинами, сам устроился на выскобленном добела пороге. Балалайка в его руках с крупными жилами была как игрушечная. Тронь, казалось, струны – и они лопнут.

Струны не лопнули. Незаметно родилась мелодия, длинная, как древняя песня, она казалась мне длинной дорогой одинокого человека. Он порядком

устал, а стёжка-дорожка, знай, дальше бежит. Песня так же незаметно затихла, будто канула в вечность.

Старик вздохнул, рванул струны, и уже не щемящая боль – неистовое буйство, словно солнечные зайчики, запрыгали в его глазах, глубоких морщинах. Кони-вихри несли свадебные кошёвки по искрящимся снегам. Бились под дугами-радугами колокольчики, слышался удалой свист-улюлюканье. Рука старика вроде и не касалась струн: словно заключённый в полое пространство оркестр повиновался едва заметным движениям его пальцев. Но вот бешеная скачка кончилась. Затихли на тончайшем пианиссимо серебряные переливы колокольцев.

Музыкант неожиданно перешёл на русскую «Барыню». Медленно, словно кто-то шёл по людному кругу, пристукивая об пол каблуками, ширилась музыка.

Старик зачудил. Сначала на паузе балалайка прошла у него за спиной, затем нырнула под колено, пошла штопором вверх и, замерев на миг на пальце, взлетела птицей выше головы. Сколько нужно было иметь сноровки, чтобы, «закладывая виражи», поймать, не промедлив, на нужном аккорде балалайку, не прервать темпа плясовой музыки. Игра околдовывала. Балалайка, выпархивая из рук, чудилось, играла сама. Музыка набирала темп и силу. Балалайка то кувыркалась в руках виртуоза, то крутилась пропеллером...

Мигнули лунным светом и погасли перламутровые вкрапления. Старик поставил инструмент меж ног:

– Восемьдесят мне недавно стукнуло.

Помолчал, крикнул досадливо:

– Не та уж игра... не та.

Через неделю я уезжал из Лесных Родников. С Василием Матвеевичем мы стали друзьями. Каждый раз при встрече он показывал мне всё новые и новые «коленца».

Газета «Ангарская правда»

Сенокос

Рассказ

Как обычно, в июле для косьбы в редколесьях в колхозе комплектовалось несколько бригад. Они выезжали на травостой, крыли заново духмяным сеном остовы двускатных балаганов и жили так, табором, с неделю, пока всё вокруг не было выбрито самокованными и покупными литовками, пока всё окрестье уставлялось высоченными, уширяющимся к середине зародами. Нынче из Берёзовки на покос уехало несколько бригад. Через три дня травы в мелких березняках и кустарниках сохли на солнце, и бригады съезжались в Долгий Лог. Здесь на крутой горе стояло четыре колхозных амбара – полевой стан. Стан никогда не пустовал: весной в нём жили занятые на вспашке трактористы, позже – косари и метальщики, а в разгар бабьего лета, когда червонным золотом вызревали хлеба, стан был степной пристанью зерновых самоходок, машин, автопогрузчиков.

Со вчерашнего вечера им распоряжались косари, которым утром предстояла трудная работа. Косили Долгий Лог вручную. Откуда это повелось, вряд ли кто точно знает: можно косить и трактором, но нет – только косой-метровкой.

После общего ужина до полуночи не спали: молодёжь окружила баяниста Ваську Дубнова, постарше да посолиднее со всей серьёзностью толковали о том, будет ли завтра под вечер по традиционной чарке хмельного, а два деда, Евсей и Архип, отбивали меж костров притупившиеся косы.

Ваську уважали все. Не за красивые васильковые глаза, не за его неистощимое балагурство или щедрую музыкальную одарённость – за огневую удаль в косьбе любили Ваську люди. По имени же Ваську почти никто не называл, прочно к нему пристало по известным причинам ласковое прозвище Василёк. Не жизнь была бы у Васьки, а малина, если б не Груша, строгая волоокая красавица, возле окон которой в деревне прогуливался с деланным равнодушием не один принаряженный воздыхатель. Повезло Васильку – обратила на него благосклонное внимание Груша. Но призрачным оказалось счастье парня: дала дивчина согласие в одной бригаде работать, а в день выезда передумала – с другой отправилась. Соскучился в разлуке без неё Василек. И баян в этот вечер пел так, что за сердце брало, а Груша и глазом не ведёт: премило (скорей всего, чтоб позлить Василька) улыбается пареньку из своей бригады, которому по мимолётным взглядам Василька, и супонь-то как следует не затынуть. Вот и сейчас, словно

ненароком поймав взгляд музыканта, она притворно зевнула в ладошку и направилась на ночлег. Васька резко сдвинул мех, глянул на часы: время спать – и первым с баяном под мышкой зашагал к юртообразному амбару.

– Завтра и не взгляну на тебя, – мстительно думал он, засыпая.

Долгий Лог представлял собой слегка вогнутую лощину, покато – на протяжении километров трёх – опускающуюся к узкой пади, рассечённой надвое неглубоким оврагом. С зарёю к месту косьбы собрались все. Лог, словно в ознобе, безмятежно спал в обильной росе; стеной стояла густая лесная трава: широколистный пырей, мохнатый дикий клевер. Косить решено было (так велось из лета в лето) наискосок через низинку, от одной стены леса до другой. Косари начали было разбираться друг за другом, как навстречу им со стороны села вышел из березняка человек. В не разошедшемся тумане он казался огромным и брёл прямо на людей. Василёк, приступивший к косьбе первым, остановился. Остановились и другие: шествующий великан поразил всех. Он неторопливо приближался. Наконец востроглазая молодуха Таська, соседка Василька по деревне, с изумлением воскликнула:

– Так это же дед Евлампий!

Интерес обострился: не случилось ли чего дома? Но старик подошёл и располагаяще, насколько позволял рокочущий бас, поздоровался:

– Бог в помощь!

– Бог-то, видать, плох, помощи не дождёшься, – сверкнув чёрными глазами, вставила Таська, – а вот Евлампий Захарович как будто подсобит?

Могучий старик скромно отмахнулся:

– Какая там подсоба в восемьдесят-то лет! Внучку пришёл попроведать, – кивок в сторону Груши, – а заодно вот это прихватил, – показал на наверняка полутораметровую косу. Косари почтительно промолчали: такая коса впору только плечу богатырскому.

Замелькали косы. За Васильком пошёл фронтовик Михаил Вершинин с чёрной повязкой вместо правого глаза, третьей всё та же Таська, бойкая на язык и на работу. Дед Евлампий пристроился чуть не в самом хвосте, растянувшихся в линию косцов, перед ворчливо настроенной Грушей:

– Не смешил бы ты людей, дедушка.

А старик смешить, видимо, не собирался. Широко – от плеча до плеча – вода клёпанной не раз косой, он ровно и чисто обрезаю на целую сажень с лишком зелёный край травостоя, навивая пышный, аккуратно подобранный вальчик. Вскоре обгоняет одного, другого, третьего. Через полчаса настиг Таську.

– Пятки побереги, – услышала она знакомый рокошующий голос, но прокос не уступила.

– Уйду! Оторвалась, кажется, – обрадовалась немного спустя. Но преждевременно. Седовласый богатырь принял решение обкосить её, что для самолюбия косца было едва ли не самым страшным.

Таська заметила деда правее себя только тогда, когда он с нею поравнялся.

– Ну-ну, держись! – крикнул дед Евлампий ободряюще – и через десяток-другой взмахов оказался перед нею. Молодой женщине нехотя пришлось сравнивать полоску оставшейся травы, обкосок, – таков в Берёзовке непреложный и неписанный закон.

На втором заходе Вершинин сразу уступил своё место деду Евлампию:

– Становитесь, Захарович, сюда, мне с вами не тягаться.

Может быть, косил бы да косил так бывший батрак Евлампий Кряжев, если бы не излишняя самоуверенность Василька:

– Что, дедушь, проверим, чья коса острее?

Старик пожал плечами: тебе, мол, виднее, а я по-стариковскому легкомыслию могу и согласиться.

Поединок набрал силу тотчас со старта. Восемнадцатилетний хлопец косил резво, словно сознательно забирая под косу много травы и затрудняя тем самым себе ход.

Дед Кряжев, наоборот, вёл косьбу легко, неторопливо, с тем особым совершенством, какое у всякого вызывает чувство любования. Василёк немного опередил соперника и, остановившись поправить бинт на сорванной мозоли, засмотрелся на деда.

– Силён старина, – подумал без зависти, вода с обеих сторон брусом в тальниковой завёртке по лезвию косы.

Коса запела опять: вжик-жик, вжик-жик. Кряжев между тем стал нагонять парня с удивительной быстротой. Оттянувшимся изрядно от них косцам казалось, что отставал старик нарочно. Это была своего рода испытанная тактика опытного бойца – экономно расходовать силы. На середине гона, не оглядываясь, Василёк почувствовал, что Кряжев за спиной. Вот уж и сомнений в этом нет. Васька Дубнов слышит, как с шумом ложатся под косою сочные стебли. Придя к концу прокоса за Васильком и сев передохнуть, старик подсказал:

– Не захватывай пяткой-то много травы, измощаешься.

Затем взял у него косу и поднял повыше ручку на косовище, объяснив: удобнее будет.

Три захода парень по-прежнему возглавлял косьбу. Перед концом четвёртого обернулся к шедшему за ним впритык Кряжеву: «Иди, дед, передом – сражение проиграно». Сильные натуры в подобных ситуациях находят смелость поражение признавать, и, не поменяйся с ним местом в ту же минуту старик, Васька Дубнов жестоко был бы обижен. Кряжев понял его, но, когда обходил, разглядел проступившую сквозь бинт кровь:

– Эх, герой, да разве можно тебе косить?!

Снял с запотевших рук рукавицы из сыромятины, протянул Дубнову:

– На-ко, возьми!

Васька не отнекивался: натянул голички и двинулся за седым, как лунь, стариком.

На обед говорливая хохлушка тётя Галя привезла из села картофельный суп из жирной свежей баранины, голубцы из ранней капусты и два лагушка холодного домашнего кваса. После отдыха в косьбу втягивались медленно: часто точили намоченными брусками косы, били на себе надоедливых паутов. Донимал полуденный зной. На рядок накошенного сена то тут, то там летели женские блузки, мужские майки. Вот уже на голых по поясу мужчинах лаком сверкает пот, на чёрных от загара спинах женщин слепяще выделяются белые полоски лифчиков: косить в июльскую жару – не грибы собирать. Пара Кряжев – Василёк по-прежнему лидировала. Обед, заново перебинтованная рука, кряжевские рукавицы вернули парню обычную неутомимость. Однако старика при полной почти уверенности он не обгонял. Ближе к пади трава пошла густая – не протащить косы. Постепенно спадал летний зной, ошутимее становился медвяный запах, слышнее – брызжущее стрекотанье полевых цикад. Остановившись у крохотного островка медуницы перетянуть ослабшую на косовище ручку, Василёк вдруг услышал полный скорби стариковский бас: «Ах ты, пичуга серая, как же под косу-то тебя занесло?» Нагнавшему Кряжева Васильку бросился в глаза лежавший на широченной ладони великана серый комочек и срывающиеся с пальцев рубинами-горошинами алые капли крови.

– Стоит ли, Евлампий Захарович, из-за куропа-тёнка расстраиваться? – впервые по имени-отчеству обратился к старику парень. Тот стоял как

каменный. Потом, не глядя, взял торчмя воткнутую литовку и какой-то пришибленной походкой поплёлся по чистой ленте кошенины к ходку повара. Возобновивший косьбу – теперь на гоне Кряжева – Василёк не видел, как огорчённый не на шутку, старик уехал. К вечеру, когда солнце, словно утопающий за соломинку, стало цепляться за верхушки развесистых берёз, Долгий Лог обнажил перед человеком свою непокорную голову. Всюду, будто застывшие волны, лежали высокие зелёные рядки сена. Закончив покос, люди шагали к стану. Только сейчас, чуть остынув от пыла работы, Василёк со щемящей тоской вспомнил о Груше. Говорят, что сердце близкого человека порой безошибочно угадывает твоё желание. Наткнувшись по пути к стану через лес на Грушу, Васька Дубнов готов был в это поверить. Для девушки встреча, по всей вероятности, тоже явилась неожиданной:

– Здравствуй, Вася... Ты на меня не сердишься?
Василёк доброжелательно усмехнулся:

– Нет.

И не то спрашивая, не то приглашая, добавил:

– Пойдём?

Девушка согласно кивнула:

– Пойдём.

По узкой лесной тропе тронулись рядом. Васильку хотелось взять любимую за руку, но он не осмеливался. Дошли до ручья. Над ручьём низко навесил ветви раскидистый тальник. Дивчина с косою в руке прыгнула через ручей первой – и в ту же секунду, ойкнув, прикрыла ладонями выше ко-

лена ногу. Васька догадался: обрезалась. Но, подскочив к девушке, встретил протестующий окрик:

– Уйди!

Парень видел, как юбка от крови быстро темнела, а Груша, будто загипнотизированная, не сводила с тёмного пятна испуганных глаз. Васька решительно скомандовал:

– Сядь!

Девушка покорно повиновалась. Но едва он притронулся, достав носовой платок, к её ноге, она от возмущения вскочила.

– Ты что, с ума сошёл?!

Однако боль заставила девушку опуститься на землю снова и спокойно уже следить, как нежные Васькины руки осторожно подняли высоко край юбки, обмыли ранку, наложили на неё холодный листок подорожника. Груша смирилась с необходимостью помощи парня, и когда он стал в растерянности крутить не обхвативший её упругое бедро носовой платок, даже рассмеялась:

– Свяжи с моим! – и вынула из кармашка юбки маленький платочек. Девушка боязливо – в ожидании боли – стянула к колену юбку, улыбнулась.

– Спасибо... (чуть не сорвалось с языка «милый»), спасибо, Вася.

Юноша протянул ей руку, помог встать и, видя на лице гримаску боли, предложил:

– Давай я тебя понесу?

– Да что ты, Вася, я ведь не маленькая – сама дойду!..

Васька Дубнов уложил на левое плечо две ко-сы-литовки, легонько обнял девушку за талию – так и пошли они в сиреневых сумерках к колхозному стану, где разгорался ожесточённый спор: откуда завтра начинать мётку сена.

Газета «Ангарская правда»

Дарья Бяхова

с. Новая Уда

Волшебная сила желания
Святочный рассказ

Это был самый обычный зимний вечер. На улице стояла теплая погода. До наступления самого долгожданного праздника – Нового года, оставалось ровно три дня. Малыш Гарри, усевшись на подоконнике, пристально смотрел в ночное небо. Он с нетерпением ждал наступления праздника, чтобы загадать свое самое заветное желание – получить в подарок оловянного солдатика. Очень часто Гарри представлял себе этого солдатика: как он будет выглядеть, во что будет одет и как он будет с ним играть. Гарри уже придумал десятки сценариев, но всех их объединяло одно: солдатик спасает мир! Но, даже несмотря на свои фантазии, мальчик все же понимал, что родители никогда не смогут купить ему эту дорогую, но такую желанную игрушку.

Все финансы и вся забота уходят на сестренку Гарри – Джанет, которая из-за своей болезни не может

ходить. Бабушка Гарри часто навещает Джанет, привозит лекарства, продукты, даже пытается подработать продавцом на рынке, чтобы помочь своей внучке. Доктора так и не смогли объяснить причину недуга девочки.

Мальчик очень часто видел, как его измученная мать, наклонившись к колыбели, тихонько плачет. Когда Гарри смотрит на нее, мальчика постоянно охватывает необъяснимая печаль. Некогда милое и улыбающееся лицо мамы за последний год сильно состарилось, на лбу и под глазами появились паутинки морщин, на всем лице лежала темная тень. Это была печать горя. В последнее время мама почти совсем не улыбалась.

Отец мальчика старался не показывать своих слез, но Гарри стал замечать белые ниточки седины на его висках и следы такой же печати, что отбрасывала тень на лицо мамы.

Утром мальчик проснулся в хорошем настроении. Наконец-то, вот он, тот долгожданный день! Именно сегодня он сможет загадать свое самое заветное, самое сокровенное желание! Гарри, забыв снять пижаму, бросился на кухню, откуда доносились приятные запахи. Это мама готовила на кухне нехитрый завтрак, состоящий из омлета и слегка поджаренного кусочка белого хлеба. Отец сегодня ушёл на работу рано. Он предупредил, что и к обеду вернуться не успеет. Нужно было проконсультироваться у доктора. Джанет лежала в своей колыбельке. Она сегодня была какой-то притихшей, почти не плакала и как будто понимала

каким-то своим детским чутьем, что сегодня не совсем обычный день.

Весь день прошел в домашних хлопотах: Гарри помог с уборкой, посидел с сестрой, вырезал снежинки и развешал их в комнате.

Ближе к вечеру приехала бабушка. Она принесла большой пакет продуктов. Раньше она никогда не привозила так много, да и родители не позволяли себе такой роскоши. Бывало, когда у отца оставались деньги, он ездил и покупал продукты в городе, но это было не чаще раза в месяц.

Гарри был удивлен, он знал, что вчера бабушка отдала последние сбережения на лекарства для Джанет. Он случайно услышал разговор взрослых и увидел слезы бессилия в глазах родителей.

Когда наступил вечер, и отец вернулся с работы, все сели за праздничный стол, и тогда бабушка стала рассказывать о том, как она встречала Новый год в детстве, о семейных традициях. Гарри внимательно слушал бабушку и с нетерпением ждал наступления полуночи, чтобы загадать свое заветное желание.

Наконец, часы проббили двенадцать раз – пора загадывать желание! Мальчик влез на подоконник и, не отрывая взгляда от ночного звездного неба, шёпотом произнес слова.

На следующее утро мальчика разбудил лучик солнца, пробивающийся сквозь занавеску и щекочущий ему нос. Стремглав Гарри побежал на кухню, где мама готовила для него и сестры кашу. Она стояла, улыбаясь, прижимала к себе маленькую Джанет, а по щекам ее катились слезы. Это были слезы радости!

Мама объяснила, что сегодня утром девочка впервые за долгое время попыталась самостоятельно встать. Гарри смотрел на мать, и видел, насколько она была счастлива! Такой он ее не видел очень давно.

С каждым днем сестренке Гарри становилось лучше. Лекарства, что раньше не помогали, необъяснимым образом стали помогать. Доктора только разводили руками и не могли ничего объяснить. Родители были удивлены случившимся, они до сих пор не понимали, что же такое произошло, но жизнь стала потихоньку налаживаться.

«Вот она – волшебная сила желания», – прошептал Гарри, любуясь счастливыми лицами родителей.

Таинственная библиотека

Рассказ

Мальчик тихо сидел в своей комнате до тех пор, пока не вошла бабушка. Она громко огласила: «Завтра утром я уезжаю в Ставрополь, чтобы навестить твою тяжелобольную тетушку и помочь ей по дому. Пока меня не будет, за тобой присмотрит няня. Постарайся сильно не озорничать и не огорчать меня! А теперь ложись спать!»

Бабушка погасила свет и тихонько прикрыла дверь. Алеша долго не мог уснуть, его мучило беспокойство за бабушку, ведь она никогда не покидала дом на столь долгое время. Из двери, в которую попадал свет, было хорошо слышно, как бабушка разговаривала с кем-то по телефону. Она говорила о библиотеке, которая находится в доме. Но Алеша точно знал, что в

их доме кроме полки, на которой стояло несколько десятков книг, никакой библиотеки и в помине не было! Мальчику было очень любопытно узнать, о чем же шла речь в разговоре.

Алеша тихонько встал на цыпочки и подошел к двери, еще минут десять бабушка говорила о таинственной библиотеке, а Алёша внимательно вслушивался в каждое слово бабушки. Как только бабушка закончила свой рассказ, мальчик тут же лег обратно в кровать. Для него оставалась единственная загадка, как найти библиотеку.

На следующее утро Алёша проснулся раньше обычного, он быстро оделся и побежал на кухню. Кухарка только начала готовить завтрак, все были удивлены столь ранним подъемом мальчика. Когда Алёша пришёл в школу и стал рассказывать историю бабушки о таинственной библиотеке, никто не поверил. Но мальчик не стал сдаваться, и с нетерпением ждал окончания уроков.

Вернувшись из школы и плотно пообедав, Алеша сел за уроки. Но ни интересная задача, ни стихотворение про осень не шли ему на ум. Все это время его мучила одна и та же мысль – что это за библиотека? И почему бабушка ему ничего не рассказывала?

Вдруг мальчик соскочил и начал бегать по всему дому, заглядывая в самые укромные и потаенные места. Окружающие были удивлены таким его поведением.

«Алексей! Разве я тебе не говорила сесть за уроки!» – раздался строгий голос няни. Мальчик так и не нашел ничего более-менее напоминающего библиоте-

ку. Может, бабушка рассказывала сказки? Или говорила не о своем доме? Чем больше Алеша думал об этом, тем более убеждался, что пора откинуть эту мысль от себя.

Когда уроки были выполнены, и Алеша с твердой уверенностью решил забыть о библиотеке, няня попросила сходить его в кладовую за банкой малинового варенья. Но для того чтобы в нее попасть, Алёше пришлось подняться на верхний этаж за ключом.

Эта комната была нежилой, здесь бабушка хранила старые вещи, разложенные в старинные, покрытые очень красивым орнаментом сундуки и громоздкие комоды. Мальчик любил эту комнату. Здесь царила атмосфера таинственности, загадочности.

Когда Алеша поднялся, то он сразу же увидел комод, на котором висели ключи. Он их хорошо знал, сразу же различил большой, покрытый ржавчиной ключ от кладовой. Но внимание привлек совсем другой ключ. Он был небольшой, с закругленным концом с одной стороны и резным краем с другой. Раньше его здесь не было!

Вынув ключ из связки, Алеша положил его в карман. Вприпрыжку он спустился по лестнице в кладовую, взял с дальней полки банку с надписью «малиновое варенье» и понёс ее на кухню.

На другое утро в гости к мальчику заехала его прабабушка Виктория Алексеевна, очень строгая и ворчливая женщина. Алёша не очень любил её, даже побаивался. После долгой дороги Виктория Андреевна любила собирать всех за одним столом. И в этот раз все собрались в гостиной. Когда чай был разлит, а

собравшиеся приготовились слушать новости, привезенные прабабушкой, из соседней комнаты послышался приглушенный стук. Явно что-то упало. Все быстро поднялись со своих мест и побежали в комнату. Со стены упала огромная, больше человеческого роста, любимая картина бабушки Алёши. Пока взрослые спорили и выясняли причину произошедшего, мальчик заметил, что стена, на которой висела картина, похожа на дверь. Неужели эта та дверь, которая открывается ключом, лежащим в левом кармане брюк Алёши? Мальчику очень не терпелось попробовать открыть эту таинственную дверь, но собрав всю силу воли в кулак, он решил дождаться ночи.

Как долго длится время, если поторапливаешь его! Наконец, погасили последний огонь, и дом постепенно затих. Алёша отправился в гостиную, где раньше висела любимая бабушкина картина. Портрет уже висел на месте, и Алёше пришлось приложить всю свою силу, чтобы отодвинуть ее в сторону. Но усилия оказались не напрасными! Вот и замочная скважина, которую мальчик заметил еще вечером...

Дверь открылась на удивление легко и без скрипа. Мальчик вошел в сумрак комнаты. После того, как глаза привыкли к темноте, Алёша различил в дальнем углу большой старинный шкаф, за стеклом которого ровными рядами стояли книги. На стенах висели фотографии, а в центре стоял большой стол с резными ножками, застеленный белоснежной скатертью. Когда мальчик подошёл к столу, то увидел, что на нем лежат книги. Но книги эти были не обычными. Приглядевшись, мальчик понял, что они были рукописными. С

такими книгами ему еще не приходилось встречаться! Не удержавшись, Алеша тихонько, чтобы не испортить страницы с аккуратно выведенными строчками и небольшими рисунками, выполненными разноцветными чернилами, перелистнул несколько страниц и был поражен. Эти строчки написала его прабабушка! Алеша читал и не мог оторваться. Ведь это история его семьи! Рядом он разглядел более новую книгу в темном переплете и узнал почерк бабушки.

Мальчик был просто поражён, его глаза никогда ещё не видели таких великолепных книг! Оглянувшись, Алеша увидел бабушку, но был не в силах сказать ни слова. Бабушка, улыбаясь и нежно глядя на внука, тихонько присела и начала рассказывать о семейной традиции. Уже несколько столетий ведется летопись их семьи, и теперь эту традицию должен будет продолжить именно он – Алеша!

Екатерина Гамаюнова

п. Усть-Уда

Последняя вахта

Рассказ

Этим летом Сонечке исполнилось 12 лет. Крепкая, светлокудрая девчушка, она пришла ко мне с моим внуком Артемом. Пришла, чтобы повидаться перед отъездом. Почти все лето она прожила в нашем поселке у старшей сестры. За это время несколько раз побывала на могиле отца, которого никогда не видела.

Вернее, видела в грудном возрасте; он погиб, когда Сонечке было всего пять месяцев...

Женился Николай рано, вскоре после службы в армии, на бывшей своей однокласснице Татьяне. До армии он немного проработал в одной из строительных организаций, учеником автослесаря, окончил курсы шоферов. Татьяна окончила педучилище, работала воспитателем в детском саду.

Молодые устроились с жильем и работой в Усолье-Сибирском. Вскоре у них родился сын Саша, больше Татьяна не рожала.

Что послужило причиной разрыва между Николаем и Татьяной, ухода его из семьи, мне неизвестно. Только приехал он в наш поселок, устроился на лесовоз. Здесь познакомился с Леной, одинокой женщиной с двумя дочками-подростками. Поначалу просто ходил к Лене в гости (жила она на одной со мной улице, в сотне метров от меня), потом и вовсе переселился к ней. Официально Николай все еще состоял в браке с Татьяной, их сын Александр уже окончил институт, женился.

Высокий, крепкого телосложения, знавший невероятное количество анекдотов и умевший обернуть в шутку какую-нибудь неприятную ситуацию, Николай нравился женщинам. Вот ему уже глубоко за сорок, на макушке начала проблескивать лысина. Я по этому поводу пошутила как-то: «По чужим подушкам шевелюру-то растерял, братец?! На своей спать надо было, волосы бы сохранились!»

Лена все-таки решила рожать. Во второй половине июня родилась Сонечка. Николай был счастлив. Кое-

как дождался дня выписки, взял дочку на руки. Радости его не было предела. А с какой гордостью он, встретив знакомых, говорил: «А у меня-то, есть дочка, Сонечка!» И кивал на коляску, которую катил по улице! Малышка уже узнавала его по голосу, большим крепким рукам и усам, которыми он щекотал ее личико, прикасаясь для поцелуя. Она тянула к нему ручки, обнимала за шею, когда он брал ее, улыбалась и что-то по-своему лепетала.

«Как она на Шурку моего маленького похожа! Такое же округлое личико, такие же светлые выющиеся волосики, такие же пухлые ручонки! Она уже меня знает, я ей нужен, мы с ней друг друга чувствуем на расстоянии: она не спит, что-то ее беспокоит, я тоже волнуюсь, думаю о ней, хочу быть рядом. Бросать надо работу вахтами, поискать что-нибудь в поселке, пусть и с меньшей зарплатой», – думал свою думу Николай. И твердо решил, что эта вахта будет последней. «Живут же другие семьи на более низкие доходы. Ну и мы проживем».

И собирался он на эту вахту с неохотой, и работа там с первых дней не задалась: то запчастей к его машине не было, то погрузчик сломался. Подзагуляли мужики. Кто-то раздобыл в близлежащей деревне самогон. Кутили весь день, к вечеру вроде успокоились, кто спать улегся, кто в карты резался, кто анекдоты травил.

Николай сел на мотоцикл, проехал вокруг балков разок, проехал другой. Вдруг кто-то будто позвал его, что-то перемкнуло в голове, и он выскочил на неокрепший лед. Проехал вдоль берега, начал развора-

чиваться, удаляясь от берега, повернул не в ту сторону и, сам того не ожидая, оказался в полынье. Мотоцикл ушел ко дну. Пуховик надулся и держал Николая на плаву, шапку он потерял, лысина блестела при лунном свете. Кругом ни души. Кричать нет смысла, барахтаться – тоже. О чем он успел передумать, пока не заковенел в ледяной воде?

Сонечка в это время спала, но как-то беспокойно, то и дело, поворачиваясь с боку на бок. Вдруг она вскрикнула и заплакала так громко, что разбудила всех в доме. Лена долго не могла ее успокоить.

На следующий день к Лене с недоброй вестью пришли мужики, что работали с Колей. Сонечка долго искала глазами отца, но его среди этих мужчин не было...

А тело Николая еще два дня не могли вытащить: стояло тепло, лед плохо промерзал, подобраться к телу, чтобы достать его, не было никакой возможности.

Года через два после похорон Николая, Лена продала свой дом, купила комнату в семейном общежитии в Ангарске. Так что приезжают они с Сонечкой сюда только на время Лениного отпуска или летних каникул Сони.

2022 г.

Минька
Рассказ

Девятнадцать лет прошло с того дня, как умер мой дядя, Михаил Трофимович, а мне до сих пор больно вспоминать ту бесчеловечность, ту низость поступка, которую совершили по отношению к телу умершего.

Во-первых, мёртвого ограбили (украли деньги из кармана рубашки), во-вторых, тело положили в морге на стол вниз лицом... Как будто сбросили с носилок ненужный хлам.

В воскресенье я пришла к дяде в больницу, принесла фрукты, соки, куриный бульон. Обрадовала его: «Нашла двух доноров. Завтра утром придём к обходу, всё решится». У него была четвёртая группа крови с отрицательным резус-фактором. И рак крови. Несколько месяцев назад он вернулся из областной больницы, а теперь попал в районную.

Он достал из кармана рубашки носовой платок, в которой были завернуты сложенные вдвое тысячерублёвые купюры: «Возьми деньги, поделишь донорам поровну», – сказал дядя Миша, но я ответила, что деньги отдадим после, когда они сдадут кровь. И он положил деньги обратно в карман, а карман застегнул на булавку.

Ещё вечером Михаил Трофимович почувствовал себя хуже обычного, но был уверен, что доживёт до утра, дождетя доноров. Старался не делать лишних движений, ни с кем не разговаривал, хотя в палате кроме него было ещё четверо больных. Он берег силы, но они всё-таки таяли. Стал впадать в полузабытьё, в какое-то полубредовое состояние, то начинал отчётливо видеть картинки из своего детства, вспоминать давние события, людей, сам себе об этом шёпотом рассказывал какими-то обрывками, несвязно.

«Афанасий Александрович, родной брат деда Ефима, в гражданскую партизанил, его уважали. Это он заступился за еврея по фамилии Риц, жена которо-

го торговала нитками. Если бы не дед, еврея этого убили бы...

Хлеба у нас много родилось, по Илимю на Лену возили, торговали хлебушком. С пашней работы много было: сначала чертили деревья, чтобы они засохли, потом рубили, кочевали, распахивали...

В Черепановой Захар Ильич деготь гнал. В войну в наших деревнях переселенцы из Украины были. Когда наш учитель Павел Иванович ушёл на фронт, вместо него стал работать Николай Павлович Корнилов. В восьмидесятые он жил в Красноярске, кандидат наук...

В Черепановой-то школа давно была, а в Кожевникову в сорок восьмом дом под школу с Черепановой перевезли...

Карда была почти напротив Кожевниковой, здесь посреди Ангары остров был: с одной стороны острова – Кардинская протока, с другой – Кожевниковская....

Анисим Васильевич, раненный был в ступню правой ноги, вот его председателем колхоза и назначали. А он, когда хлеб в Замараевку возил сдавать, приторговывал и для себя. Узнали – снова на войну отправили, в штрафбат. Оттуда он без руки вернулся, женился на тётке Авдотье, вдове Данилы Иннокентьевича...

Вот она, речка Дымчара, на ней когда-то мельница стояла. Отец меня один раз брал туда. Отца в тридцать восьмом забрали, мне тогда пять лет было. Как выжили – вспоминать страшно...»

Тут он увидел себя ребёнком лет шести-семи, в длинной, до колен, рубахе, босые ноги в цыпках... А с ним ещё двое таких же голодных босоногих пацанят.

Они бегали по лесу, наелись ягод, но голод не проходил: хлеба-то давно, с весны, не видели, картошка тоже кончилась. А тут колхозное поле рядом, на нем горох поспел, так и просятся стручки в детские ладошки. Сорвали немного, поели да по пригоршне домой решили взять.

Тут бригадир полеводов на коне верхом выскочил. Как давай матюгаться, да кнутом размахивать направо и налево. Пару раз и Миньке прилетело. Бросились босонята врассыпную, бригадир гоняться за ними не стал. Никак не мог понять Минька, почему нельзя немного колосков с колхозного поля съесть, если его всё равно скоро снегом завалит. Почему картошку с поля можно только весной, мёрзлую, копать.

Тут он, словно наяву, увидел отца, репрессированного и реабилитированного посмертно, себя шестилетним пацаном. Отец звал его, взмахивая рукой, кричал: «Минька, Ми-нь-ка-а-а». А он откликнулся на этот зов: «А-а-а-а». Это были последние звуки, вырвавшиеся из груди умирающего Михаила.

Умер он в пять часов утра.

Я пришла к десяти. Врач сказал, что болезнь дяди запущена, и донорская эта кровь стала бы лишь отсрочкой на несколько дней... В мертвецкую со мной никто не пошёл, хотя я и просила санитаря. Увидев дядю, лежащего ничком на столе, я перевернула его на спину, поправила расплющенное лицо (ещё не успел застыть), обратила внимание на то, что карман у рубашки расстёгнут, денег в нём нет. Проглотив обиду за столь бесчеловечное отношение к покойному, пошла сообщать его жене в Подволочку (связь с дерев-

ней тогда была только по радию), сыну в Иркутск, дочери в Зиму...Они до сих пор не знают, как обошлись с телом дяди тогда, в больнице, в морге...

2022 г.

Фаина Кашубина

с. Новая Уда

Любопытный малыш

Сказка

Далеко раскинулось озеро Байкал, не охватить взором: нет конца и края его большим водам. Берега песчаные, скалистые. Но радуется сердце, когда видит прозрачные воды священного моря. Словно в зеркальце отражается чайка, которая парит над могущественным чудом земли, виден блик могучих раскидистых кедров. Все спокойно и тихо вокруг. Спокоен и сам Байкал, многое он повидал за свои годы, многое претерпевал он от людей. Но всегда трепетно, с любовью он относился к своим гостям и обитателям!

Ах! Что за нежное создание лежит на прибрежных камнях? Так это же маленький нерпенек Осторожка. Наверное, его имя говорит само за себя. Мама маленького нерпенка растила его умным и обучала различным хитростям! А еще наш Осторожка был очень смелым.

Как только малыш появился на свет, его возглас был слышен повсюду

– Я живу! Я родился, – с чувством радости и восторга кричал Осторожка. Он еще многого не понимал, однако, он уже сейчас знал, что он появился на свет в

живописном местечке, где первый глоток воздуха есть тяга к жизни.

– Здравствуй, мой дорогой мальчик! Ты родился! Посмотри по сторонам – как красиво! – с легкостью, с чувством любви к долгожданному сыну произнесла мама-нерпа.

– Какая чистая вода! – произнес нерпеночек и захлопал лапами. Ему нравился плеск воды. Она, подлетая вверх и тут же опускаясь, щекотала ему нос. Малыша дразнило это еще больше.

Взрослые нерпы спрыгнули в воду с прибрежных камней и почему-то поплыли.

– Куда они все, мама? – спросил в недоумении Осторожка.

– Был у нас один случай: заплывал в наши края человек, который оказался опасным для нас, и теперь, когда мы слышим звуки, похожие на плеск весел, то понимаем, что нужно уходить, – рассказала мама Осторожке, приучая его видеть и чувствовать опасность.

– Мам, а почему у меня раскрас совсем другой? Почему я белый? – поинтересовался Осторожка.

– Благодаря такой окраске, ты можешь оставаться практически незаметным на льду. Со временем твоя шубка полиняет и станет сначала серебристо-серой, а потом бурой, как у меня.

Пояснив это, мама-нерпа оставила малыша и поплыла добывать пищу.

– Как же все интересно! – сказал малыш.

Он крутился на солнышке, разглядывал себя, свое отражение в воде, а иногда даже пытался его дразнить.

Не удержавшись на камне, Осторожка упал в воду. Его быстро потянуло ко дну. Малышу стало страшно: «Что там внизу? Сколько опасностей его там ждет?»

– Мама, мама, – всхлипывал он. Но голоса мамы не было слышно. – Как же страшно, никого нет.

И тут, обернувшись, он увидел дедушку. Седовласого, доброго старца.

– Не бойся, малыш! – произнес незнакомый старец.

– Кто Вы? Мама не рассказывала мне про Вас, – проголосил Осторожка.

– Я – дедушка, зовут меня Байкал! Я живу много лет и еще ни разу никого не обидел. Со мной ты будешь в безопасности: летом будешь играть моими водами, лежать на моих берегах, зимой будешь плавать подо льдом, а на поверхности разглядывать себя в ледяное зеркало. Я подарю тебе чистый воздух, прозрачную воду!

Нерпенок успокоился, знакомство с дедушкой ему даже очень понравилась. Он почувствовал себя защищенным, чувство страха и опасности отступили. Нерпенок уснул.

А когда наступило солнечное утро и лучики щеко-тали его носик, Осторожка понял, что он снова навер-ху, рядом с мамой. Это дедушка Байкал могучей ру-кой-волной поднял его осторожно, чтобы не потрево-жить сон, на поверхность.

С тех пор маленький нерпенек Осторожка и дедушка Байкал стали друзьями.

И до сих пор Байкал оберегает нерп, и нет ничего для них лучше, чем жить в байкальских водах, быть окруженными теплом и добротой мудрого старца – БАЙКАЛА.

Андрей Лобов

п. Усть-Уда

История деревни Михайловщина

Точных данных, когда появилась деревня Михайловщина и сколько веков просуществовала, нет. В книге «Илимская пашня» профессор Вадим Николаевич Шерстобоев пишет, что первое упоминание этой деревни относится к 1699 году. Основал её некий землепашец Прохор Михайлов¹ и с основания она называлась Михайлова.

В 1723 году она имела всего один двор, но впоследствии стала разрастаться, видимо земли здесь были пригожие. Деревня пополнялась также за счет прибывавших ссыльнопоселенцев, часть из которых оседала на этой земле.

Долгое время она носила имя – деревня Михайловская, а уже потом, скорее всего после революции 1917 г., стала называться Михайловщиной. По крайней мере, в документах по переписи населения от 1926 г., она уже так называлась, имела 47 дворов и 213 душ.

Хотя сложилось мнение, что официально в документах её переименовали после затопления Братским водохранилищем и переносе деревни на новое место.

Вот как говорится о деревне Михайловская в дневнике Н.И. Витковского, ведённого им в путешествии по реке Ангаре в 1882 году:

«По дороге с. Минеевское. Далее дорога спускается с террасы, обнажён светло-красный нанос; терраса прекращается при устье р. Катколь (Каткон), образуя обнажённый мыс и левый берег ея. На этом ручейке устроена крошечная мельница.

Деревня Михайловская. За ней в овраге верхний слой наноса совершенно белый, по мере углубления она делается краснее. На глубине двух аршин залегает галька и острореберные куски серого песчаника, какой, по словам ямщика, встречается в хребтах направо. Отсюда терраса почти слилась с равниною; лес состоит преимущественно из сосняка; везде видно очень много буреломнику, направленного на С.-В. В выворотнях нанос белый, красный встречается только в оврагах и то глубоко.

По обе стороны реки, друг против друга, стоят высокие, сопковидные горы, доминирующие над окрестностью; хочется думать, что это остатки прорванной некогда гряды.

Пашни идут далеко в горы, почти до вершин; на равнине распахан только нижний край террасы, на высших ея местах «плохо хлеб родится»; «в хребтах, где растёт берёза да осина, хотя и трудно работать, редкий конь дюжит, за то хорош урожай».

Далее в деревне Константиновская ночевали на общественной квартире... Все жалуются на недостаток покосов у крестьян и на избыток их у бурят. Все в сетях «от гнуса». В говоре не слышно шамканья».

Много в Усть-Удинской волости побывало ссыльнопоселенцев. В метрической книге по деревне Михайловская мы встречаем такие редкие фамилии поселенцев как Клоков, Брежелюк, Иганцев, Немман, Кумелькин, Рудайцев, Мурза, Пугачёв, Мелиховский, Емельянов и др.

Большинство, отбыв срок, уезжало, и их уже ничто не связывало с селом, но были и такие, кто, приехав однажды, пусть и не по своей воле, никогда уже не покидал мест, ставших для него новой Родиной. И в районе встречаются ещё сейчас такие фамилии как Костенко, Кузнецов, Егоров, Обухов, Карташов.

Распространённые фамилии из крестьян, живших в деревне Михайловская, которые и сейчас известны в селе и в районе: Константиновы, Суриновы, Мишуровы, Толмачёвы, Батавских, Перетолчины, Ноговицыны, а вот такие частые в XIX веке фамилии крестьян как Харламовы, Ахрины, Качакины, сейчас не встречаются.

Дорога разделяла деревню как бы на две части, дома смотрели друг на друга двумя или тремя окнами. Ворота были массивные, высокие, глухие, с крышами наверху, но не у всех.

По Ангаре тянется большой остров, назывался он Курзар (местные называли его Хайрюзар). За ним видна деревня Заславская. Если пройти по дороге

дальше, за деревню, можно поравняться со Средним островом, а дальше с Маленьким. А Большой все тянется дальше. По ту сторону Карымская, Исеть, Грибаново, Шарыгайская и Рютина². На противоположной стороне сопки крутые, даже есть отлогие две горы, а в середине лес: деревья, как солдаты, идут строем.

На островах косили сено, рвали чеснок, собирали красную и черную смородину, черемуху. Росли здесь красивые цветы жарки, маки белые, колокольчики синие.

На большом острове сбили-сколотили большую танцевальную площадку и деревни: Шиверская, Рогова, Михайловщина, Сидорова, Багаево, Заславская, Карымская, Исеть приезжали на лошадях и переплывали на остров танцевать на праздниках. Зимой ездили на лошадях, в кошевках. У многих жителей Михайловщины на островах были выкопаны глубокие колодцы.

После революции и гражданской войны в 1921 году был образован Светлолобовский сельсовет, в состав которого входила деревня Михайловская. В этих же годах был создан колхоз «Восточно-Сибирский комсомолец».

Одним из первых председателей колхоза был Константинов Илларион Антонович. В августе 1942-го его забрали в НКВД и увезли. Дали 10 лет. Но, когда заключенным дали право уходить добровольцами на фронт, он ушел воевать. Было это 1 декабря 1943 года.

После него председателем «Восточно-Сибирского комсомольца» был Банковский Иван (из цыган). После

войны стал председателем Рогов Иннокентий, жил он в Рогово.

В близлежащей деревне Рогово долгое время своей школы не было, ребята ходили за два километра в Михайловщину мимо кладбища, мимо деревни Миневой, где догнивали две-три старые избышки да кое-где торчали остовы глинобитных печей, через мост, переброшенный через речку Каткон.

В Михайловщине под школу было отведено высокое просторное помещение, построенное еще в 1905 году. Прикреплена она была к колхозу «Бедняк», центральная усадьба которого находилась в деревне Рогова.

С 1930 года учительствовал здесь бурят Туязов Алексей Иванович, 1911 года рождения, который приехал в деревню после окончания Балаганской девятилетки. Алексей Иванович жил с отцом, матерью, сестрой и двумя братьями. Отца звали Иван Матвеевич, 1871 г.р., мать – Марией, 1882 г.р. Держали они хозяйство: две коровы, две лошади, две овцы, огород и посевов два гектара.

Когда он ушёл на фронт, его заменила учительница Суринова Любовь Дмитриевна, 1923 года рождения. После войны, с 1945-го работала Сергеева Надежда Дмитриевна, а в 1948 году пришла Черепанова Александра Николаевна, ей всего было девятнадцать лет.

Через небольшую речушку Каткон, которая впадала в Ангару, был перекинут мост и по нему проезжали на лошадях, когда ехали в деревню Рогова. Потом, по-

сле войны, стала бегать полуторка, а с 1948-49 гг. стали ездить разные машины.

Когда едешь из деревни Рогова в Михайловщину, проезжаешь деревушку Минеева, в которой осталось три домишки. Проезжаешь через мост, а дальше одна дорога ведет в Михайловщину, другая вправо вдоль Каткона – на мельницу. Долгое время мельником был Аронов Николай Константинович, про него отдельный следующий рассказ.

На мельнице, рядом стоял дом, маслобойка – масло парили и давили жерновами при помощи лошади из конопляного семя. Мельница была в два этажа, пруд, в котором плавали утки (свои и дикие), рядом баня и завозня, скотный двор рядом с домом.

Старой деревни Михайловщины теперь уже нет, там, где она стояла, разлились воды Братского водохранилища, затопив острова Средний, Маленький и Хайрюзар. Деревню же перенесли на новое место, выше, туда, где раньше собирали ягоды и грибы.

¹Шерстобоев В.Н. «Илимская пащина» 1 т. стр. 93

² Деревни Нижнее и Верхнее Рютино, расстояние между которыми было 4 км., были переименованы в Нижне- и Верхне-Ангарская в 1930-х годах, когда был расстрелян Мартемьян Рютин, выступивший против политики Сталина.

История одной семьи
Рассказ - быль

Унтер-офицер Крылов

Польша находилась в составе Российской империи с 1815 по 1917 годы. Это был бурный и сложный период для польского народа – время новых возможностей и больших разочарований.

В 1820-е годы, в период, когда главнокомандующим польской армией и фактическим наместником Польши являлся великий князь Константин Павлович³, начался процесс ограничения автономии страны. Конфликты Константина Павловича с польским сеймом, его пренебрежение к Конституции, репрессии против польских либералов и замещение поляков в высшей администрации русскими вызывали массовое возмущение и рост недовольства российской властью в Польше. Это вылилось в стихийное Ноябрьское восстание 1830 года, которое в 1831 г. было разгромлено российской армией.

После подавления восстания, в 1832 г., вместо отменённой Конституции был издан Органический статут царства Польского, который резко ограничил самостоятельность Польши: были упразднены польский сейм и отдельные польские вооружённые силы, а царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи.

В феврале – мае 1861 г. в Варшаве произошли первые беспорядки. В городах не прекращались манифестации. Центральный национальный комитет вы-

нашивал планы восстания и вооруженного переворота в Варшаве.

Русское правительство вынуждено было держать некоторые воинские части в Польше для «усмирения». В это-то время и служил бравый унтер-офицер Крылов Константин.

Был октябрь 1861 года. Должностная обязанность состояла в основном в том, чтобы исполнять гарнизонно-караульную службу. В провинции, где он служил, было все спокойно, к тому же до конца службы оставался один год⁴. Но не это его беспокоило, а то, что панночка Агнешка, которую он страстно любил, была в положении. Родственники же её все были против замужества Агнешки, ведь Константин был православный, а она католичка. «Куда, замуж за москаля? Никогда этому не быть!» – кричали они хором.

Набрался смелости Константин и пошёл свататься к родителям Агнешки, но они его выгнали: «Где это видано, чтоб москаль на панночке женился!» Решил он тогда увезти её к себе на родину и вернуться обратно. «Поживёт пока с моими родителями, – думал Костя, – а я дослужу, благо немного осталось. Авось, пронесёт, не хватятся на службе, а если и хватятся, то и отделаюсь битьём шпицрутенами⁵». Договорившись с друзьями о помощи, Константин с Агнешкой тайно бежали.

Напряжённая обстановка в царстве Польском приводит к введению в октябре 1861 года военного положения. Военное положение в Польше застало Константина, когда он возвращался обратно, был перехвачен на границе и арестован.

Константина судили военным судом за то, что он якобы был связан с польскими повстанцами. Дали пять лет каторги с пожизненным поселением в Сибири и отправили этапом в кандалах отбывать каторгу на Николаевском железоделательном заводе⁶.

Пока было следствие, шел суд, потом этап. Тем временем Агнешка родила мальчика и назвала его Миколай, по-нашему значит Николай, Коля. В честь отца Константина.

Когда мальчику исполнился год, Агнешка решила идти вслед за своим возлюбленным. Этап каторжников, в котором шел Константин Крылов, прошел только полпути и находился где-то между Екатеринбургом и Тюменью.

Где в санях, а где пешком, с ребёнком на руках догнала Агнешка этап только под Иркутском. Но так и не увидела своего Костю, охрана не дала, разрешили только идти следом.

Когда этап шёл по Сибирскому тракту, Константин бежал. Прыгнул с дороги в обрыв. Ему повезло: пули стреляющей охраны не достигли цели. Дни и ночи он продирался сквозь тайгу, по сугробам. Уже замёрзшего и обессиленного его нашёл еврей Арон.

Когда-то и самого Арона отправили в ссылку на поселение в Балаганский уезд, в Яндинскую волость. Со временем он поприжился, занимался охотой, рыбалкой и выделыванием шкур, шитьём ичигов. Старуху он свою схоронил и проживал один на Большой заимке около деревни Михайловской. Поставлен ли он был верхушкой политической партии специально, об этом история умалчивает, но, находя по тайге бежав-

ших с этапа ссыльных, снимал с них кандалы, выхаживал, лечил. Крестьянам же было только известно, что он охотился и проверял капканы.

Вот и Константина он привёл в свою избу, снял с него кандалы и стал лечить. Но так и не смог его вылечить – от долгого скитания по тайге, от кандалов началась гангрена.

– В тайге я тебя спас, а вот сейчас не могу спасти твою жизнь, у тебя «огневица». Ты скоро умрёшь, – сказал Арон.

– Следом идет моя жена, полячка Агнешка с сыном. Помоги ей, отец, помоги, у неё здесь никого нет, кто бы помог, все в Польше, – стал просить Константин и рассказал всё с самого начала, как познакомился с Агнешкой, полюбил, увёз к себе на родину, и как его потом судили.

В селе Зима Агнешка нашла старика по кличке Богач, который тоже имел отношение к политическим и помогал ссыльным беглецам попасть в Иркутск и Москву. Конечно, он знал Арона и как к нему добраться.

– Иди на Большую заимку, там твой Константин Крылов у еврея, деда Арона.

Пробиралась она с маленьким Колей по тайге, кругом лес и тропки, протоптанные зверьём да таёжниками. Когда пришла, то застала умирающего Костю уже в агонии, на руках у неё он и умер, не приходя в сознание.

Похоронила она его рядом с могилой старухи деда Арона, поплакала, не зная, что дальше делать.

Как-то, сидя за пошивкой ичиг, Арон сказал ей:

– Оставь малыша у меня и иди на мельницу, наймёшься к помольщикам.

Дал он ей валенки, шапку, полушубок и она ушла, оставив Колю деду Арону. На мельнице она делала всё: помогала таскать тяжёлые мешки, подметала, варила и т.д. Мельником был Коновалов Иван, у которого было четыре сына: Семён, Филип, Дмитрий, Иван и дочь Дарья.

³Российский цесаревич, второй сын Павла I и Марии Фёдоровны, считавшийся до самой смерти старшего брата Александра Павловича наследником русского престола.

⁴В то время срок службы в царской армии России был 15 лет.

⁵Телесное наказание в царской армии России заключалось в том, что осуждённого заставляли проходить сквозь строй из 100—800 солдат, которые прутьями били по спине осуждённого.

⁶Завод заложен в 1845 г. на р. Долоновке в 25 километрах от Братска Иркутской губернии и строился ссыльнокаторжными.

Крылёнок

Арон стал растить и воспитывать Колю, которому было уже семь лет. Брал его с собой в тайгу, водил по горам и долам, по болотам. Учил его, как вытаскивать не только зверей с петель, но и беглых кандалников из глухих мест. В округе стали маленького Колю называть «Крылёнком». В тайге он чувствовал себя как дома, а, когда ему исполнилось восемь лет, пода-

рил ему дед Арон жеребёнка, а ссыльные-беглые – ко-
сулю, и он с ними не расставался.

На заимке у Арона был большой дом, баня, стай-
ки, амбары, сарай, пасека, две лошади, две коровы,
овцы, свиньи, гуси. Через два года приехала Агнешка,
привезла воз муки и два улья пчёл за то, что Коля жил
у него. Еврей Арон говорит:

– Живёшь на мельнице, живи, а парня не бери. У
мельника четверо сыновей старше Коли – будут оби-
жать. А здесь ему вольготно, вон он, смотри, на же-
ребчике гоняет. Чего умею сам, тому и его научу, и
грамоте научу – уже библию читает. У него всё есть.
И показал шубу из волчьих шкур, шапку из соболя,
ичиги и валенки.

Через двое суток Агнешка уехала, решив, что у
деда Арона Коли будет лучше, только навещала их раз
в год. Еврей продолжал спасать беглых политических,
снял с них кандалы, давал кров, и девятилетний
Коля ему помогал.

Однажды, когда ему было двенадцать лет, на за-
имку пришла весть, что идёт повальная проверка, –
ищут беглых политических.

Коля встал на лыжи и повёл каторжников в даль-
нее зимовьё (у Арона было пять зимовий, раскидан-
ных по тайге), а их уже там ждали казаки. Раздели, из-
били, связали и под нары запинали, а мальчонку толк-
нули за печь. Ночью Коля встал из-за печи, сказав: «Я
на двор хочу». И в одной рубахе, без верхней одежды
шагнул за дверь. Схватив лыжи, помчался во всю
прыть, а бежать надо было через пять падей и шесть

сопок. Мчался весь в поту и только чувствовал, что на голове росла шапка из куржака⁷.

Когда он прибежал домой, то дед сначала испугался, потом обмазал гусиным жиром и посадил его в кадку с водой и мёдом. Подойдёт, с головой окунёт и воду подливает – всё теплее и теплее. Так он просидел в воде около пяти часов. Ничего, зажило, только кожа местами слезла.

Когда Николаю исполнилось пятнадцать лет, поехал он в Иркутск сдавать экзамены экстерном, чтобы получить свидетельство о начальном образовании⁸. Познакомился с политическими. Когда парни раскидывали листовки, Коля засунул себе пачку за пазуху, залез на крышу дома и начал разбрасывать прокламации, при этом что-то кричал. За ним на крышу полез урядник⁹, который занимался «охранением внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности». Коля ловко перепрыгнул на рядом стоящую крышу и побежал, а его преследователь не удержался, заскользил, покатился и упал с крыши.

Когда Коля слез с крыши, то не убежал, а пошёл посмотреть живой ли человек, который бежал за ним. Листовок у него уже не было, чего ему было бояться, но его поймал за руку какой-то мужик и стал кричать:

– Вот он! Это он раскидывал с крыши прокламации! Я видел, это он толкнул урядника с крыши!

Его допрашивали, били, но ничего не доказали. Посадили за то, как будто он толкнул с крыши человека, который убился.

Посадили его в Александровскую центральную тюрьму¹⁰, вместе с политическими. Рассказал он им,

кто он и откуда. Кличку ему дали в честь его воспитателя – Арон.

Был он худенького телосложения, и решили политические сделать ему побег из тюрьмы, из которой никто и никогда не убегал.

– Или здесь сдохнешь от голода и побоев или, если выскочишь, то будешь жить.

И он согласился. Его зашили в два рогожьих мешка из-под соли, привязали к запястью руки нож. И сказали:

– Почувствуешь, что упал куда-то, режь мешок снизу до груди, да осторожно, воздух экономь, выпускай по капле – это твоя жизнь. Когда вынырнешь, уходи от шума, там воля твоя.

И скомандовав: «Набери воздуха полную грудь», – положили его вперёд ногами в трубу и толкнули.

Когда летел по трубе, то думал, если есть Бог, он мне поможет выйти живым. Уже кончился воздух, распирало в груди и, только почувствовав, что вылетел из трубы, полоснул по мешку ножом. Освободился от мешка и стал подниматься вверх, вынырнул и чуть не задохнулся смрадом и вонью. Смывали-то его по тюремной канализации. Отдышавшись, смотрел во все глаза и ничего не видел – темь была кромешная. Прислушался – был какой-то шум – ничего не понять... крики, песни, стуки, скрежет, свист. Тюрьма завывала на разные голоса, это был для него знак – уходи, мол, от этого гама. И он стал выбираться в ту сторону, где было тихо.

⁷ Изморозь, иней на деревьях, замерзшие испарения; позакуржить подернуться инеем.

⁸С 60-х годов XIX в. была широко распространена практика сдачи экзаменов экстерном для лиц, получивших домашнее образование. Как правило, после сдачи экзаменов выдавалось свидетельство.

⁹Нижний чин полиции, подчиненный приставу.

¹⁰ Одна из каторжных тюрем дореволюционной России. Учреждена в 1873 году в селе Александровском Иркутского уезда на территории бывшего Александровского винокуренного завода, основанного в XVIII веке.

Ароновы

Добрался он до Усть-Уды, а потом и до своей заимки. Кличка Арон, которую дали ему политические в тюрьме, так и не прижилась, потому что все знали его и называли Крылёнок. Когда получал паспорт, то к кличке Арон добавил «ов». Вот так и стал он Аронов.

В конце XIX века, по мере постройки Транссибирской железнодорожной магистрали на неё переносилась часть телеграфных линий, причём, во многих местах старые провода заменялись новыми большего диаметра. В начале 1890-х Николай уехал на заработки на ремонт телеграфных линий Иркутск – Владивосток. К тому времени он был женат на местной девушке Матрёне и имел двух детей.

Когда вернулся домой, еврей Арон ему сказал:

– Твоя Матрёна, пока тебя не было, завела шашни с абреком. Убежала с ним и увезла сыновей.

Так и жил Николай Константинович на заимке у Арона, но, когда ему перевалило за сорок, решил обзавестись семьёй. Жил он уже один, еврея Арона схоронил рядом с могилами его бабки и своего отца.

Дарью, дочку мельника, он приглядел на мельнице, когда приезжал молотить муку. «Маленькая еще, пусть подрастёт», – думал он и, когда ей исполнилось восемнадцать, приехал свататься, а ему было уже сорок два года. В первый раз она выходить за него замуж отказалась, он и во второй, и в третий, а она ему квашню пустую на стол, а сама – за печь. В последний раз, уходя, взялся за ручку двери и сказал:

– Не хочешь, Даша, по-хорошему, сама придёшь и просить будешь.

И вышел. А она пришла, и они стали жить, но не венчались, и родили пятерых детей.

Николай крепко стоял на ногах, жил зажиточно на своей заимке, ни от кого не зависел – Арон, умирая, всё оставил ему. К Дарье ему пришлось переехать – на мельнице нужен был мельник. Отец Дарьи, Коновалов Иван, был старый и уже не справлялся на мельнице, а его сыновьям этого было и не надо. Вот и отдал он Дашутке мельницу, а вместе с ней и маслобойку, две коровы, две лошади, овец и дом при мельнице.

– Ты лучше моих сынов, у них руки, что крюки, – говорил тесть Николаю, – а из тебя еврей Арон вырастил человека – на все руки мастера.

На что Николай отвечал:

– Дед Арон многому меня научил, но помогли мне в развитии и в учёбе политические и беглые каторжники. Были они грамотные и мастеровые люди. Моя школа – это лес, учителя – это люди.

В 1907 году у Дарьи с Николаем родился первенец – Федька, через два года – Максимка, следующие были девочки и назвали их почему-то одинаково – Ан-

нами. Анна-большая, 1912 г.р., и Анна-маленькая, 1915 г.р.

За это время Николай построил большой дом в Михайловской, где они жили всю зиму, а на лето уезжали на мельницу. Также он ездил на свою заимку, где у них была пасека. Лошадь на маслобойке гоняла жернова, они давили конопляное семя, делали масло и жмых. Так бы они и жили, но настало лихое время, революция, гражданская война.

Сгорела мельница вместе с помольщиками. Николай тогда был на заимке. Дарья была на сносях, пятым ребёнком. В деревне рассказывали, что подожгли братья Толмачёвы. Вывезли муку, подпёрли двери и всех сожгли. Разговоры разговорами, но ни фактов, ни свидетелей не было.

Весной 1922 года Николай заново отстраивал мельницу после пожара, ему помогал старшенький Фёдор да Максимка здесь же крутился. Даша занималась по дому и с малышом, которого недавно родила, ей помогала Анна-большая. Аня-маленькая ещё была в школе. Во второй половине дня Дарья почувствовала недомогание, а к вечеру слегла, простудилась. Вечера она полоскала пелёнки в Ангаре, не побереглась после родов и вот результат.

Через шесть месяцев Дарья умерла на тридцать седьмом году жизни. Осталось малое дитя. Его грудью кормила соседка, у неё при родах умер мальчик. С ребёнком Николай один бы и не справился, так он у неё, у соседки и остался. Похоронили Дарью на кладбище возле деревни Евдокимова Карымского сельсовета.

Детей всех Дарья записывала в церкви на фамилию Коноваловы, так как они с Николаем были не венчаны, но после революции, когда церквей не стало, и дети пошли в школу, их всех записывали как Ароновы.

В районе начали создаваться коммуны.

Николай со всем своим имуществом вошёл в колхоз «Восточно-Сибирский комсомолец», продолжая работать на мельнице, которую он к тому времени уже заново отстроил. Его имущество состояло из коров, коней, овец, пасеки, мельницы с маслобойкой и двух домов.

В начале 1930-х Фёдор уже был бригадиром в колхозе. Женился он на Агафье Николаевне, и первая у них родилась девочка Мария. Потом через каждые три года было пополнение: в 1933-м родился Пётр, далее Иван, Николай, Фралина.

Максим жил в родовом доме вместе с престарелым отцом Николаем Константиновичем. Работал он в колхозе на тракторе. Женился на Фёкле Александровне Мамурковой, когда у его брата Фёдора уже был второй ребёнок, а в 1934-м и у него, Максима, родился первенец Владимир, а в 1936-м – Александр, в 1939-м – Капа, в 1941-м – Константин.

Анна-большая с четырнадцати лет работала в колхозе стряпухой, а тут её отправили учиться на трактористку. Сменщиком она была у своего брата Максима, он её обучил разбирать и собирать трактор.

В 1932 году в колхоз пришел работать трактористом, приехавший из Бодайбо, Гусев Алексей Фёдорович. И они с Анной не просто стали напарниками,

но и поженились. Пошли дети через каждые четыре года, начиная с 1933-го – Анатолий, Александр, Михаил, Юрий, Павел, Владимир.

Анна-маленькая была у своей сестры помощницей и, когда та уехала учиться, стала поварихой, а, когда ей исполнилось восемнадцать, выучившись, тоже работала на тракторе. Поженились они с Поповым Спиридоном Филипповичем. В 1939 году, когда Спиридоном призвали на войну с финнами, родилась девочка Галя. Ребёнок сильно болел, и Анне пришлось поменять работу, стать заведующей складами.

В 1941 году началась война с фашистской Германией, и много мужчин ушло на фронт. Бригадир Аронов Фёдор Николаевич в июле 1941-го угнал первый табун колхозных лошадей на фронт, а в августе ушёл добровольцем на войну муж Гусевой Анны, Алексей Фёдорович. В феврале 1942 года собрали второй гурт лошадей, решали, кто погонит. Вызвался Аронов Максим Николаевич. Потом с фронта пришли вести, что он ранен, подлечился в госпитале, приезжал домой, а когда был ранен второй раз, то уже не поднялся и умер в сентябре 1945 г., в госпитале города Чита.

Рассказ Ибрагима

В конце войны поехали несколько женщин продавать табак в Бирит. 1945 год выдался голодным. С ними поехала Анна Николаевна Попова, взяв с собой маленькую Галю. Табак шёл нарасхват – меняли на хлеб, сахар, чай, мыло, спички, крупу и, когда Анна Николаевна выставила коней в упряжке, к ним подо-

шёл мужик – ни то чечен, ни то цыган. Посмотрев сбрую, сказал:

– Работа Крылёнка. А где он сам?

– Это мой отец, живёт со мной в Михайловской.

Ничего мужик больше не сказал и ушёл. Вскоре он пришёл ещё с двумя мужиками, тоже «чёрные», принесли целый мешок муки:

– Этот мешок от меня, пусть помнит тех, кого он спас. Живой буду, приеду, привет ему от Ибрагима.

После рынка ночевать пошли к Марии Коноваловой, землячке из Михайловской. Люди, узнав, что Анна Николаевна дочь Крылёнка, стали приходить поговорить, а поздно вечером пришёл Ибрагим и вот что рассказал:

– Мне было лет восемнадцать, когда отец меня с ним познакомил, а ему уж лет пятьдесят пять. Отец мне рассказывал: «Бежал я, значит, с этапа, ещё до революции, и увяз по шею в трясине. Вижу, ко мне идёт леший на раскорячку – сам маленький, а голова большая, лохматая и сам лохматый, ноги в шерсти.

Подходит ко мне, улыбается и говорит: «Что, черномазый, попался? Что-то мне одних цыган подкидывают. Кто ты?»

А я ему: «Я чеченец». Он посмотрел на меня: «Что-то я таких не видывал, – и смеётся, закинул что-то за голову, потом наклонился и говорит, – Куда ж ты, чёрт нерусский, залез и что мне с тобой делать?» – а сам что-то тычет.

Чувствую, тянет чем-то, а потом стал уходить. Хочу кричать, а голоса нет – уже весь выкричался. Потом он пришёл, что-то таща, зацепил под руками и

подбородком, и как засвистит и закричит: «Шевели руками и ногами, помогай, чтоб с головой не ушёл в трясину». И потащил, сила, какая-то нечеловеческая, тянет, что всё во мне хрустит. Вытянул и волокёт по болоту, сам бегом бежит на своих в раскорячку ногам. Ну, думаю, каюк мне, стоило бежать с дороги прямо в пасть к лешему. Добежал он до кустов, свистит и кому-то говорит: «Мой дорогой, иди сюда, посмотри какую образину мы приволокли, сейчас мы поедем, пожди я его развяжу, а то задохнётся».

Наклонился ко мне, развязывает, а руки у него детские, лицо ребёнка. Ну, думаю, точно не человек и спрашиваю: «Ты кто?» А он отвечает: «Я – Крылёнок, Крылов Коля, а ты лежи, сейчас поедем». Срубил берёзку, перекатил меня на неё, привязал ремнями, сел сверху на меня и свистнул. Помчались, только кустики мелькают.

Доехали до дома, вышли два мужика, подхватили меня, дотащили до чурок, сбили кандалы с ног и с рук, занесли в баню. Мыли, парили и вынесли в другую комнату, положили на нары. Пришёл пацан, лет десяти, и ему один из мужиков говорит: «Крылёнок, ты где его нашёл?»

А он отвечает: «Да я уж мимо проходил, смотрю, одна голова торчит, а на ней ворон сидит, ну я думал кочка, а он и мотнул головой. Я ему: «Ты чё здесь нашёл?» А он глаза свои выкатил: «Ты леший?» Я засмеялся и говорю: «Потерпи, не умирай вперёд смерти, ещё успеешь». Возжи то я оставил возле собак, пошёл, размотал и вернулся к нему, а он уж подышать

приготовился. Сделал я удавку под руки, и собаки его вытащили».

Хохочут, а я плачу лежу, сил нет этого пацана поблагодарить или обнять. А пацан и говорит: «Уделал ты всю мою шубейку. И чего бежите то осенью, то весной, в слякоть и мороз. Сколько вашего брата потонуло в болотах, а сколь помёрзло. А зимой зачем бежите, чего ищете в лесу? Ведь здесь на тысячу вёрст никого нет, а вы несётесь сломя голову. Вот тятя Арон всю жизнь вас таскал, ну ладно политические бегут, а воры и разбойники чего носятся?»

Заходит старик, красивый, волосы волнистые, с бородой и усами, приятный на вид. Начал меня щупать: руки, голову, глаза, уши, шею, грудь и ноги. Сказал: «Хорош, пусть спит».

Рассказывал Ибрагим про своего отца, а Анна Николаевна вспоминала, что дедушкины друзья говорили про всё это нам.

Послесловие

Аронов Николай Константинович (Крылёнок) умер в мае 1947 года. Сначала был похоронен возле деревни Рогова, а после затопления перезахоронили на общее Усть-Удинское кладбище.

Этот рассказ был написан по воспоминаниям Галины Спиридоновны Гарбаковой, дочери Анны Николаевны Ароновой (маленькой) и Спиридона Филипповича Попова.

От себя я могу одно сказать, что род Ароновых продолжается в детях, внуках и правнуках.

Нина Локтева (Вологжина)

г. Усть-Кут

Прощание

Рассказ

Метеор белоснежной диковинной не то птицей, не то рыбой стремительно скользил по голубой глади Ангары. Мимо проплывали «лысые» после вырубки сопки, кое-где поросшие кустарником и молодым березняком. На редких лужайках высились копёшки сена, по берегам, как кости гигантских животных, выбеленные солнцем и водой, стволы деревьев, намытых ещё в первые годы затопления. Остались позади Карахун и Прибойный. Метеор приткнулся на пару минут к металлическому понтону пристани Чистого и отчалил, прихватив разномастную и разноголосую толпу пассажиров с сумками, ведрами, мешками. В салоне запахло копчёной рыбой, черемшой и ещё чем-то неуловимо знакомым, но подзабытым. Не признав никого среди чистинских, Наталья поднялась на палубный пролёт между салонами. Там весело болтали и без всякого стеснения курили две девчухи и парень.

«Наверное, поступать едут, свиристелки, ишь, вырвались от папы-мамы, волю почуяли», – беззлобно подумала Наталья, покрепче повязываясь платком от упругого встречного ветра, и впилась глазами в проплывающую береговую зелень, угадывая знакомые и памятные места.

Миновали плотбище – это здесь они с Николаем косили сено первые года, когда переехали из Черепя-

ново. А потом леспромхоз занял его под разделку древесины. Здесь же вязали плоты для молевого сплава. Теперь часть плотбища под водой, а леспромхоз развалился в 1991-ом, и напоминают о нём лишь бесхозные и полусгнившие от времени пачки ассортимента, бурыми пятнами темнеющие среди зелени.

А вот тут где-то был остров Буян. Островов по Ангаре было много. Наталья стала припоминать: Пьяный, Козий... Всех сразу и не вспомнить.... А Буян особенный был: течение возле него коварством славилось – без сноровки отчалить, причалить к острову не всякий мог, но и черемши там росло – хоть литовкой коси. Все ближние деревни запасались ею на долгую зиму – прибериху. В июне остров звенел весёлым бабьим многоголосьем: то было слышно, как переговариваются горластые денисовские бабы и девки, то где-то затевалась тихая песня – это так и знай, распутинские певуны. А если оставались с ночёвкой, то вечером у костра такие вокальные баталии разыгрывались, что теперешние телевизионные концерты ни в какое сравнение не идут. Не успеет одна песня отзвучать, а уже другая заводится, и трудно сказать, кто лучше поёт – пушминские, подволоченские или распутинские. Денисовские отличались тем, что знали несметное количество скабрёзных частушек и залихватски пели их, отплясывая под прихваченную кем-то балалайку.

Нет теперь ни Пушмино, ни Распутино, ни Кожевниково, ни Горячкино. А ведь каждые пять-шесть километров по ту или эту сторону Ангары жила деревенька со своими заметинами, укладом и даже говором: низовские прицвинькивали как синички: «Цегу-

нок, Ниночка, спицки», денисовские вместо «л» выговаривали «в»: «пошва, упава, бежава, пвачит...» Почему-то горячинские считались хвастунами, кожевниковские – спесивцами, а денисовских за глаза вообще называли придурками. У них ни один, даже престольной праздник, не обходился без драк да поножовщины. Может, и было таких семьи две-три, а заметина – на всю деревню.

Не одну сотню лет жили в деревнях люди. Радовались, печалились, маялись, любили, рожали детей, работали, отвоёвывая у тайги землю под пашню, в войну получали похоронки и голосили от неизбежного горя... И вот нет ничего. Всё стало дном Братского моря, как братской могилой памяти той жизни и тех лет. А у Буяна в первый год затопления перевернулась лодка с ребятами-экспедишниками и 16-летним красавцем Ильюшкой, сыном местного кузнеца Николая Степановича.

В сердце шевельнулась застарелая боль. В памяти всплыло белокурое безусое лицо Ильюшки в обрамлении кумачовой домовины, безголосый плач его матери тётки Пелагеи, понурившаяся деревенская толпа, где стояла и она с Мишей на руках, и молча оплакивала гибель парнишки. Разве могла она тогда ведать, что через шесть лет Ангара заберёт и её кровиночку, её первого сыночка, и даже могилки не будет, куда могла б прийти поплакать и помянуть... Не нашли его, видно течением унесло, а может в деревьях запутался. Ещё не один год торчали из воды макушки елей.

От тяжёлых воспоминаний сердце заныло, и Наталья поспешила к своим сумкам за сердечными капля-

ми. Усилием воли заставила себя думать о том, что скоро Подволочное, что надо бы сумки перенести поближе к выходу. Самые памятные и хлопотные годы жизни прошли в этой деревушке, где рожала и поднимала детей, и где не была уже лет десять. Девятнадцатый год живут они на севере, в Усть-Куте. Ребят надо было учить, а в Подволочной – лишь восьмилетка.

Из-за мыса показались первые домишки. От волнения сердце у Натальи ходуном заходило в груди. Как часто снилась ей эта неказистая деревенька. Казалось бы, что жалеть, ведь только работу да заботу знала здесь, да разве без этого девятых поднимешь.

– Господи... Как душа стосковалась, – прошептала Наталья, пристально взглядываясь в наплывающий берег и пытаясь отыскать на самой верхней улице свой дом. Он так часто снился, особенно последний год, когда дочка, переехавшая с семьёй в деревню, написала, что новая хозяйка дома померла, а хозяйина дочь забрала к себе в Усть-Уду, и дом теперь пустует. Проснётся, а сон о бесхозном доме укором душу саднит. Ведь его ещё дед Николая ставил. Три переезда выдержал: с Илима в Шайдорово, а оттуда в старое Подволочное, а через год, из-за затопления, на новое место, на гору. Ему не меньше полтора года лет, всегда в нём было шумно и многолюдно, всегда звенел ребячьими голосами, а теперь заброшен....

Метеор стремительно причалил к пристани, на которой былолюдно и всё больше – подростки и молодёжь. Пока колготилась с сумками, было некогда разглядывать: сходили с метеора и заходили на посадку почти одновременно.

Люба Воронцова окликнула её, когда уже разминулись:

– Наташа, это ты чо ли, тебя чо так перевернуло, еле признала?! А я вот у Саньки гостила, на могилке у Гены побывала. Я теперь с дочкой Зойкой живу в Усолье, – кричала она через шум и суматоху, – а Гоша-то мой помер в позапрошлом году. Знать бы, что ты приедешь, я б осталась, хоть поговорили бы. Как живёте-то, как ребятишки, Николай? Ох ты, батюшки, – сокрушалась она.

Но метеор уже отчалил, слов было не разобрать и оставалось только прощально махать рукой, пока метеор не скрылся за мысом. Провожающие разбрелись, Наталья присела на скамейку передохнуть от волнения да обдумать, как ловчее приладить сумки, дочка-то на самой верхней улице живёт, выше их старого дома.

«Да, годы никого не красят, – вернулась Наталья мыслями к встрече с Любой, – уж побелела вся, а голос всё такой же озорной. Почертомелили мы с ней на сплаве. День баланы накатаешься по пояс в воде, думаешь, дай Бог сил до подушки добраться, а Любка, вот заводная, кажется, никакая работа её не уломает, уже заводит:

Девочки – беляночки,
пойдёмте на поляночки,
Скоро бабы будете,
поляночки забудете.

И ведь расшевелит, раззадорит всех, и первая – в круг, только чирки мелькают на ладных, крепких ногах, лихо отплясывает под балалайку, а частушки одна

другой забористой. Бывалые мужики от смущения только покрякивают. В молодости всё нипочём: ни нужда, ни холод, ни тяжёлая работа; верится, что завтра обязательно будет лучше, и что где-то рядом твоё счастье».

Своё счастье, своего Николая, встретила Наталья в мае пятидесятого. Невысокий, ладный, а глаза голубые, как небушко. В вечер познакомились на посиделках у Нюрки, а на другой – замуж позвал, и она, как в омут с головой, согласилась, да в тот же вечер ушла с ним в его деревню на правом берегу Ангары.

«Ох, полютовала мама, когда, сразу после ледохода, приплыли с Николаем на мировую. Но сдюжил, не из робкого десятка: два года фронта, а после служба – почитай семь лет казённую кашу ел, всякое повидал – стерпел тещину атаку.

– Ты, – говорит, – прости меня, мать, если что не так, а Наталья мне твоя по душе. Сладкой жизни не обещаю, но пальцем не трону и никому в обиду не дам.

И правда, сдержал слово, за сорок два года щелчка не дал, а если что не по его – замолчит и всё тут, кажется, умри – он молчать будет. Вот и гадай, чем не угодила? Поначалу тяжело было, а потом свыклась: молчишь, ну и молчи на здоровье. Да правду сказать – не часто такое случалось. Характер такой у него. Его понять можно: в четыре года остался без матери, мачеха обижала, и по чужим людям наскитался...»

Воспоминания Натальи прервало тарыхтение подъезжающего мотоцикла, пригляделась – зять Юра. Юра легко взбежал по мосткам:

– Мама, ты почему не сообщила, мы бы встретили? Хорошо, что Санька-фунфырик сказал.

– А чего сообщать-то, чай не в чужую деревню приехала. Ну, здоровенько, как вы тут живёте-можете? – спросила Наталья, обнимая зятя.

– Да всё нормально, мама. Вчера с рыбалки приехал, а сегодня коптим. Завтра, наверное, на пожар погонят. Илим горит, того и гляди, к нам пожар придёт, – рассказывал Юра, ловко укладывая сумки в коляску мотоцикла.

По разбитой дороге мотоцикл нещадно трясло и за грудиной заныло так, что у Натальи не стало сил смотреть по сторонам. Последнее время эта неожиданно возникающая боль наводила на тревожные мысли, и она уже не пыталась их отгонять ... Юра миновал последний ряд домов, свернул вправо и остановился у нового, из бруса, двухквартирного дома – последнее детище развалившегося леспромхоза. Навстречу из калитки выбежала Лена с ребятишками. Обнимая мать, дочь поразилась тому, как та сильно изменилась: худенькие как у подростка плечики, нездоровая бледность.

– Мама, ты как всегда с сумками да узлами. Нам ничего не надо, что ты себе руки рвёшь, мы с голоду не умираем и голые не ходим, – выговаривала Лена матери, скрывая за ворчанием тревогу.

Наталья вымученно улыбнулась и, на ослабевших от боли ногах, направилась к дому:

– Доча, ты мне чайку горяченького принеси, я здесь на крылечке маленько передохну.

К ней подсели внучата: смышленная трёхлетняя Лика и двухгодовалый вихрастый Николка. Наталья обняла внучат:

– Вот вы какие большие выросли, а я вам гостинцы привезла. Мать, ты где потерялась? Открывай красную сумку....

Потом пили чай, вели обычные для встречи разговоры и расспросы. Под вечер пришли братья: степенный, немногословный Михаил, балагур и пересмешник Никон, бывало, где он – там хохот, а если кому прозвище даст, знай, приклеится на всю жизнь. Чуть позже пришёл старший брат Николай. Высокий, худощавый, загорелый... Наталья отметила про себя, как постарели братья с последней встречи. Четыре года назад они все собирались в Усть-Куте на похороны матери Матрёны Ефимовны. В глазах братьев Наталья читала тревогу и немой вопрос, но Николай со свойственной ему прямоотой спросил:

– И давно с тобой такое? У врачей обследовалась?

– Не мучай меня, братка, вопросами! Да мне так даже легче. Привыкли меня полной видеть, вот вам и непривычно. Я и девчонкам своим сказала, чтоб отступились. Сколько Бог веку отмерил, столько и проживу, а помирать надо дома, а не в больницах. Ну, всё об этом, лучше расскажите, как живёте, как ребята ваши?

Разговаривали долго и обстоятельно, прощаясь, братья пригласили сестру в гости, но Николай осадил младших:

– Так, завтра чтоб была у меня, к вам она ещё успеет, а я через два дня уйду на Илим, когда вернусь – точно не знаю!

И, как всегда, никто ему не возразил. Так уж повелось с детства, с тех пор, когда в тридцать восьмом репрессировали отца Трофима Иннокентьевича, а в сороковом умер старший брат Иннокентий, и пятнадцатилетний Николай остался в доме за мужчину. Наталья, глядя вслед братьям, подумала: «Вот всю жизнь такой колючий, скажет, как отрубит, но если в деревне промеж кого несправедливость случалась, шли к Трофимычу, знали – рассудит по совести».

В сумерках пришла Дуся Петрова, с которой семнадцать лет прожили в соседях. За эти годы, что не виделись, Дуся мало изменилась: всё такая же сухощавая, прямая, правда, серебра в волосах прибавилось, но лицом свежая и какая-то непривычно спокойная и уверенная. Такой Наталья соседку не знала. Дуся искренне радовалась встрече, обнимая Наталью, честила:

– Весь вечер порываюсь к тебе прибежать, так разве с моими внуками да хозяйством скоро управиться! Пойдём ко мне, я тебя молоком напою, раньше ты меня потчевала, а теперь вы – городские, не до коров вам. А я держу коровёнку. Володя помер, так мне ребята с сенокосом помогают.

Огородами, подсвечивая под ноги фонариком, пошли к Дусе. За много лет впервые они так откровенно рассказывали друг другу о своей жизни, о заботах, вспоминали прошлое.

– Знаешь, Наташа, когда помер муженёк-то мой, лежит в домовине, а я гляжу на него и – ни капли жалости в душе, только дышать легче стало. Он ещё последние года с Веркой путался, так и вовсе опостылел. Да я теперь только жить начала! Ребята меня слушаются, а девки обо мне заботятся.

Наталью совсем не удивила такая откровенность Дуси. Все годы соседства она видела несладкое её житьё. Жалела, сколько раз отправляла Николая утихомирить соседа, когда тот в очередной раз жестоко избивал жену за надуманные подозрения в измене. Про себя Наталья окрестила его фашистом, и его холеное красивое лицо вызывало у неё отвращение. Всю жизнь Дуся смотрела на белый свет сквозь пальцы мужа и свекрови по прозвищу Марфа-прокурорша, которая грязными сплетнями ославилась не одну девку в деревне. Как-то, в очередной раз, Володя избил жену так, что она с тех пор оглохла на одно ухо, и чтобы загладить свою вину, он впервые купил ей неслыханно щедрый подарок – сапоги. Дошла эта новость до Марфы, та закатила такой скандал, что вся деревня знала, как её сын балует невестку. А ведь Дуся и пары доброй обуви не сносила: весной и осенью – сапоги, зимой – валенки и вечная фуфайка, летом – дешёвенькие тапочки, а красивые черные косы всегда под платком. И даже так она выглядела опрятно и привлекательно. Долго ещё женщины расспрашивали друг друга о зятях, невестках, детях и внуках, вспоминали, сетовали, что так быстро прошли лучшие годы жизни. Наталья спохватилась первой:

– Евдокия, глянь-ка, скоро светать начнёт.

Провожая гостью, Дуся спросила:

– Ты к дому-то ходила?

Наталья посмотрела туда, где темнело строение её бывшего дома, раздумчиво ответила:

– Нет ещё! Может, сегодня соберусь. Ты, Дуся, беги, я уж тут одна дойду!

Лена, заслышав шаги матери, зажгла керосиновую лампу и вышла ей навстречу.

– Ты прости меня, доча, сама не сплю и тебе не даю отдыхать!

– Мама, что ты придумываешь какие-то извинения, сколько ты ночей не спала, дожидаясь нас с танцулек да свиданий? А ты столько лет здесь не была. Мама, я тебе в детской постелила, если что надо будет, зови.

– Иди, отдыхай, ничего мне не надо, только вот чаю в стаканчик налей, во рту всё время сохнет. Света во сколько дают?

– Утром с семи до десяти, в обед с двенадцати до часу, ну и вечером с семи до двенадцати, – пояснила дочь.

– Хоть так, и то ладно. И всё равно вам в Усть-Кут переезжать надо. Ну что тут за жизнь: ни работы, ни условий. Весной и осенью не приехать, не выехать, пока метеор не пойдёт или река не встанет.

На слова матери Лена грустно вздохнула:

– Я уже говорила Юре, но он пока молчит. Мы этой весной два месяца без электричества жили, горючего до ледохода не хватило, он вроде б настроился, а сейчас опять помалкивает....

Ребятишки сонно посапывали, но Наталье не спалось, в памяти прокручивался прожитый день, лица, голоса.

«Нет, на старости нельзя подолгу не встречаться, в таких встречах больше грусти, чем радости», – подытожила Наталья и, уже не надеясь заснуть, осторожно встала с постели, накинула на плечи кофту и вышла на улицу. Тьма рассеивалась, небо над кромкой леса посветлело, потянуло предутренней прохладой, где-то тренькала ночная пичуга, оповещая о близком рассвете. Под её незатейливое пение Наталья припомнила, как подростком ходила в ночное, как тихим ржанием переговаривались стреноженные лошади. «Ведь одна-одинёшенька, а страха не было, пошевелишь костёр, и сноп искр взметнётся в небо, а там звезды мигают, манят, а рядом пасутся самые добрые и, наверно, самые умные на земле животные. Как жаль, что ребята их только в кино да по телевизору видят».

Ветерок нанёс запах далёкого пожарища. Справа и слева от дороги стали видны строения, с одной стороны – Дом культуры, с другой – детский сад, построенные уже после отъезда Натальиной семьи из деревни. Ведь на лучшую жизнь надеялись, строились. Только кто тот умник, что придумал Дом Культуры ставить в конце деревни да рядом с кладбищем?

В доме послышались шаги и приглушённые голоса. Наталья пошла в дом:

– Не скрадывайте, всё равно не сплю.

– Ты не ложились что ли? – спросила дочь

– А ты, куда в такую рань поднялась? – вопросом на вопрос ответила мать.

– Так Юру на пожар собрать надо, может дня на три, а то и на неделю уедет.

В кухню зашёл зять:

– Мама, ты гости, отдыхай, не вздумай до моего возвращения уехать!

– Конечно, погощу, я так долго собиралась, мне всех повидать надо, другого раза не будет.

– Мама, не говори так! – запротестовали дети.

Но Наталья отмахнулась:

– Я же не вечная. Ладно, поезжай с Богом, – пере-крестила она Юру....

Лена растопила печь и принялась готовить завтрак.

– Мама, я тебе щуку из свежего улова пожарю.

– Ты, Лена, мне лучше солёную отвари.

– Мама, так она круто солёная, иначе в подвале не сохранить.

– А ты в неё рис или картошку добавь, вот она, лишняя соль-то, и уйдёт, – поучала Наталья дочь.

За завтраком Лена расспрашивала мать:

– Папа-то рыбачит?

– Рыба-а-а-чит! Каждую весну и осень до больших морозов по неделе, а то и больше в зимовье живёт. Морды да уды ставит. Он теперь морды из проволоки наловчился плести, да так ловко, что диву даюсь. Окуньки, ельцы, но всё больше налимы, а щука редко ловится. Да всё мелкая какая-то, здесь-то, бывало, по метру, а то и больше, попадала.

– Зато, мама, уха из налима самая вкусная. Помню, папа всегда старался малышей налимовой молокой

или икрой накормить. Кормит да приговаривает: «Ешь, зубы крепкие будут!»

– А ваш отец всегда самое лучшее ребятишкам оставлял. Здесь когда жили, бывало, приедет ночью с совещания из Аносово, сядет есть и обязательно спросит, все ли накормлены, как будто я вас могла голодными спать уложить. Ой, спасибо, доча, наелась от души! Наливай чай.

– Ну, ты и поела, мама, как цыплёнок, – огорчилась Лена.

– А мне теперь много не надо. Ладно, маленько полежу, да и по гостям пойду. Дуся браткина с Капой ждать будут.

– Мама, ты к дяде Никону будешь заходить? – спросила дочь.

– А чего я там забыла? Была бы жива Тамара, другое дело, а Анна – чужой мне человек. Вот ведь как бывает, доча, Никон терпеть не мог эту Анну Егоровну. Одно время Тамара истопником в школе работала, а он приходил помочь ей дров наколоть да к печам натаскать. Анна тогда ребятишек во вторую смену учила и без конца придиралась к Тамаре, то-то ей не ладно, да это не так. А Никон же у нас ещё тот пересмешник, вот в отместку и дал собачонке своей кличку «Анна Егоровна», – Наталья усмехнулась. – А судьба-то, видишь, как распорядилась? Да, характер у Анны ещё тот, она и мужика-то своего изводила ревностью да придирами, а если Володя подгулял, так и знай, неделю, а то и больше будет спать в кладовке – ни за что домой не пустит.

– А у неё, мама, и теперь характер не сахар. Девчонки дяди Никона её на дух не переносят. Они по началу-то, как отец с Анной сошлись, сильно скандалили, – начала рассказывать Лена, но мать перебила:

– Бог с ней, с Анной, нашли о чём говорить! Живут и ладно. Никону одному тяжело с хозяйством управляться, да и Анне одной не лучше. Володя-то её, однако, года за два до Тамары управился...

Когда Наталья отправилась по гостям, за ней увязались Лика и Николка. Всю дорогу они наперебой рассказывали свои ребячьи новости, но Наталья только рассеянно поддакивала, между тем отмечая, как захирела деревня за последние годы. «Никогда такого не было, чтобы дома закованные стояли или того хуже, с пустыми глазницами окон. А где же Панусин дом? Ох ты беда, видно на дрова раскатали», – сокрушалась Наталья.

На перекрёстке ей повстречались Валя и Зоя – Тамарины сёстры. Они не сразу признали её:

– Ну, навела фигуру, сзади пионерка, а спереди пенсионерка, – приговаривала улыбчивая Зоя, обнимая Наталью.

– Так время никого не красит, у тебя вон тоже зубов на одну кашу осталось, но Валя-то гла-адкая, – отшутилась Наталья.

– Гладкая, аж круглая как бочонок, куда-то прёт и прёт, – расхохоталась Валя. – Ты далеко отправилась? А то пойдём к нам!

– Нет, девки, в другой раз! Меня Дуся с Капой, наверно, заждались.

Распрощавшись с бывшими соседками, Наталья завернула на Лесную. За оградой, у дома старшего брата присела передохнуть на пристроенную к забору лавчонку. «Куда-то ребяташки убрели, пока я с бабами разговаривала, – размышляла Наталья, оглядывая улицу. – Ничего себе, какой забор Никон отгрохал, окошек почти не видно!» – удивилась она, разглядывая дом на противоположной стороне улицы.

В это время рядом загремела щеколда, калитка открылась и высунулась рыжая голова Лики:

– Баба, ты почему так долго, бабушка Дуся за тобой отправила.

– Ах вы, пострелята, уже здесь, а я вас тут жду! Ну, иду-иду!

В чистеньком, поросшим спорышом дворе, её дождалась невестка Дуся. Невысокая, ладненькая, в белоснежном платочке, приветливо улыбаясь, Дуся приговаривала:

– Ты где потерялась, мы ждём-ждём, уж Капа за тобой пошла.

– Да ты чо, я видно с ней разминулась, – огорчилась Наталья, – с её-то больной ногой в гору ходить!

Дуся успокоила Наталью:

– Слава Богу, потихоньку ходит, по дому и во дворе всё сама управляетя. Ты же знаешь, наши мужики бабью работу не работают!

Даже при беглом взгляде на Наталью Евдокия убедилась, как прав Николай, действительно дела у золовки со здоровьем плохи... Она – опытный медик, много лет проработавшая сельским фельдшером, поняла это с первого же взгляда...

– Проходи, проходи в дом, чего на солнцепёке-то париться!

В доме было прохладно, чистенько и вкусно пахло стряпнёй. Раньше, когда ещё жили в деревне, нечасто Наталья бывала в этом доме. Теплые отношения с невесткой как-то не сложились. С гонором Евдокия Максимовна была, но время всё расставило по своим местам. Несмотря на свою малограмотность, Наталья сумела вырастить и выучить такую ораву и, слава Богу, ни за одного из детей ей не стыдно перед людьми. Дуся, накрывая на стол, расспрашивала о детях, о жизни в городе, о муже. В сенцах послышались шаги, дверь отворилась и вошла Капитолина: голубоглазая, светлолицая, с лёгким румянцем на щеках и застенчивой улыбкой. Всю жизнь она проработала в школе. Много лет директором была, но никогда Наталья не знала в ней гордыни и заносчивости, и оттого уважала и любила жену среднего брата всем сердцем.

– Ты уж прости меня, что пришлось тебе по такой жаре в гору тащиться, пошто мы разминулись-то с тобой?

– Да я сама виновата, пошла задами. Ну, здравствуй, моя хорошая, как я рада видеть тебя! – Капитолина горячо расцеловала Наталью.

Потом пили чай. Чего только на столе не было: рыба соленая и копчёная, илимский хариус, домашняя тушенка, варенье прошлогоднее из малины, черники и смородины, творожок и сметана домашние. «Ешь – не хочу, да вот беда – не естся», – с грустью подумала Наталья.

За чаепитием неспешно разговаривали, расспрашивали друг друга о детях, о знакомых и вспоминали, вспоминали, пока Капитолина не заторопилась по своим хозяйским делам, взяв с Натальи обещание, что завтра та придет в гости к ней.

Потом Дуся показывала свой огород, где на грядках буйно зеленела всякая огородина: изумрудно-голубые перья лука, морковные косы, бордовые головки редиса выглядывали из земли, а на навозной гряде вольготно плелись огурцы и кабачки. Дуся повела Наталью в дальний угол огорода, где с гордостью показывала кусты садовой малины, смородины, жимолости и редкую для этих мест облепиху.

Наталья любовалась ухоженностью Дусиных владений:

– А у нас надо много сил положить, чтобы что-то вырастить: лето короче, земля – глина да камни, но всё равно без припаса не живём. По ягоду я не езжу, Николай с ребятами на Туруку, на Магань на машине уезжают с ночёвкой, у него там зимовьё. Места богатые: ягоды, грибы, орехи. Собирай, не ленись!

От дома послышался голос брата:

– Вы где там? Я уже весь двор обошёл – ни души, вот так приходите, люди добрые, берите, что приглянется, – ворчал брат, заходя в огород. – Ну, и чего ты её по жаре таскаешь, она, что твоих кустов не видела? Идите в дом!

– У тебя не спросила, что нам делать, – привычно возразила Дуся, – чего я буду дом закрывать, когда я дома.

– А мы, сколько лет здесь жили, у нас доброго замка, пожалуй, не было, – припомнила Наталья. – Всегда кто-нибудь дома, а если случалось, что все разбегутся и отлучиться надо – полешком дверь подопрёшь, знай, дома никого нет! Одно время Тоня-терёшиха наповадила у меня в зимовьюшке выпивку прятать. С магазина идёт, зайдёт в зимовьё, оно же рядом с калиткой, хлопнет стопарик, остаток припрячет, и, как ни в чём не бывало, топает домой. Дома-то Миша запросто бока наломает, если увидит. Я как-то раз утром корову пошла доить, а она из зимовья выплывает, я аж опешила: «Ты чо там у меня потеряла?» – спрашиваю. Ну, она мне и призналась.

– Что толку от того, что он её бил, она тогда выпивала и теперь мимо рта не проносит. И баба неплохая, работающая, а вот, поди ж ты, рассуди, – с сожалением подытожила Дуся.

Домой Наталья возвращалась под вечер, когда спала жара.

– Идётся, гулёна, всю деревню обошла или кого пропустила? – шутливым упрёком встретила мать Лена.

– Да я только у братки и побыла, пойду, полежу, чо-то устала я. А ребятишки прибежали? – спросила Наталья, заглядывая в комнаты.

– Да им что, целыми днями домой не загонишь, только поесть и прибегают. Мама, чай принести?

Лена принесла матери чай и поставила на столике возле кровати.

– Ну, ладно, отдыхай, я пойду в огород, надо огурцы полить да грядки прополоть.

- Иди, делай свои дела, а я попозже к дому пойду.
- Так давай, я с тобой схожу.
- Нет, доча, я одна схожу, мне так надо...
- Ну, как хочешь.

Лена ушла. Наталья слышала, как она гремела ведрами, как зазывала ребятишек домой поесть.

«А Дуся красиво старится, всё такая же ладная, и меня от души принимала...» Наталья вспомнила давнюю историю, когда брак старшего брата чуть не распался из-за приезжего метеоролога. Ничего там худого и не было, просто по-бабьи Дуся жалела его одинокого и неприкаянного. Метеостанция, где Дуся на пенсии подрабатывала, в том же доме была, где этот бедолага жил. То чего вареного ему принесет поесть, то бельишко состирнёт, а народ уж и рассла-а-авил. Ох, натворил бы беды тогда братка! Ведь с ружьём к нему побежал! Слава Богу, не оказалось этого мужика дома.

Наталья припомнила, как долго разговаривала она тогда с братом, и впервые он слушал её, как старшую и домой ушёл уже успокоенный. А мужчина тот вскоре руки на себя наложил, хорошо, что братка в тайге тогда был, а то злые языки невесть чего наплели бы. И чо в жизни у этого мужика такое было, каким ветром его к нам в глухомань занесло? Говорили, аж из Москвы! Никто теперь не расскажет.... Да, жизнь такая штука, иной раз так вывернет, что и нарочно не придумаешь....

Незаметно Наталья задремала. Она теперь часто испытывала неожиданную усталость, несколько раз за день могла задремать минут на десять-пятнадцать. Сквозь дремоту Наталья слышала, как с улицы при-

бежали Лика с Николкой, как дочка умывала их, побрякивая рукомойником, и о чём-то тихонько с ними разговаривала.

«Нет, сегодня я к дому не пойду, завтра уж настроюсь. А в огороде зелёнку насеяли. Да и правильно, чего земле пустовать! Теперь на сенокос не наездишься, горючее дорогое, да и где его взять... В добрый год мы по семьдесят кулей картошки с огорода брали, ещё и за гаражом садили. Себя монтылили и ребятишкам бездельничать не давали. А как иначе было жить: и семья, и животина во дворе – всем есть надо...»

Проснулась Наталья так же неожиданно, как и заснула, прислушалась – из прихожей доносились приглушённые голоса.

– Лена, там кто у нас? – окликнула она дочь.

– Ну вот, разбудили тебя, – огорчённо проговорила дочь, заходя в комнату. – Тут Люда Самарина пришла повидать тебя!

Вслед за Леной в комнату вошла Люда.

– Это что за дела?! Спать, что ли сюда приехала?! – круглолицая, сероглазая Людмила, озорно улыбаясь, крепко обняла и расцеловала Наталью.

– И как это ты надумала, тётя Наташа, а Зинча, что не приехала? В общем, так, сейчас пойдём ко мне, я буду тебя спрашивать, а ты мне всё-всё будешь рассказывать, и не отнекивайся – возражения не принимаются!

Людмила была подружкой старшей дочери Зины, с которой они дружили с детских лет. Вместе росли, взрослели, бегали на танцульки. Бывало, друг без

дружки к роднику по воду не ходили, в Усть-Уде в старших классах тоже вместе учились.

– А ты, Люда, чем старше, тем всё больше на мать походить стала. Как она здоровьем-то, не хворает?

– Ну, раз замуж вышла, значит, здорова! Молодуха она у нас теперь! – расхохоталась Люда.

– А ты всё такая же неугомонная! Ну, пойдём что ли, нищему собраться, только подпоясаться, – пошутила Наталья.

– Лена, ты мать не жди, я её не отпущу, пусть у меня ночует, а ты ребятшек уложи, да и прибегай почаёвничать, – по-хозяйски распорядилась Люда.

За оградой у Барахтенкиных на скамейке вечеряли сам Иван, его жена Феня и Нина Ковачиха. Поравнявшись с ними, Наталья громко поздоровалась.

– Эво цо, это надо же кого к нам занесло, а я тебя сразу-то не признал, – поднялся навстречу Иван.

Вслед за Иваном Наталью окружили женщины.

– Ты как это надумала? – приступили с расспросами бывшие односельчане.

Но Людмила осадила соседок:

– Митинг по поводу встречи предлагаю перенести ко мне домой, через двадцать минут жду вас, а пока тётю Наташу забираю. Возражения есть?! Возражений нет!

Люда жила в новом двухквартирном доме. Наталья, пока Люда ходила в предбанник за ключом, оглядела добротные постройки во дворе. «Видно, муж у Людмилки хозяйственный, всё по уму сделано», – пришла она к выводу. В доме тоже чувствовались заботливые руки хозяйки.

– Хорошо у тебя, дружок!

– Спасибо на добром слове, тётя Наташа. Ты мне про ваших девчонок расскажи, про Зину, как она? С четырьмя-то одной тяжело. Олегу сколько было, когда он разбился?

– Тридцать девять едва исполнилось, они же с Зиной одногодки, он её только на один день старше был. Подвыпьёт, бывало, и начинает доказывать, что он старший, а старших нужно слушаться. Зина всё отшучивалась, подумаешь, говорит, на одну пелёнку обмарал больше. Ой, чудик! Весёлый был человек и бесшабашный. Царствие ему Небесное! – перекрестилась Наталья. – А ребятишки подрастают. Оксана после педучилища отработывала в Харбатово, а сейчас дома, у нас в «Малышке» работает воспитателем. Галинка в одиннадцатый класс пойдет. Артему четырнадцатый доходит, а младшенькой Танюшке в августе одиннадцать будет. Все уже большенькие. Но как говорится: маленькие детки – маленькие бедки, а большие детки, сама знаешь... Они так-то у неё хорошие, грех жаловаться. Она сейчас в школу ушла работать. Ничо, нравится, только зарплату нерегулярно платят, теперь везде так...

Наталья помолчала...

– Конечно, она молодая ещё, с этих лет одной жить, век долгий покажется. Да сейчас выходить-то не за кого, что не мужик, то пьяница. Иван-то твой не загуливает?

– Ну-у-у, у нас сильно не разгуляешься. Хозяйство вести, не штанами трясти, да что я тётя Наташа рассказываю, тебе ли не знать!

В дверь постучали, и один за другим стали собираться гости. Первыми пришли Иван с Феней, потом Нина Ковачиха с Настей Мордовкой. Последней прибежала Дуся Петрова.

Люда проворно накрывала на стол, рассаживала гостей:

– Ну, гости любезные, праздник в честь приезда дорогой гостыи прошу считать открытым! Дядя Ваня, ты у нас тут один мужчина, командуй – наливай стопочки!

Иван, откупоривая бутылку с вином, поинтересовался:

– А твой-то Иван с зитьем на покос поехал, али как?

– Еды набрал на неделю, каждый день не накатаешься, ты же знаешь – с горючим совсем худо, – пояснила Люда.

Евдокия поднялась, держа стопочку в руке:

– Ну, бабоньки, выпьем за встречу, за нашу соседку Наталью, столько лет рядом прожито, всегда добрым словом тебя вспоминаю! Приди в ночь – полночь, свои дела бросишь, а в помощи не откажешь!

Дусю дружно поддержали остальные:

– Чо – правда, то – правда! Никто без чаю от неё не уходил, не отпустит!

– За столько лет ни с кем, ни разу не поругалась, это же какой характер, како терпенье надо! – вставил в бабий хор свой голос Иван.

У Натальи от добрых и искренних слов бывших односельчан зашипало в глазах:

– Спасибо, люди добрые, на добром слове! Я сначала сильно тосковала по вам, по деревне. Потом уж кое-как обвыклась...

Все дружно выпили и принялись за угощение, спрашивая гостью о житье-бытье, попутно рассказывая о себе. После первой стопки последовала вторая и третья. На душе у Натальи стало легко и весело, отступила, мучавшая её последнее время, тревога:

– Давайте, бабоньки, споём!

За столом хмельно зашумели:

– И правда, выпивка без песни – пьянка!

– У тебя девчонки-то хорошо-о-о поют! Летом, бывало, приедут на каникулы, каждый вечер концерт, – припомнила Дуся.

– Да как Зинча поёт, ей только певицей и надо было быть! – вставила Люда.

– Ну, запевай, тётя Наташа!

– «За окном черёмуха колышется, осыпая лепестки свои...», – затянула Наталья.

– «За рекой знакомый голос слышится, и поют всю ночь соловьи», – подхватили нестройно женщины.

К третьему куплету они распелись, и песня зазвучала слаженно, лица их посветлели, а глаза молодо заблестели. Иван участия в пении не принимал, лишь энергично покачивал в такт плешивой головой.

Потом пели «Рябинушку», «Напилася я пьяна». Уже отключили электричество, Люда зажгла лампу, затопила во дворе печь и подогрела чай. Гости хмельно расшумелись. Люда вспомнила, что где-то в кладовке пылится гармошка. Купили сыну, одно время он хотел учиться играть на ней, да охотка быстро про-

шла, и гармошка осталась не у дела. При виде гармошки женщины вовсе оживились, ноги просили пляски. «Музыкантов» кроме Натальи не нашлось. Когда-то, давным-давно, ещё в детстве, братья показали Наталье аккорды на басах. Но это было так давно. Братья-то все, кто на гармошке, кто на балалайке, кто на гитаре играть умеют.

Наталья поставила гармонь на колени и неумело запиликала: «Тума-тума-тума-та, тума-тума-тума-та...»

А бабёнки подхватились петь частушки про залётку, про соперницу, которую на мельницу и про многое другое, о чём коротко да складно можно сказать только в русской частушке. Про всё плохое забылось в этом веселье и на миг годы, словно, повернули вспять. Это был праздник души.

Наталья глядела на пляшущих подружек, и хотелось верить, что впереди ещё будут встречи, что Господь ещё подарит веку. Женщины поочерёдно исполняя частушки, от души топотили ногами, обутыми в тапочки. Только у Нины Ковачихи на ногах красовались туфли на низком каблуке. Знаток живописи, встретив эту молоджавую голубоглазую женщину, восхитился бы её потрясающему сходству с кустодиевскими красавицами, но старшее поколение, да и сама Нина ничего о Кустодиеве слыхом не слыхивала. Не было в их детстве и юности возможности получить хорошее образование, а была война, колоски, безотцовщина и многое такое, чего и врагу не пожелаешь.

Очередную частушку запела Настя Мордовка, и Наталья еле сдержала смех, потому что Настя так пе-

реврала текст, что ни склада, ни лада не получилось. Молоденькой девчонкой приехала она из далёкой Мордовии в Сибирь на заработки. Здесь вышла замуж, детей родила и вырастила, а хорошо по-русски говорить так и не выучилась, и из-за этого частенько попадала в курьёзные ситуации. Наталье припомнилось, как однажды Настин муж Володя, по прозвищу Парфён, в ветряную погоду поплыл на лодке на другой берег Ангары в посёлок вздымщиков и не вернулся ни вечером, ни на другой день утром – загулял. А Настя подумала худое, ходила по деревне и спрашивала всех:

– Ты моя Володька не видала? Хоть найти бы живого да похоронить!

И люди не знали, то ли сочувствовать бабе, то ли смеяться...

Короткая летняя ночь была на исходе, певуньи-плясуньи притомились, и веселье пошло на спад. Люда в очередной раз подогрела чай и позвала гостей к столу. Но Иван Барахтенко, забавно пришепётывая, стал отговариваться:

– Да ты цё, Люда, пора и цесть знать, ус скоро утро, пора по домам! И так нацудили, на год вспоминать хватит!

– И то правда, – поддержали Ивана женщины.

Гости разошлись. Люда, прибирала на столе:

– Помнишь – нет, тетя Наташа, Антон-то Барахтенкиных за вашей Любавой бегал? Она тогда продавцом работала в магазине. А Галя Медичка в это время к нам на практику в посёлок приехала. Так дядя Ваня прикинул муде к бороде и ну Антоху увещевать: «Нет,

сына, нам продавсыцу не надо! Вдруг недостаця, а у нас лисней коровы нету... Луцце медицку обхазывай!»

Наталья рассмеялась:

– Ну, вспомнила о чём! Да Любава его всерьёз и не воспринимала. У него ещё и говор как у отца, так она и вовсе подсмеивалась над ним. А Антон сошёлся с Галей, да и живут, и детей растят, и всё у них слава Богу. А Любава до сих пор одна. С Наташкиным отцом у них не сложилось. Так одна, наверно, и будет. Ну, ладно, дружок, умаялась ты нынче с нами. Спасибо тебе за всё большое, хоть собрала нас! Я душой отдохнула. Спасибо! Ну, давай уже укладываться.

Наталья стала прокручивать в памяти прожитый день и незаметно для себя заснула спокойным и крепким сном. Проснулась, а Люда уже хлопотала на кухне.

– Люда, ты чо из-за меня поднялась в такую рань? Мне не привыкать, а ты-то и трёх часов не поспала?

– Тетя Наташа, ты за меня не переживай, я днём подремлю, а сейчас мне коровёнку подоить надо было. Иди к столу. Чай парусит, молочко парное. Вот тебе полотенце свежее. Вода в умывальнике теплая.

– Ну-у-у! Ты меня, как какую-то барыню, балуешь! Я бы и холодной сполоснулась.

После чая Наталья заторопилась домой:

– Спасибо, дружок, тебе за всё, побегу я!

– Тётя Наташа, ты же погостишь? Я потом гостинцы соберу вам и Зине.

– Что ты придумываешь, какие гостинцы! – запротестовала Наталья.

– Не спорь со мной, тётя Наташа, я лучше знаю: надо – не надо, – категорично заявила Людмила, провозжая Наталью за калитку.

К дочери Наталья пошла задами, по дороге твёрдо решила: «Всё, сегодня пойду к дому, уж терпенья нет, чего тянуть-то...»

Днем несколько раз ненадолго прибежала Дуся, звала к себе, но Наталья отговорила:

– Чо ты будешь со мной валандаться?! У тебя дела-заботы. Это мне безделье, я птица вольная, одно слово – гостья!

День незаметно истаял. Жарко полыхало солнце на закате, обещая добрую погоду. Лена хлопотала по хозяйству, в комнату то и дело забегали ребятишки.

– Баба, ты спишь? – в очередной раз спрашивала Лика.

– Нет, дружок, не сплю.

– А что ты делаешь?

– Да так, ничего не делаю. Видно дела мои уже все кончились, – скорее самой себе ответила Наталья. В боку снова нестерпимо ныло: «Чо же Настя-то не пришла, она же у Любаши, когда на минутку одни остались, шепнула: – Тетя Наташа, я видеть, ты болеть, страх на тебя, а я помогать, ладить буду...»

И в сердце Натальи затеплилась по-детски наивная надежда: «Да, когда на краю-то стоишь, во что угодно поверишь...»

Но Настя не пришла, видно загуляла, с ней и раньше такое случалось...

– Доча, ты мне чайку в термосок приготовь, я сегодня к дому пойду.

– Ты если надолго, то прихвати тёплую кофту, ночью прохладно, – наставляла Лена.

– Да уж догадаюсь, наверно, сама, – ворчливо отозвалась мать.

Уже смеркалось, когда Наталья отправилась к своему когда-то дому:

– Мёжи-то барские! У нас никогда таких мёж не было, почти под самый забор запахивали. Чо траву-то разводить.

Наталья, казалось, думала об отвлечённых вещах, но чем ближе она подходила к дому, тем сильнее нарастало волнение. Обойдя дом с торца и через калитку в маленьком огорожке, где она, когда-то выращивала всякую мелочь и цветы, а теперь пыхали крапива и лебеда, она вошла в ограду. Дом за эти годы как-то скукожился, осел, а подслеповатые окна, казалось, смотрели на Наталью с укором. Она медленно подошла к крыльцу, погладила рукой шершавые и почерневшие от времени венцы:

– Ну, здравствуй, вот пришла попрощаться с тобой! Я сносилась – не спросилась и ты тоже состарился.

Поднявшись по скрипучим ступенькам крыльца, подёргала замок:

– Никогда не водилось у нас замков, всегда в доме кто-нибудь был!

Наталья присела на верхней ступеньке, поставила в сторонке термос с чаем:

– Хотела я в последний раз поночевать у тебя, так Лена сказала, что сын хозяйский на Илеме сено косит,

а невестка про ключ не знает. Да, наверно, не захотели дать, вот и весь сказ.

Наталья разговаривала с домом, как с живым существом. В стёклах окон отражались всполохи вечерней зорьки. В доме на противоположной стороне улицы было также темно и пусто, и там тоже никто не жил. А когда-то в нём жила Рита-удмуртка. Бойкая бабенка, работавшая продавцом в поселковом магазине.

– Да, устроила мне удмуртка «весёлую жизнь»! Всякое за жизнь случилось, а эта обида на Николая неизносимая! Не знаю, как он мог так со мной! Я по всей ночи волчицей выла... Десять лет растить ребёнка, а потом в одночасье потерять ... А он взялся кобелятиться, ещё и выговаривал, что плачем спать ему мешаю...

Давно уж, казалось бы, всё пережито, но от воспоминаний у Натальи к горлу подкатил ком и на глаза навернулись слёзы. Она налила из термоса чай в кружку и сделала несколько глотков. Где-то у реки начали перекличку первые петухи, а Наталья сидела и вспоминала свою хлопотную, полную забот и тревог жизнь. Перед внутренним взором оживали картины прошлого: жаркий июльский день, она с Кланей-дурочкой, так прозвали в деревне больную дочь бабы Мани, тащит железную печку в гору, на новое место, куда уже перевезли и поставили дом.

– Только год и прожили, как переехали из Черепаново, и на тебе, затопление, ГЭС Братскую строят, опять переезд. А Николай стопу поставил, спасибо, братья помогли, и укатил на учёбу на курсы. Как хо-

чешь, так и выкручивайся; бутор весь на себе перетаскивала! Один раз ребятишек под столами спать укладывала, крыши-то ещё не было, только стропила стояли, а тут ливень как из ведра и с потолка вода ручьями. Если всё, что я своими руками да на хребте перетаскала, сложить в одну кучу, ни один вагон понадобился бы! А как ребятишек рожала... только четверых в больнице, а остальных дома. Галину рожала, а дома только четырёхлетний Миша и двухгодовалый Володя. А Николай как на грех с Зиной и Любой в клуб в кино ушли! И смех, и беда! У меня схватки, на коленках от боли ползаю, а Володя решил, что я с ним как отец в «коняшки» играю, на спину пытается сесть. Коля, когда пришёл, я уже ей пуповину перевязала. А Мишка дверь им открыл, кричит:

– Папа, папа, мама Имю родила!

Ободрало тогда Николая, растерялся, чо делать не знает! Говорю: «Беги к маме, да воды греть поставь побольше!» Вот так! А с Николаем со схватками огород доборанивала, даже братка пришёл и отругал Николая. А чо ругать? Где могла, подставляла своё плечо, работы-то невпроворот было: и огород, и сенокос, и скотину обиходить. А сколько бессонных ночей с ребятишками?! Сколько раз за них душа в пятки уходила, один Бог знает. Столько сил положено, чтобы их сберечь да уму-разуму научить! Вот только Мишеньку не уберегла... А за ребят моих мне ни за одного не стыдно. Дай Бог всем таких детей!

Наталья говорила вслух, словно вела беседу с невидимым собеседником. Ночная тьма сгустилась, завели переключку вторые петухи.

– Хорошо поют, холера их возьми! У нас-то в городе мало кто кур держит, хлопотно...

Где-то вдалеке затренькала ночная пичуга, на нижней улице затыкала собака, ей отозвалась другая.

– Видно молодёжь бродит, да молодых-то раз-два и обчёлся. Совсем запустела деревня. А сколько народу жило?! Около сотни дворов только частных насчитывалось. Люди на заработки приезжали. Двухквартирные дома строили и всё равно жилья не хватало. А теперь живи – не хочу! Дома пустые, какие на дрова пустили. Вот беда-то! И что у нас за страна такая?! Ребят жалко, в городе и то работы путём нету, зарплату как попало платят, чо уж про деревню говорить?

Наталья снова мысленно вернулась к истории с Ритой-удмурткой:

– Чуяла кошка, чьё мясо съела... Даже к роднику по воду одна ходить боялась. А мужик-то её так себе, рохля...идёт рядом, как телок. Охранял чо ли вертикастку? Она чо думала, я об неё руки марать буду?! Уж чего-чего, а на такое-то много чести, так себя унижать! Но отча-а-аянная! Как она тогда на Николая! И я недалёко, и муженёк её тут...Чо она Николаю говорила, не знаю, только он ей отрезал:

– Виноватые молчат!

И меня дождался, и рядом пошёл. Говорят, обижал ейный мужик парнишку-то, он же вылитый Николай... Помню, как рассказали, так жалко мне пацана стало, говорю: «Коля, может, они его нам отдадут?» Так он меня душой обругал...Нет, у мужиков по-другому душа устроена. Это чо получается? Парню-то сейчас двадцать семь лет, у него с Леной моей только

месяц разница. Живой если, так, наверно, семья у него есть...

Ночь таяла, а Наталья вела сама с собой нескончаемый разговор, то плакала, то улыбалась в темноту. Вспоминала несладкую молодость, голодное сиротское детство. Припомнилось, как в голодном сорок первом, несколько вечеров подряд ложились спать не евши, а что было, тем кормили самых маленьких. В один из таких вечеров Наталья, таясь, горько плакала от жалости к себе, к маленьким братьям, что полуголодные скулили во сне. И ей хотелось умереть, ведь тогда всё это закончится, не будет ничего: ни рези и коликов в пустом желудке, ни плачущих малышей, ни исхудавшей и почерневшей лицом матери... В ту ночь ей приснился чудный сон: маленькая беленькая старушка гладила её ласково по руке и приговаривала журчащим как ручеек голосом:

– Ты, деточка, иди на дальнее поле, там твоё спасение...

Лукаше тогда десятый год шёл, мне двенадцатый, везде мы с ним в тот год вместе, во всём за старших. Кеши, старшего брата уже не было в живых, за неделю сгорел от двухстороннего воспаления легких, а братку Колю в ФЗО забрали... Проснулась, а сон, как явь! Поле-то это я знаю, там по осени снопы стояли... Затемно собрались, по насту долго шли к этому полю. Лукаша всё ложился на снег, отдыхал, силёнок-то нету, но ничо, добрались, слава Богу. Где снопы осенью стояли, там зерно поосыпалось. Развели костерок, стали мы снег таять на жестяночке, а там пшеничка.

Какая же она вкусная была! Только Лукашу уговаривала не есть много, что худо может быть.

Много чего всякого потом приходилось в жизни есть, но, кажется, ничо вкуснее той пшенички уже и не едала. Мы тогда, однако, килограмма три натаяли. Какой же праздник был в доме вечером, когда наварили кашу, а мама раздобыла где-то стакан молока и забелила им варево! Потом как-то худо-бедно всё помаленьку наладилось. А старушку, её лицо и голос до сих пор помню.

Видно, Господь сжалился над нами и ниспослал в помощь эту святую, знать бы, кто она? А когда мама в тифу была, увезли её в конце зимы в Усть-Уду, думали, не выживет. А она оклемалась, с первым парходом приплыла...

Высыпали мы на берег встречать мать, а она худая, голова стриженная и мы не лучше; на крапиве да мучной болтушке еле держались. А Сусанка без мамы померла... Господи, как же тяжело порой было! Тятю в тридцать восьмом забрали, и нас добрые люди кликали «Матрёнины ребята». Как будто не было у нас никогда отца... А как нас с Лукашей и другими подростками в сорок третьем увезли зимой на крытой бортовушке на лесоповал? Ночью, чтобы дорогу не запомнили, да не сбежали. А бежать было от чего! Спали под открытым небом. Утром кострище разведёшь, чурки подлиннее да потолще навалишь, чтобы весь день шаяли, кипятку пустого пошвыркаешь и на деляну – трелевать лес. Целый день по пояс в снегу. А трелевали-то на лошадях. Животина не выдерживала, падала... А мы как-то дюжили. Вечером пайку мерз-

лого хлеба получишь и под мышку его. По крошечке отгрызаешь и вместо конфеты мусолишь во рту. Угли в кострище разгребёшь, пихтового лапника побольше накидаешь – вот тебе и «перина». В чём день ходил, в том и спать свалишься. А Лукаше тогда чуть карачун не пришёл. Простуда чирьями по всему телу вылезла, совсем ослаб... Скопила я три пайки хлеба да за них с одним дядечкой-шофёром договорилась, чтобы он тайком Лукашу-то вывез. Спрятали его у стоек под хлыстами, лапником прикрыли... Двое суток в страхе прожила, пока тот дядька снова рейсом не вернулся, да не успокоил, что всё обошлось. Хлебнули мурцовки по самое горло. И всё равно, спасибо тебе, Господи за всё! За все отпущенные годы, за детей моих и внуков, за все вёсны и зорьки, за все маленькие и большие радости. Вон уж сколько у меня внуков... А Татьяна Ванюшка меня, конечно, не запомнит, маленький совсем. Только лежит на сердце тяжёлым грузом эта беда, что приключилась с Володиным сынишкой Денисом... Ну, где же за всеми ими углядишь? Упал, ударился головкой, а теперь ручка плёточкой висит. Дня не было, чтобы я забыла об этом. Сердце саднит и саднит, ну разве я виновата?! Может и болячка моя от этого приключилась.

Рассветало... Уже отголосили третьи петухи. Наталья растерла затёкшие от долгого сидения ноги, прихватив термос, медленно спустилась с крыльца:

– Ну, вот, повидалась с тобой, и на душе легче стало!

Наталья широко перекрестилась и низко в пояс поклонилась ДОМУ. Возвращалась она тем же путём,

каким пришла. Над кромкой леса небо окрасилось малиновыми всполохами. На земле занимался новый день, неся людям новые заботы и радости, тревоги и надежды. Кого-то сегодня солнце в последний раз обласкает прощальным теплом, а для кого-то это будет первый день жизни на прекрасной планете Земля. Будут жить в трудах и заботах совестливые и дружные Натальины дети, расти внуки, родятся правнуки, но ей уже не суждено их увидеть. И только частичка её души, и благодарная память о ней будет жить в их сердцах...

PS. Мама ушла из жизни тем же годом, 17 сентября, в возрасте 65 лет. В моём рассказе о маме нет ни слова вымысла... Многие события, о которых я знаю от мамы и бабушки, остались «за кадром» из-за скудности моего языка и неумения рассказать о них живо и интересно. Рассказать так, как заслуживает того моя незабвенная мама, перед которой я в неоплатном долгу до конца дней моих.

2022 год

Мария Луковникова

с. Новая Уда

Лес – сокровище, вверенное

благоразумию человека

Рассказ

Лес!.. Как много таится в этом коротеньком слове!
Лес – это деревья, кусты, ягоды, грибы, птицы, звери.

Особенно красив лес весной, когда начинают распускаться, зеленеть молодые, блестящие и остропахнущие листочки. Разными голосами переговариваются птицы, довольные, что возвратились в родные места. Звери тоже радуются приходу весны. Они чаще стали появляться на полянах и опушках.

Мне повезло, что я живу в селе, которое со всех сторон окружено красивым, дремучим лесом. И я теперь уже не представляю себе жизнь без леса. Работая учителем начальных классов, я часто проводила уроки природоведения на природе, в лесу, так как всесторонне развитая личность не может быть воспитана в замкнутом кругу книжного обучения.

Урок в лесу – это так здорово! Я всегда вспоминаю эти необычные уроки, а когда вспоминаю, передо мной встаёт такая картина: «Раннее утро. Светло. Лес ошеломляет и захватывает своими красками, звуками, запахами. Берёзы и клёны на опушке покрыты первой зеленоватой дымкой. Под ногами начинают пробиваться первые растения разнотравья, кое-где видны подснежники. А над головой лазурный купол ласкового и по-весеннему безмятежного неба.

Всюду весенняя жизнь бьёт ключом. Звенят ручьи, просыпаются ежи, ящерицы, оживают муравейники, вылетают из своих укрытий первые бабочки-крапивницы.

Кажется, слышно, как лопаются набухшие почки на деревьях. Вот на молоденькую ель села хохлатая синичка. А вот пёстрый дятел усердно долбит кору. Выше, на ветках этого же дерева, мелькают чёрные, блестящие птицы. Это скворцы. Они ни минуты не

сидят на месте, а всё время перелетают с ветки на ветку и поют, поют, а их пение – это беззаботная болтовня, опьянённых от счастья, птиц. Весной, каких только звуков в лесу не услышишь: и кваканье лягушки и трель соловья. И это пение так дорого, потому что птицы весну на крыльях принесли. Они наши желанные гости!»

Такая кругом красота! Эту красоту леса и его сокровища, природа, по доброте или коварству, не спрятала под замок, а вверила это сокровище благоразумию человека. Единственное, что их может уберечь и даже приумножить – это сознание того, что все эти сокровища могут иссякнуть.

Однако в суете будничных дней, мы не задумываемся, что живём в идеальных условиях: чистый воздух, чистая ключевая вода, яркое солнце, еда, одежда – это всё, благодаря природе. Она всегда нам что-то даёт, даёт, окружает нас заботой, как самый любящий человек – мама. А, что мы даём ей в ответ? Чем платим ей за её заботу?

Каждый день Земля с её красотами поддаётся истреблению. Человек безжалостно «пожирает» её! Фабрики и заводы отравляют атмосферу, выпуская в воздух миллионы загрязняющих веществ. Реки, озёра, водоёмы стали жертвой выбросов ядовитых отходов. Да, что говорить, страшным примером стал Байкал! Байкал – жемчужина Сибири, превратился в животрепещущий пример человеческой халатности.

Страшно подумать, что однажды мы проснёмся и не увидим чудесной красоты природы, а увидим умопомрачительную картину: серое небо, на котором не

видно солнца, удушливый воздух и нет никаких растений, трав, цветов.

Пугающая картина, правда же? Почему же мы уничтожаем свой родной дом? Задумайтесь о будущем, о том поколении, которое придёт на смену. Конечно, невозможно быстро изменить сознание людей, но, если каждый из нас изменит своё отношение к окружающей красоте, возможно, мы сумеем сохранить нашу кормилицу, матушку-природу. Нельзя жить с убеждением: «Зачем мне это – пусть экологи заботятся о природе».

Защитников природы не так много, но начать надо с себя! Сегодня и сейчас! Зарази примером – к тебе присоединятся и другие. Вместе можно не только «свернуть горы», но и красоту и жизнь природе вернуть!

И тогда лес всегда будет единственным открытым для всех источником благоденствий, а мы – рачительные, умелые, добрые, дальнзоркие хозяева. И такими хозяевами должны стать мы!

Николай Рупосов

п. Усть-Уда

Крутые перекаты. Родословная писателя

В. Распутина

Отрывки из книги

5. В первый класс

В 1944 Валентин Распутин пошел в первый класс, как он сам писал, «мы с Димкой потопали на нижний край деревни, где стояла школа»²⁸.

За парты сели не только аталанские ребята, но и вся округа: филипповские, криволицкие, ереминские, барановские. Дети войны! Как они бедно одевались: платьишки, нередко перешитые из простеньких выцветших тканюшек, а то и домотканые. Холщовые мешочки, перешитые из кулей, вместо сумок, на ногах – чулочки, а то и какие-нибудь обмотки. Головы многих девочек повязаны платочками, под которыми скрыты коротко подстриженные волосы. А какие попадались дикари и дикарочки: на вопросы учителей молчат, потупившись, то плачут, то пропускают уроки (представьте, если в иной семье одна пара валенок на взрослых, тут уж не до детей, не до учебы). О некоторых учителя догадывались, что голодают их семьи, не доедают, а иные детишки (хоть и росток с вершок) поработать успели – в няньках, подпасках. А о том, как у них проходила учеба, никто лучше не расскажет, чем сам В. Распутин: «Учились мы все вместе в одном большом классе. В первом ряду у окошек сидели мы,

первоклассники, во втором – второклассники, весь третий и полчетвертого ряда занимал третий класс, а на последних трех партах сидели четвероклассники.

За один урок в нашей школе можно было научиться чему хочешь. Когда мы, например, хором учили буквы из азбуки, во втором классе в это время шла арифметика, в третьем – родная речь, а в четвертом – история или география. В войну ребята баловались мало, а все равно одной учительнице с нами со всеми управиться было тяжело. Даст она, например, нам задание, а сама уйдет к третьему классу и читает им «Родную речь», а мы тоже слушаем. Только надо сделать вид, что не слушаешь, чтобы учительница к одному заданию не добавила другое, а самому слушать, и все. Зато, когда мы вслух учили буквы, с нами вместе их повторяли и в третьем, и в четвертом классе. Они сидят, пишут, а сами повторяют»²⁹.

Мы не знаем пока имени первой учительницы В. Распутина. Зато документы районо сохранили имена аталанских учителей, это: Т.П. Нечаева, Л.С. Голопорова, В.В. Драгунская, Е.В. Акимова, М.Ф. Лебедева, Г.И. Чертовских, А.М. Бичевина, Л.Б. Овсянникова, З.Ф. Поваренских.

Но учеба учебой, надо помогать матери по хозяйству, понимал Валентин, что он единственный в доме помощник – мужчина. Летом нравилось ему жить на покосе. Хоть и покусывала мошка, но как хорошо забрести куда-нибудь на бережок, да поудить рыбу. А в долгие зимние вечера, сделав уроки и выполнив задания по хозяйству, забраться на русскую печку, да открыть любимую книгу Л. Толстого на любимом рас-

сказе «Филиппок». Как время летит быстро, когда попадаете интересная книга! И пусть потом получишь нагоняй за сожженный керосин, книга согревает душу, будит мечты, делает мир интересным и увлекательным.

6. Первые послевоенные...

В тот майский день люди, как обычно, трудились на поле, готовили пашню под посевы. Взрослым помогали школьники. Еще издали увидели: бежит тетка Дарья Пинигина. Уж слишком торопится, думают, что-то случилось. Подбежав, тетка Дарья только и выдохнула: «Война кончилась, бабоньки». Что тут началось: плачут, обнимаются. Побежала ребятня в деревню, а среди них – друзья Дима и Валя.

Люди оделись, как на праздник, столы на улице повытаскивали. Поздравляют друг друга с Победой. Кто пел, а кто и плакал. Бабка Марья причитала о сыне³⁰, ее дочь Тина оплакивала мужа³¹, другая дочь Клавдия, хоть и навидалась на войне всякого, не сдержалась и тоже зарыдала, вспомнив своего возлюбленного Николая Воробьева³², которого тоже перемолол молох войны.

Кстати, Клавдия Никитична вскоре после Дня Победы уехала в Иркутск. Из всей своей родни она одной из первых переехала в город, и ее называли в деревне «городская». Личная жизнь у нее так и не сложилась, своих детей Бог ей не дал. Из всех своих племянников она больше всего любила Агу-Ангелину. Однажды прислала ей в подарок городскую шляпку,

так Ага чуть ли не спала в ней. Так в ней и сфотографировалась, когда пошла в школу. Этот снимок сохранился до наших дней.

На этом снимке запечатлен третьеклассник Валентин. Рядом с ним по обе руки друзья – Дима Слободчиков и Володя Медведев. Всего на фотографии 21 школьник и учительница Лидия Борисовна Овсянникова. Она приехала после окончания педучилища из Тулуна. Вела большую общественную работу, возглавляла колхозную комсомольскую организацию, писала в местную газету о делах молодежи, о лучших людях села. Вместе со школьниками помогали колхозу: хлеб складывать в телеги, чтобы везти на молотилки, подбирать каждый колосок, убирать овощи, картофель, пасти коров, лошадей в летние каникулы, складывать дрова и многое другое. И все это делалось детьми, у которых частенько было пусто в желудке.

«Иногда оставались ночевать в поле, чтобы не терять время на переход домой и обратно», – вспоминала свидетель тех лет Г.И. Слободчикова³³. Тем более в голодный 1947. Весной 1948 года «пришлось особенно туго, я глотал сам, и заставлял глотать сестренку глазки проросшей картошки и зерна овса, ржи...»³⁴, – писал Распутин впоследствии.

Свои коррективы вносила в жизнь людей природа: то вода выходила из берегов и затапливала низины и острова, и по сути дела, оставляла животных без кормов, а людей – без молока; то налетала буря, дул ветер такой силы, что сносил ветхие крыши домов и даже вырывал кресты на кладбищах; то засуха; то непрерывные дожди...

В неурожайный год любая заготовка шла впрок: грибы собрал, ягоду нарвал, ореха добыл, все запасалось на зиму. Пили березовый сок, знали, что полезен. Шла в пищу саранка, сосали пихтовую зелень, жевали серу. Но обмануть желудок не так просто. Праздники ребягня ждала как манну небесную. В пасху бежали на горку крашеные яйца катать, зимой ряжеными ходили, пели, плясали, славили хозяев и зарабатывали гостинцы.

Молодежь собиралась на окраине села в какой-нибудь избушке, устраивая вечерки с выпивкой; плясали под гармошку или балалайку до утра; освещали помещение камином, сделанным в уголке русской печи, где жгли смолевые мелкие дрова, а летом керосиновой лампой или даже лучиной, а то и просто без всякого света, в то время, как в районе, так и в Аталанке не было электричества. Конечно же, водили хороводы, пели песни, играли в самые разные игры.

Любимыми детскими играми были лапта, играли в нее и взрослые, и дети прямо на дороге. Своих любителей собирали «городки», «бабки», «третий лишний», «жгут поехал, жгут пошел...».

Ребята помладше подсматривали за какой-нибудь влюбленной парочкой, которая уходила или к Ангаре, или к соломенному стогу, который весь был изрыт ходами (здесь днем играла ребягня).

Валентин вместе со своими друзьями участвовал во всех мальчишеских проделках, но были у него и свои особенности: он больше, чем кто-либо проводил время в библиотеке, как он сам признавался, «перебрал там все книжки», любил слушать рассказы

пришлых людей и деревенские байки. При его огромной наблюдательности и феноменальной памяти это все фиксировалось, накапливалось и хранилось в сознании. Да и повезло ему с другом Димой. Такого рассказчика, изображающего действия в лицах, говорящего голосами разных людей, надо еще поискать. А как пропустишь рассказы фронтовиков?

В 1947 вернулись почти все мужики, кроме тех, кто навсегда остался на поле брани. С палочкой возвратился домой Иван Егорович Слободчиков, прославленный танкист, дошедший с боями до Берлина. А ему годков тогда было чуть больше 20. Казалось бы, ничто не держит его в родной деревне: семьи нет, невесты нет, документы на руках, а специальности механизатора и водителя требуются в любом городе. Забирался уже записаться на какую-нибудь стройку, да увидел ее: стройную, красивую, круглолицую, с толстой косой и большими глазами, в которые хочется смотреть и смотреть. Раньше бы на нее не посмотрел – мелюзга. А теперь такой цветок нельзя не заметить. Прихрамывающую фигуру теперь можно было все чаще видеть на краю деревни, где жила девушка Галя.

В это время произошло громадное событие в жизни деревни. Колхоз получил машину – «полуторку» – первую и единственную на многие километры вокруг. За баранку предложили сесть Ивану Егоровичу. А вскоре подоспела свадьба с той самой девушкой Галей.

Когда все это происходило, Валентин ходил уже в четвертый класс и, конечно же, успел, как и вся ребятня, прокатиться на колхозной машине. Именно на

этой машине и с этим водителем накануне 1 сентября 1948 года В. Распутин поедет поступать в 5-й класс, в старую Усть-Уду.

7. Поездка в Усть-Уду

Но вернемся в 1947 год, когда отец Валентина был заключен под стражу, осужден и отправлен в места заключения. Нина Ивановна осталась с тремя детьми. Той зарплаты, какую она получала, никуда не хватало. Ее и раньше-то судьба никогда не баловала: рано лишилась родителей, пришлось, чтобы не умереть с голоду, уйти из родных мест, взяв с собой младшую сестру. Чтобы как-то прокормить ее и себя, готова была выполнять самую черную работу батрачки за кусок хлеба.

Замужество принесло новые испытания: ранняя смерть детей, тревога за здоровье сына Валентина, переезд из Усть-Уды в Аталанку, работа по хозяйству под руководством властной свекрови, долгая разлука с мужем во время войны, и вот новая разлука... Опять она наедине со своими проблемами, нуждами и заботами.

И, конечно, с детьми. Младшенькому тогда только год исполнился. Ага-Ангелина нынче в третий класс пойдет, а вот как быть со старшим? Все: и родня, и старики, и братья советуют: «Учи парня. Башковитый он у тебя». Но решать ей, матери.

Десятилетка находилась в Усть-Уде – это в 50 километрах от Аталанки. Ножками туда не набегаешься. Надо, чтобы сын там жил. А у кого? У чужих? Надо

тогда платить. А чем платить, если на столе шаром покати, картошка и та – по счету.

Год выдался неурожайный, голодный. Есть, правда, в Усть-Уде знакомая, да вот согласится ли? У самой трое ребятишек, забот полон рот, без мужа, а тут еще квартирант малолетний... Ладно, до 1 сентября еще далеко. «Съезжу, узнаю, как и что», – решила про себя Нина Ивановна.

Поездку она все откладывала, пока до 1 сентября времени почти не осталось. Отпросилась она у своего почтового начальства и поехала в Усть-Уду. «На своих харчах? – переспросила знакомая, когда разговор зашел о главном, ради чего приехала в район Нина Ивановна. – Пусть живет».

Казалось бы, надо радоваться. Вопрос с квартирой легко решился, но почему-то тревожно и беспокойно на душе, как будто она отрывает от сердца что-то самое дорогое.

8. Усть-Удинский Ломоносов

Пусть заголовок и звучит немного громко, но очень точно. Если бы измерить то расстояние, которое прошел пешком Распутин, пока учился в десятилетке в Усть-Уде, то этот путь оказался бы поболее, подлиннее, чем тот, который преодолел Ломоносов, двигаясь пешком из Холмогоров в Санкт-Петербург.

И еще хотелось бы назвать эту главу так потому, что оба они вышли из деревни, оба тянулись к знаниям, обоих Бог наградил щедро талантами, а главное – огромной настойчивостью, целеустремленностью,

любопытностью и любовью к малой Родине, а по большому счету, к России.

Но вернемся к тому дню и часу, когда 11-летний Валентин Распутин, сидя на узле с постелью, а между ног поставив мешок с едой, тряся в кузове «полупортки» в Усть-Уду. За рулем сидел фронтовик Иван Егорович Слободчиков в гимнастерке, с ним в кабине кто-то из колхозного правления, в кузове односельчане.

Дальше Верхней Речки Валентин еще ни разу не бывал, а тут проехали и речку, и еще одну, и еще, и Бутаково, и Бердниково, и Федоровку, и еще деревню, и еще...

Первое время все казалось новым и интересным. Усть-Уда показалась огромным селом с множеством домов, собак и детей.

Поражал своими размерами двугорбый деревянный мост через Уду. А школа даже страшила блеском стекол в огромных окнах двухэтажного здания. Казалось, что здание состоит из одних окон.

Мать, когда приезжала в Усть-Уду, побывала уже в школе у нового директора Сергея Павловича Шевченко, записала сына в 5 «А» класс. Поэтому Валентину надо было просто прийти в школу 1 сентября и занять свое место за партой в 5 «А» классе, что он и сделал. По атланским меркам школа в Усть-Уде была просто переполнена детьми, учились дети в две смены. В перемену невозможно было протолкаться по коридору, но дети есть дети, они шумели, гомонили, баловались, бегали, катались по перилам, несмотря на стесненные условия.

Поначалу диковато чувствовали себя ребята из деревень: Милославка, Шипицино, Янды, Щербаково, Светлолобово и других, но вскоре и их захватил круговорот, и они уже не стеснялись своих заплаток и чирков.

Первое время Валентин сильно тосковал по дому и держался совсем в стороне от других мальчишек. Хотя потом он и сошелся с ними, но настоящих друзей, вероятно, так и не приобрел. Он очень болезненно переживал насмешки, и даже намек на них, и замыкался в себе, не подпуская никого близко, не бывая откровенным. Может быть, поэтому в школе даже не догадывались, что он частенько голодает.

Видимо, подмечать это, быть внимательным и чутким к окружающим тебя людям, дано не каждому учителю.

9. Три красных яблока

В 1948 году словно прорвало плотину «голода по образованию», и в школы просто хлынул поток учащихся. Война еще держала эту запруду, но вот наступил долгожданный мир, и за парты рядом с 11-летними сели 12-14-летние, и даже 15-летние. Правда, потом большинство из них будет отсеиваться, а в документах напишут: «Выбыл как переросток в 17 лет», «Пошел учиться в ремесленное», «Закончил 7 классов, пошел работать», «Поступил в техникум» и прочее и прочее. Правда, некоторые из них, самые настойчивые, закончили 10 классов. Но в 1948 они учились в

одном 5 «А»: и те, кто родился в 1937, и те, кто родился в 1936, 1935, 1934 и даже в 1933.

Поток (волна) желающих получить образование объясняется еще и нехваткой школ. На весь Усть-Удинский район тогда имелись 59 начальных школ, две семилетки и одна средняя. В 1948-1949 годах в них обучалось 2473 ученика, а преподавательский состав насчитывал 118 человек.

Примерно 30 преподавателей составляли персонал средней школы. Среди сильнейших учителей назывались имена Марии Васильевны Шелашниковой, Любови Афанасьевны Сиваковой (они преподавали русский язык и литературу), Лидии Семеновны Рябых (вела историю) и Петра Михайловича Молокова (география).

В начале учебного 1948 года в педагогический коллектив школы влились молодые специалисты Телинскова Лидия Филаретовна (она стала преподавать в пятых классах арифметику), Митюкова Мария Семеновна (историю), Шульгин Василий Иннокентьевич (физкультура, военное дело). Рисованию учил детей потомок дворян Константин Иосифович Залесский (он совмещал работу в клубе и в школе).

Но, к сожалению, установить преподавателя французского языка нам не удалось. Уповаем на письмо Митюковой Марии Семеновны, которая живет ныне в Крыму, в г. Евпатория.

Может сразу возникнуть вопрос: как же так, известно ведь, что в рассказе «Уроки французского» В. Распутин рисует образ учительницы под ее настоящим именем Молокова Лидия Михайловна. Значит, она и

преподавала французский в пятых классах. Ничего подобного, Лидия Михайловна Данилова (девичья фамилия) пришла в школу в августе 1951 года, когда Распутин учился уже в восьмом классе. Поэтому преподаватель французского языка в нашем повествовании остается пока «вакантным».

Но не будет ошибкой, если скажем, что образ Лидии Михайловны Молоковой в рассказе – это, конечно же, собирательный образ, это как витраж, собравший кусочки разноцветных стекол воедино, в один узор.

Внешность героини? Это, конечно же, от реальной Лидии Михайловны. Многие староустьединцы, кто знал ее, сходились в одном мнении: она как будто сошла с кинолента или с фотокарточки артистки. Это изящество во всем: в повороте головы, в движениях, в манере держаться, разговаривать, одеваться всегда со вкусом и в самое модное по тем временам, выглядело на фоне деревенской простоты и бедности шиком и блеском. «Ею мы просто любовались», – говорили нам многие люди.

Характер и поступки героини? Здесь в одной корзине собраны плоды воспоминаний разных мест и разных лет, но преследуют они одну цель: поклониться человеческой доброте. Ведь именно она дала крылья пареньку из глубинки, научила летать и не бояться высоты. Благодарность Лидии Михайловне – это благодарность усть-удинским, аталанским учителям, подобным легендарному Сомылину, который устраивал бесплатное питание детям бедняков, и не только учителям, но и всем тем, кто давал пристанище «усть-удинским Ломоносовым», кто подкармливал их, под-

возил, просто похлопывал по плечу, учил жить и выживать.

Распутинские три красных яблока – это три поклона. Первый – красоте и обаянию Лидии Михайловны, второй – всем добрым людям, и третий, самый низкий, земной – человеку с бриллиантовой душой, Марии Семеновне Митюковой. О ней отдельный рассказ.

10. Человек с бриллиантовой душой

Таких людей не бывает много. Они редки, как все прекрасное.

Когда она в первый раз пришла в 5 «А», ей было 25. За спиной – фронт, ранение в шею, исторический факультет Иркутского пединститута.

Красавицей ее не назовешь, но что-то в ней было притягательное. Русые волосы спадали завитками на плечи. Полное скуластое лицо портил большой подбородок и широковатый рот. Из-под прямых бровей смотрели внимательные добрые глаза, голова (из-за ранения) чуть наклонена вбок. Казалась она вся какой-то большой и нескладной. На ее уроках, что уж там греха таить, можно было расслабиться, побаловаться, пошептаться... Незаметно, как бы исподволь Мария Семеновна не просто познакомилась с каждым учеником, но узнала историю каждого.

У Тони Тимофеевой из деревни Шипицино убило на фронте отца. «Осталось пять девок и мать», – как она сама рассказывает. Самая младшая умерла от голода. Старшие помогали матери перешивать отцов-

ские вещи, везли в «Устье» (там находились пристань и аэропорт), обменивали на продукты. Еще узнала учительница, что Тоня живет на квартире у Воробьевых, нуждается в помощи. Знала, что бедствуют Купрякова Тамара, Бердников Александр, Торгонина Грания, еще несколько мальчиков и девочек. У кого погибли отцы, у кого вернулись инвалидами, у кого многодетная мать получает гроши, кто в буквальном смысле голодает...

И что интересно, именно их, бедолаг, Мария Семеновна просила помочь ей по хозяйству после уроков. Помогали они или не помогали, но чаевничали уж точно.

Такого «конспиратора» как Валентин, и того раскусила однажды. По следам побоев на лице... Но об этом лучше прочитать в рассказе «Уроки французского», что правильней было бы назвать «Уроки истории». А может быть, гораздо раньше случилось это «разоблачение»? Когда она в первый раз увидела его обутки – чирки, в которых из всего класса ходил только он?

Во всяком случае, посылку с макаронами «от мамы» послала именно она, Мария Семеновна Митюкова. И хотя «вранье» раскрылось, все равно макароны были съедены «усть-удинскими Ломоносовыми», в том числе и Валентином.

Но Мария Семеновна была, видимо, не одинока в своем стремлении как-то помочь своим подопечным. Вот воспоминание реальной Лидии Михайловны Молоковой: «Помню женщину. Преподавала математику. Красивая, энергичная, волевая. Она была одинокой.

Вероятно, воевала на фронте. И как человек более взрослый, чем мы, она хорошо понимала этих обездоленных временем ребяташек, которые ходили в школу в старой одежде, книги носили в тряпочных сумках и неизвестно чем питались. Это она их подкармливала. Я сама это видела».

Как зовут эту учительницу, мы пока не знаем, но очень хотелось бы узнать.

Есть такая расхожая фраза: «Зло должно быть наказано». Никто с этим не спорит, но В. Распутин в своем творчестве идет дальше, стремясь продолжить этот афоризм: «Добро должно быть вознаграждено».

11. Первое свидание

Пятый, шестой, седьмой классы. Незаметно-незаметно, но ребенок, мальчик превращается в будущего мужчину, раздается в плечах, взрослеет, становится более скрытным. Особенно это характерно для них, детей войны, кто познал голод, холод, нужду, ранний труд, кто нередко становился свидетелем голодной смерти своих близких, а то и животных – коров, лошадей, кто знал цену и крошке хлеба.

Бесспорно, были в классе и дети обеспеченных родителей, но их все-таки было меньшинство. Их богатство лежало в виде бутерброда в портфеле, а дома их ждало другое богатство – живые отец и мать.

Таковыми богатыми детьми считались Толдонов Володя, Петух Аня, Иванова Тамара.

О Петух Ане особый разговор. Пришла она в класс в 1949 году, когда ее родители переехали в Усть-Уду.

Отец работал вторым секретарем райкома партии. Общительная, умненькая, красивая, с голубыми глазами и толстой русой косой, она как-то сразу влилась в школьный коллектив, не отказываясь ни от одной общественной нагрузки. Она училась только на «отлично», успевала помогать отстающим, выпускать стенгазету, ходить в кружки и выполнять еще множество поручений учителей и пионервожатых. Когда ее кандидатуру предложили в старосты класса, голосование было единогласным: «За Аню». Многие мальчишки были тайно влюблены в Аню. Этой участи не избежал и Валентин. И так же, как и все влюбленные, вздыхал, писал записки...

Но, видимо, этот порыв остался без ответа.

Став постарше, Валентин пригласил однажды на свидание Молокову Октябрину (была она постарше, считай, девушка), но каким-то образом одноклассницы, в том числе и Пудик (Людмила Митюкова), проведали об этом, и группа девчат спряталась за угол и оттуда поочередно выглядывала. Под тем домом, возле которого наметилось свидание, жил бесхозный козел – курильщик (его кто-то приучил к табаку). Это была своего рода достопримечательность Усть-Уды тех лет. Ребятишки постоянно его дразнили, поэтому он хорошо помнил обиды от озорников. И угораздило же Валентина сесть на ту доску, где находились рога козла. Резкий толчок, и полетел в лужу. «Смеху-то было!» – рассказывает одна из свидетельниц этой сцены.

12. Признание в любви

Директор школы «во френче» Лука Петрович Беляевский представил классу новую учительницу – Лидию Михайловну Данилову. Она будет преподавать в 8 «А» французский язык и одновременно будет классным руководителем. Она стояла перед ними «аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре...» Даже не верилось, что такая красавица-москвичка будет у них классным руководителем. Присмирел даже сын коменданта Виктор Гвоздюк, известный школьный бандит (карбид добавлял в чернильницы, начинал дрова патрончиками от мелкашки, и эти дрова ничего не подозревающая истопница подбрасывала в топку печки-голландки).

С восьмиклассниками трудней стало справляться даже директору. Он все еще по привычке ловил их и пытался остричь «под Котовского», но они вырывались и убегали.

Лидия Михайловна сразу взяла класс «в оборот». Вовлекла ребят в школьный хор, который сама возглавила; стали разучивать «Песню французских докеров» на французском языке, другие песни. Растормошила всех, даже самых пассивных. Организовала драмкружок, где пригодились выдумка, изобретательность, игровые способности и Гвоздюка, и Петух, и других девчат и ребят. В спектаклях принимали участие почти все восьмиклассники, в том числе Валентин. Внушила всем, что классу необходимы лучшие спортивные результаты, разожгла дух соперничества,

и вот получены первые плоды этих усилий. Ребята победили в смотре физподготовки среди учащихся старших классов. При этом особенно отличился Соколов Спартак. Затевала увлекательные игры и походы, и сама в них участвовала. Играли в волейбол так много и били по мячу так крепко, что мяч не выдерживал, рвался.

Какие бы ни проходили конкурсы, смотры, викторины, олимпиады, во всех делах принимал участие 8 «А», и нередко побеждал. И, словно сверстница, искренне радовалась его успехам Лидия Михайловна.

Как не полюбить такую учительницу?

«Уроки французского» – это и есть признание в любви.

13. Выпускной

В новом учебном 1952 году из двух восьмых классов «А» и «Б» образовался один девятый, состоявший из 40 учащихся. Такого людного, пожалуй, не было за все семь послевоенных лет.

Все каникулы Валентин проводил, конечно же, дома: сначала в Аталанке, а, когда мать переехала в Замараевку, в Замараевке, где чувствовал себя попривольней: народу меньше, а грибов и ягод больше, только мошка уж слишком злющая, бывало, накомарник наденешь, а все равно жалит.

Летом с одноклассниками пытался подзаработать денег на рубке просеки, но ничего из этого не получилось, потому что не нашли ключ, а без воды, как известно, «и не туды и не сюды...». Выйдя из тайги, не

могли напиться в речке, и даже отгаскивали друг друга за ноги.

Приехав в Замараевку, стал помогать матери таскать воду с Ангары в казенную баню, видел, как мучается мать на этой работе. Отец тогда еще не вернулся из заключения, так что вся семья вчетвером только на материну зарплату и жила.

Подходило время отправляться в Усть-Уду на учебу, и мать складывала в вещмешок картошку, хлеб, огурцы. Закинув его за плечо, Валентин привычным шагом направлялся в 50-километровый путь. В школу, в 9 класс. На нем старенький пиджачишко, застиранные штаны с заштопанными коленками, на ногах чирки (в целях экономии ботинок, которые надевал уже перед самой Усть-Удой).

Теперь Усть-Уда не казалась чужой и холодно-неприятной, как в пятом классе. Сдружился с Толдоновым Володей, успел даже пожить у его родителей. Хорошие добродушные люди, хотя живут не в хоромах. Где только не жил за время учебы: и в Подкаменной, и у Каблуковых, и у Толдоновых по улице Кооперативной, и в «Устье»... Книги любил читать где-нибудь в уединении: на природе, или на крыше, или на сеновале, или в бане... Подолгу застревал в библиотеке, где ему помогали в выборе литературы Слезавина Софья Вильгельмовна (по слухам, происходила из санкт-петербургских дворян), Софья Александровна Лбова, Мария Николаевна Аксеева, Евдокия Яновна Кальман. Они сами боготворили книгу и старались привить любовь к чтению старшеклассникам.

В январе 1953 года кумир класса Лидия Михайловна вышла замуж и стала Молоковой. Молодой ее муж учился в Иркутском горно-металлургическом институте, и жена решает уехать к мужу. Летом 1953 года она простилась навсегда с Усть-Удой.

Через много-много лет она вернется, но уже совсем в другую новую Усть-Уду, чтобы увезти из Светлолобово свою свекровь, которая на старости лет осталась одна...

В 10 класс осенью пришли 38 юношей и девушек. Классным руководителем стала Барабанова Валентина Петровна, которая преподавала физику и математику.

Осенью же выбыл из класса Гвоздюк Виктор. Его семья переехала в Тайшет. Но появился и новичок – Константинов Геннадий из Михайловщины. Ему шел уже 18-й год, но были в классе молодые люди и постарше – 19-ти и даже 20-ти лет от роду. Своими за годы учебы стали литовцы Аткогунайте Геня и Поплаускайте Альдона из Милославки, Баркаускас Игнас (жил по Комсомольской в Усть-Уде).

В марте 1953 года умер Сталин. «Мы учились во вторую смену, – рассказывает Геннадий Купряков. – Когда получили это известие, нас, всю вторую смену, построили в коридоре. Учителя плачут. Директор что-то говорит... А мы же молодые – кровь кипит... Или кто-то что-то сказал смешное, или сделал. Все засмеялись. Это было замечено и истолковано так, что наш класс радуется, что умер Сталин».

И вот «антисталинисты» дожили до майского утра 1954 года. Наступила пора выпускных экзаменов. Директор школы Лука Петрович Беляевский (теперь он

ходил в костюме и белой рубашке) после приветственных слов в абсолютной тишине взял со стола пакет, вскрыл его и зачитал темы сочинений. И вот 15 парней и 23 девушки сосредоточенно склонились над партами. Из самых переживающих за ребят членов экзаменационной комиссии была, пожалуй, Мария Семеновна Митюкова. Стоило директору куда-нибудь отлучиться, она проходила по рядам и что-нибудь да подсказывала, советовала, напоминала, и веселее скрипели перья даже у самых забывчивых сочинителей.

К трем часам дня все учащиеся, даже тугодумы, закончили писать сочинения. Большинство избрало темами своих работ «Ленин и партия в поэме В.В. Маяковского "Владимир Ильич Ленин"», «О моральном облике комсомольца по роману А. Фадеева "Молодая гвардия"». Валентин Распутин, как и многие его товарищи, получил оценку «отлично».

После устных и письменных экзаменов и зачетов пришел, наконец, долгожданный выпускной. Собрались родители, одевшись во все самое нарядное. Приехала и Нина Ивановна. Она привезла сыну приятнейшее известие: вернулся домой отец. Все внимание теперь было обращено на них, выпускников. Их поздравляли, желали успехов, удачного поступления в институты. Лука Петрович, вручая аттестаты зрелости, шутил и острил, радуясь за сильный класс. Отличные оценки получили Соколов Спартак, Распутин Валентин, Толдонов Владимир, Петух Аня, Лбов Геннадий, Мякишев Виктор. Всех их представили к награждению золотыми и серебряными медалями.

«Выпускников тепло поздравили, – писала местная газета, – секретарь райкома КПСС тов. Носков, председатель райисполкома тов. Оропченко, от родителей тов. Иванов И. М.»³⁵

После официальной части, конечно же, накрыли столы. И ученики приглашали своих учителей на школьный вальс. А утром всем классом ходили за Подкаменную в лес. Не забывается такое никогда!

²⁸*В. Распутин. «Деньги для Марии». М., 1968. с. 56.*

²⁹*Там же, с. 57.*

³⁰*Виктор Никитич Распутин. Убит в 1942 г. под Сталинградом.*

³¹*Алексей Терентьевич Спирин, муж Кристины Никитичны, умер от ран в 1944 г. под Витебском.*

³²*Николай Дмитриевич Воробьев. Убит в 1944 г. под Ленинградом.*

³³*Из воспоминаний Галины Ивановны Слободчиковой (запись от 14.02.2002 г., пос. Аносово).*

³⁴*Валентин Распутин. Избранные произведения. Том 1. М., 1990, с. 50.*

³⁵*Выпускной вечер. «По сталинскому пути», № 42 от 24 июня 1954 г.*

Анатолий Титов

п. Балаганск

Срыв

Рассказ-быль

Этот случай местного значения произошел тридцать лет назад, когда жители многих старинных деревень и сел Приангарья начали «великое кочевье» с насиженных, обжитых и богатых плодородием земель на новое поселение.

Их подгоняло уже воочию наступление зарождающегося Братского водохранилища. Подпор воды начал вклиниваться по Ангаре в пределы Балаганского района. На реке продолжала курсировать флотилия Восточно-Сибирского речного пароходства со всеми грузовыми и пассажирскими судами на угольном и дизельном топливе. Их большинство еще составляли «лаптежники» – колесные с деревянными плицами пароходы.

Команде флагмана – пассажирского парохода «Карл Маркс» в ту навигацию крепко не повезло – сели не то, что на мель, а вышли в наводнение на берег и отсидели в «плёну» ровно 31 день. О том, как это произошло и каких невероятных трудов стоило «карловцам» и их спасителям вырваться на речной простор, мне и хочется рассказать, как бывшему штурману этого потерпевшего «кораблекрушение» парохода.

От автора.

В то злополучное лето Ангара после сильных ливневых дождей взбунтовала половодьем. Вода в реке быстро мутнела и наливалась могучей силой.

Наш «старина» – двухпалубный пассажирский пароход «Карл Маркс» (былая краса и гордость ангарского флота) – надсадно дымил высокой трубой, пыхтел всеми парами, шлепал с двух бортов деревянными «лапоточками», шел из Братска в Иркутск. Смеркалось. Тихий вечер, как уставший кузнец, опускал за горизонт, казалось, прямо в воду, солнечный шар, словно раскаленную подковку. На кормовой площадке верхней палубы веселились, как всегда, танцующие пассажиры, а из динамика несло волнующее:

«А река бежит куда-то,
Плывут сибирские девчата

Навстречу утренней заре,
По Ангаре, по Ангаре...»

Эту песню написали, впервые исполнили и подарили нашей команде парохода именитые наши пассажиры, Александра Пахмутова и Николай Добронравов, в первый рейс, когда они ехали до Братской ГЭС. А наш судовой радист теперь дарил ее в записи всем нашим пассажирам.

После продолжительной швартовки и приема новых пассажиров на пристани «Усть-Уда» наш пароход взял курс на Игжей. Впереди по берегам начали мигать зелеными огоньками путевые створы, и показалась золотая цепочка огней бакенов Шиверского переката.

Стоящий на капитанском мостике первый штурман Степан Иванович Скворцов с тревогой поглядывал в бинокль на проплывающие тени зловещих коряг, крокодилоподобных бревен, больше всего опасаясь коварных топляков. От ударов о речное дно они выскакивали из воды, как торпеды, и могли запросто протаранить железное днище судна или заклинить лопасти колес.

– Бунтует Байкаловна, – ответил он, козырнув рукой под мичманку на приветствие входящего в рубку капитана.

– Вода вышла из берегов. Трудная будет у вас вахта.

– Ерунда! Это к лучшему. Простору больше, – не то в шутку, не то со скрытой иронией отмахнулся капитан.

До штурмана донесло запах винного перегара и лука. Скворцов поморщился, покачал головой и стал готовить вахтенный журнал к сдаче, заполняя последнюю страницу. Про себя он отметил давно, что за капитаном стал водиться устойчивый грешок: нет-нет, да и заглянет старшой в рюмку. К тому же на берег ходить не надо – есть свой судовой ресторан, и директриса Мария Парамоновна «добра» и безотказна на угощения хозяина парохода.

Алексея Максимовича Ходанова в пароходстве все знают, как опытного и бывалого «речного волка», как называют проверенных речников с большим стажем работы. Но в последнее время (предпенсионное) он начал сдавать с дисциплиной. Поговаривали, что ревнивая жена сживает его с капитанского мостика на берег. Видимо, семейная неурядица сбила его с отлаженного курса. Вот и стал седовласый речник «травить якорь в душу». Обычно ночную вахту капитан делит с третьим штурманом. Так положено по флотскому уставу – учить молодой комсостав искусству судовождения под капитанским надзором. В этот раз Алексей Максимович повелел мне – недавнему выпускнику Красноярского речного училища – подменить приболевшую судовую кассиршу Таню, чтобы «обилетить» пассажиров на вечерних остановках. А с собой взял для «короткой разминки» Аркашу Пелипенко – практиканта из речной «фазанки» Слюдянского училища. Мне было жаль, что родной участок речного плеса и отчий дом в старом Балаганске придется проходить в качестве кассира, а не за штурвалом в ру-

ках. Но ничего не поделаешь, коль так сложились обстоятельства.

– Ишь, воды испугался наш старпом, – бросил капитан усмешку вслед уходящему с вахты Скворцову и присел со скрипом на свой командирский «трон» – высокий стул со ступенькой около рулевого.

Игжей миновали с новым громкоголосым пополнением пассажиров. Отшвартовались уже при подсветке прожектора и вновь зашлепали колесами в непроглядную июльскую ночь.

– Ты, Аркаха, знай, крути штурвал! Не волнуйся, – начал капитан издалека. – Держись все время правого бережка. Видишь, на Коноваловской излучине горят два створных огня – выстраивай их точно по вертикали, как двоеточие... А я на минутку отлучусь по малой надобности... И был таков.

Пелипенко судорожно вцепился в рогатое колесо штурвала и впился глазами в указанный ориентир. Размечтался. Управлять самостоятельно такой речной громадиной, да еще не видно ни зги – ему не доводилось. Брала оторопь, и сердце холодила страх. Бакенов не видно. Сверху может вынырнуть встречное судно или того хуже – состав с баржами. Рулевой закрутил головой. На противоположном берегу почему-то вместо двух створных огней замаячил только один.

– Неужто другой потух!?! – заволновался Аркадий. – Что-то не то. Это, наверняка, горит перевалка «одноглазая»! Надо «кэпа» звать, – Пелипенко протянул руку к рукоятке гудка и тут же ее отдернул. – Чего струсил! Сам гулеван прибежит...

И тут с ужасом рулевой заметил, что нос парохода стал рыскать. Вспомнил наставления преподавателя училища: судно волнуется всегда при сближении с мелководьем. С левого борта раздался треск плиц колеса, а под корпусом судна послышался нарастающий шум и скрежет от соприкосновения с грунтом... Это значит – залетели на мель!

А за спиной уже хлопнула дверь в рубку и послышался ошеломляющий крик Ходанова:

– Куда ты залетел, растяпа! – капитан оттолкнул от штурвала Аркадия и загредел в рупор-трубу, соединяющуюся с машинным отделением:

– Стоп машина! Полный назад!

Пароход затрясло, как в лихорадке, всем могучим корпусом, но ни с места.

– Эх, черт! Прихватило! – метался из рубки на палубу Алексей Максимович. Бесполезно. Пароход словно прилип к берегу.

В кассовой комнатенке, что находилась на первой палубе, в носовой части парохода, мне лучше, чем кому-либо чувствовалась напрасная надсада двух огнедышащих паровых котлов и удары шатунов колесной тяги.

Не прошло и пяти минут, как наш «корвет», набитый до отказа пассажирами, превратился в разбуженный улей. Крики и треск напомнили мне эпизод из кинофильма «Волга-Волга», когда речной тихоход «Богатырь» с огромным колесом с кормы залетел на мель.

На носовом баке собрались все члены экипажа, и первый штурман Скворцов подавал громкие команды, делая попытки снять пароход с грунта старым прове-

ренным способом, используя носовой паровой двигатель брашпиль и длинное свайное бревно с железным наконечником. Но ни одна из попыток вырваться из «плена» не принесла успеха. Грунт оказался илистым, и свая погружалась в него, как в масло.

– Надо вызывать на помощь грузовой буксир, – махнул рукой с огорчением первый штурман и пошел посоветоваться с капитаном. Тот выслушал его мрачно и нервозно.

– В город пока радировать не будем! – предупредительно заявил Ходанов. – Нечего поднимать панику. Если вода быстро не упадет, то утром нас сдернет любой проходящий катер. В пароходстве одним махом нас могут лишить прогрессивки...

– А если вода отступит по-предательски? – усомнился Скворцов.

– Ерунда! Пусть вахтенный всю ночь стоит на левом борту с наметкой и промеряет глубину.

– Смотрите, вам виднее. Хозяин – барин, – первый штурман пошел отдавать распоряжение вахтенным, а после стал сам делать пробные промеры длинным шестом.

– Обстановка ясная, что дело темное, – вздохнул рядом стоящий старший механик Андрей Кузьмич Форсункин. – Сидим мы не на мели, а на затопленном пологом берегу, потому и приземлялись с «мягкой посадкой», – рассуждал он вслух. – Одна надежда на «Бородино». Пойдем, Иваныч, хоть немного вздремнем. Нечего суетиться. Да и пассажиров надо успокоить... Утро вечера мудренее.

Чуть свет команда парохода была уже на ногах. Я уже готовился выходить на вахту. Ко мне в каюту забарабанил вахтенный матрос Ваня Хлопов и, едва отдышавшись, выпалил скороговоркой:

– Слышь, штурман, а там какой-то тип из деревни привязал коня за руль парохода и лезет к нам на борт, требует черт-те что...

– Как привязал? В своем ли ты уме? Там глубоко, – и не дожидаясь ответа, я бросился за вахтенным матросом. Увиденная картина не только меня, но и других свидетелей заставила громко рассмеяться. Видик был забавнее, чем у капитана Врунгеля на его тихомоде «Беде», застрявшем между скал после морского отлива.

Прямо за кормой стоял по седло в воде рыжий конь пастуха, привязанный за рулевое устройство, и грыз удила, а его хозяин, щупленький старикашка с сизым носом, в помятой кепчонке, мокрых штанах и босиком, бойко прохаживался по палубе и требовал разбудить директора ресторана.

На немой вопрос появившегося капитана наш непрошенный гость слащаво заулыбался и заискивающе прошамкал беззубым ртом:

– У нас тут, в Игжее, «сухой закон»... Нельзя ли прикупить у вас на похмелку хотя бы «чекмарик»?

Капитан побагровел. Ему показалось, что деревенский прощельга на что-то намекает, может, нашел своего собутыльника... Он хотел послать пастуха туда, где Макар телят не пас, но смолчал, со злостью сплюнул и дал команду всему экипажу собраться на носо-

вом баке на «аврал». Раннего покупателя как водой с палубы смыло.

Теперь в лучах утреннего благодушного солнца прояснилась и общая картина нашего незавидного положения. Дождевой паводок сыграл с речниками злую шутку. Половодье побуянило, и вода в одночасье ушла на исходе ночи на прежнюю исходную позицию – в постоянный фарватер, а пароход наш, зашедший на пологий игжейский берег с «легкой» руки неопытного рулевого, полностью оказался уложенным на зеленом ковре луговой травы, при корабельном параде – под флагами, выпелами и с пассажирами на борту. В общем, как рыба, выброшенная на сушу.

– Аврал предстоит тяжелый, – начал излагать свое командирское суждение Алексей Максимович. Он был мрачнее тучи. – Пассажиров у нас заберет к обеду «Бессарабия», по радиации получено сообщение, что она уже на подходе. Я так думаю, – медленно, словно выжимая мысли, говорил капитан, и мы уже всем телом почувствовали предстоящую надсаду будущего аврала, холодную сырость длительного общения с ангарской купелью.

– Работать придется от темна до темна, – продолжал излагать свои указания капитан. – Первым делом, заготовим, сплотим и пригоним бревна. Их по берегам в достатке. Эти бревна будем загонять под весь корпус судна, чтобы оно не увязло окончательно в иле. Такую задачу поручаю молодежной команде под руководством третьего штурмана. Все. Заседать некогда. Так что «Полный вперед!»

Наша шлюпка немедленно отчалила на поиски бревен. Гребцы то и дело косились исподлобья на своего «Папу Карло» и от досады морщились. Пароход беспомощно застыл у всего мира на виду, задрав в небо толстую потухшую «сигару» трубы и три мачты.

Так началась незабываемая, надсадная эпопея для команды парохода «Карл Маркс», которую флотские шутники сразу окрестили под кодовым названием «Срыв», и продолжалась она ровно тридцать один день.

Игжейские жители, подшучивая над новыми «поселенцами» и посетителями их клубных вечеринок во флотской форме, говорили им не иначе как: «Привет сухопутным речникам!» Или еще обиднее: «Салют ракушечникам!» Однако флотские не падали духом, каждодневно крепили канат дружбы. Колхозные спортсмены с большой охотой устраивали вечерние баталии по волейболу на спортивной площадке, которую флотские комсомольцы соорудили рядом со своим пароходом и в короткие часы отдыха молодые речники самоотверженно защищали спортивную честь. Но главное для «карловцев» была изнурительная работа: целыми днями в холодной воде и под жгучими лучами июльского солнца.

К концу первой недели нам удалось заготовить необходимый кругляк, затем начали загонять бревна под железного лежебоку по всему периметру. Когда «лежанку» соорудили, начали подготовку к пробному срыву. Для этого через всю ширину Ангары на противоположный – коноваловский берег были переброше-

ны шесть мощных буксирных тросов, к ним присоединили блоки-палиспасы.

В теплый воскресный день решили сделать попытку – сорвать пароход с насиженного места. Помочь нам в осуществлении этой задумки вызвались трактористы из Коноваловского и бульдозеристы из Игжейского колхозов. По команде с парохода они разом на своей технике – одни с левого берега рванули за тросы, другие – с правого берега уперлись железными ковшами бульдозеров под днище судна. Но коренником в этой могучей упряжке был пароход «Бородино», который рвал и звал своего беспомощного друга в родную стихию с помощью длинного буксира. Однако наш многотонный «Карлуша» только вздрогнул, и железные тросы стали рваться, как гитарные струны. Попытка срыва не удалась.

Капитан только смачно выругался и направился в радиорубку на связь с диспетчерской пароходства. Мы провожали его сочувствующим взглядом, но злые от усталости. На другой день из города на аварийном быстроходном катере прибыли два главных флотских спеца: капитаны-наставники Н. С. Наумов и К. А. Андрулайтис. Два дня они, как профессора, изучали состояние «больного», уединялись на консилиум, мозговали и, наконец, собрали всю команду и спасателей на общее совещание, которое проводили на верхней палубе для лучшего обзора предстоящих боевых действий.

Чернобородый великан Казимир Александрович Андрулайтис – старейшина плавсостава пароходства, известный для многих жителей как капитан самого

мощного на Ангаре буксирного парохода «Бородино», ставший недавно капитаном – наставником, так начал тяжелый разговор:

– Нелегко будет тянуть из болота бегемота. Но есть один, хотя и самый трудоемкий, выход. Слушайте. Пароход сначала придется поднимать домкратами, чтобы оторвать его «седалище» от грунта. Потом загоним под него бревна-склизы, намазанные солидолом. Вызовем речную земмашину – она выберет своими ковшами котлован – шлюз нужной глубины для судна с выходом в реку. Тогда можно будет снова запрягать «железных колхозных коней», которые подстрахуем с воды двумя буксирными пароходами. Только так можно успешно завершить операцию «Срыв». Этот план был принят к руководству и действию общим одобрением и вскоре получил резолюцию начальника пароходства Фролова.

Настроение у нашей команды сразу поднялось, так как замаячил просвет надежды, и работа пошла полным ходом.

Больше всех, как мне казалось, рада была наша судовая повариха (по-флотски – кок) Мария Карповна Маслова. Она уже совсем замаялась с водой, которую поставляли на камбуз вахтенные матросы на самодельных коромыслах-водоносах и постоянно роптали, особенно Ваня Хлопов. Когда подходила его очередь, начинал браниться и грозить: «Убегу я от «Папы Карлы» к самому «Карабасу Барабасу» – начальнику пароходства и потребую, что бы он списал меня с берега на бурную воду!»

Еще больше мрачнел и горбился Алексей Максимович Ходанов, хотя и не подавал виду, но и без того всем было понятно, каково у него было на душе... Глаза совсем потухли от переживаний не столько за себя, сколь за членов команды, которые целыми днями возились с бревнами, надсажались с домкратами и тросами в холодной ангарской воде.

– Как глупо получилось, – терзался капитан. Всего один шаг в сторону и к беде – в лапы. Во сне он уже не раз бывал в приемной у начальника пароходства и каждый раз с ужасом просыпался, когда слышал вкрадчивый голос секретарши: «Милости просим! Вас ждут, Алексей Максимович... Со счастливым возвращением!» Однако это было еще во сне.

Настоящий срыв «Карла Маркса» состоялся только на тридцать первый день коллективного с ним единоробства. На это памятное событие сбежались посмотреть жители правого и левого берега, как на диковинное зрелище-спектакль. 25 июля 1963 года был для нас день Спасителя.

Как только огромная речная земмашина закончила выборку последних кубометров грунта из прорывного котлована, вода с шумом заполнила его свободное пространство, как в шлюзе.

Казимир Александрович Андрулайтис взял бразды правления в свои руки. Он взобрался на капитанский мостик, взял два белых флага как семафорщик. Наступило время «Ч», как говорят военные. После взмаха сначала правой, затем левой руки с флажками, первыми двинулись от берега коноваловские тракторатягачи, натягивая буксирные тросы, а затем двинулись

игжейские трактора-бульдозеры, упершись, как олени рогами в бортовую обшивку. Загудели и стали набирать медленно ход, натягивая свои буксиры, вверх по течению пароходы «Валерий Чкалов» и «Бородино». Грузный «живот» нашего «Карла Маркса» заметно дернулся, и вся махина плавно, как со ступеней, заскользила по смазанным бревнам к береговому прорану и, тяжело плюхнувшись в воду, закачалась на мутной поверхности искусственного водоема. Волны взметнулись к небу, как в переполненной ванне.

В 11 часов утра над Ангарой грянуло многоголосое: «Ур-ра!» Взяв на буксир бездыханную громадину пассажирского флагмана, пароход «Бородино» самым тихим ходом вывел его на свободный речной фарватер.

Приветливое солнце выглянуло в этот миг из-за тучи, щедро обливая лучами всех созерцателей этого долгожданного события. Ясней всех сияли глаза речников. Только Алексей Максимович, оставаясь в тени за капитанской рубкой, с закаменелым лицом и с тоской посматривал на своих ликующих членов экипажа и, вероятно, проклинал тот день, когда допустил срыв устоев своей собственной жизни и на долгие годы сошел с голубой речной дороги.

«Ангарские огни», 1997. – №30/31 (4 июля)

Галерея

Работы учащихся Усть-Удинской районной детской школы искусств

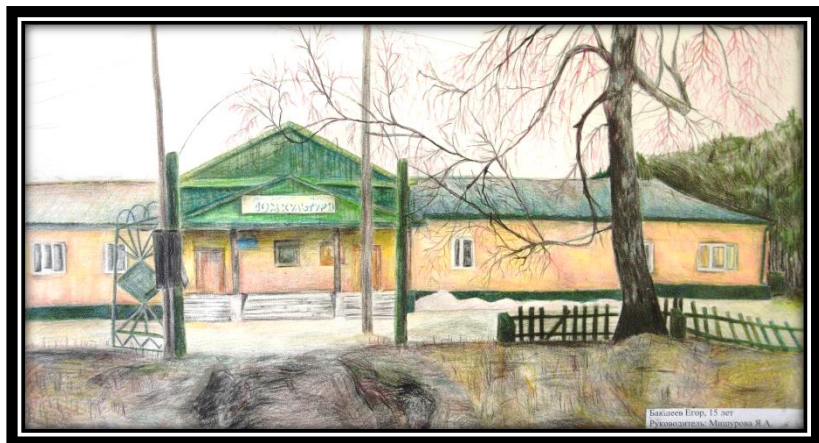
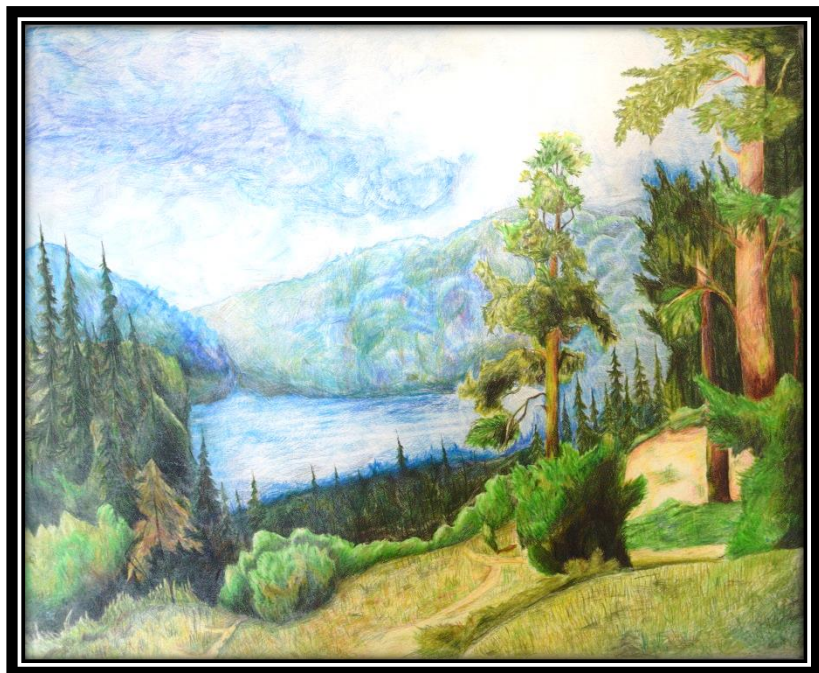
Анциферова Даша

15 лет 2023г.

Бакшеев Егор

15 лет 2023г.

Былинина Лиза

15 лет 2023г.

Вологжина Соня

2022-2023г.

Воложина Соня, 13 лет
Руководитель: Мишурова Я.А.

Глухоедова Наташа

14 лет, 2021г.

Егорова Лена

13 лет, 2016г.

Иванова Ксюша

15 лет 2021г.

Лбова Саша

13 лет, 2016г.

Лбова Саша, 13 лет
МКОУ ДОЛ Усть-Узинская район
детская школа искусств

Иванова Лена

13 лет, 2023 г.

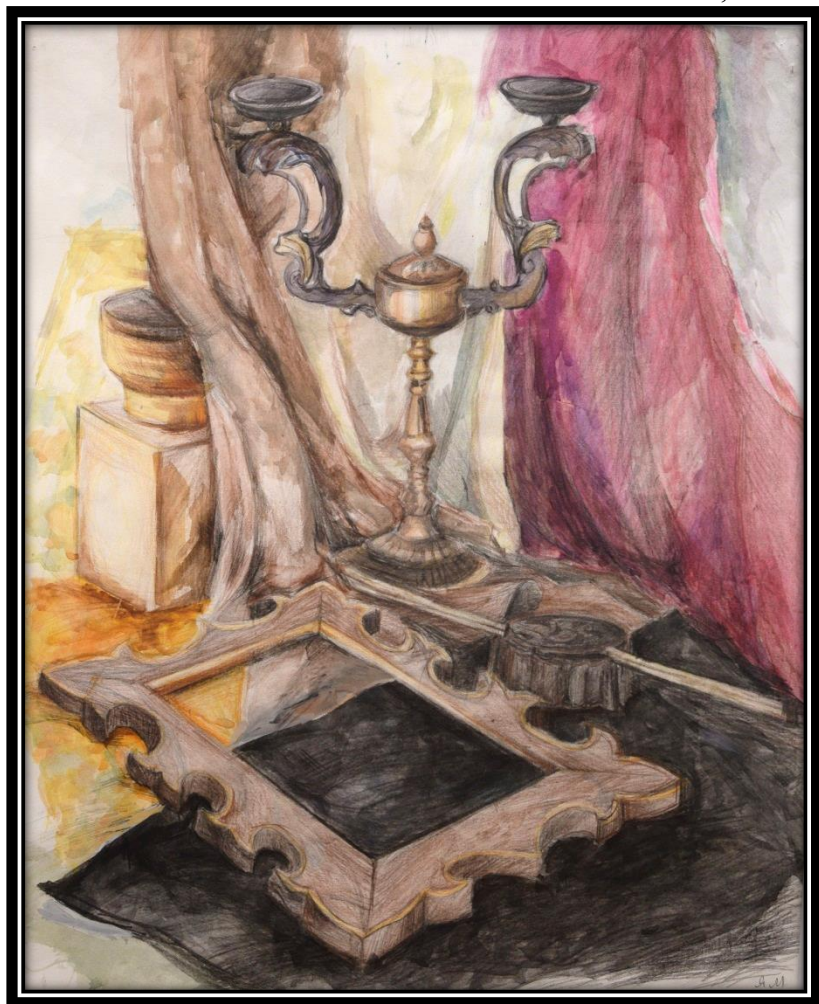

Иванова лена, 13 лет
Руководитель: Мишурова Я.А.

Кулешов Паша

15 лет, 2015г.

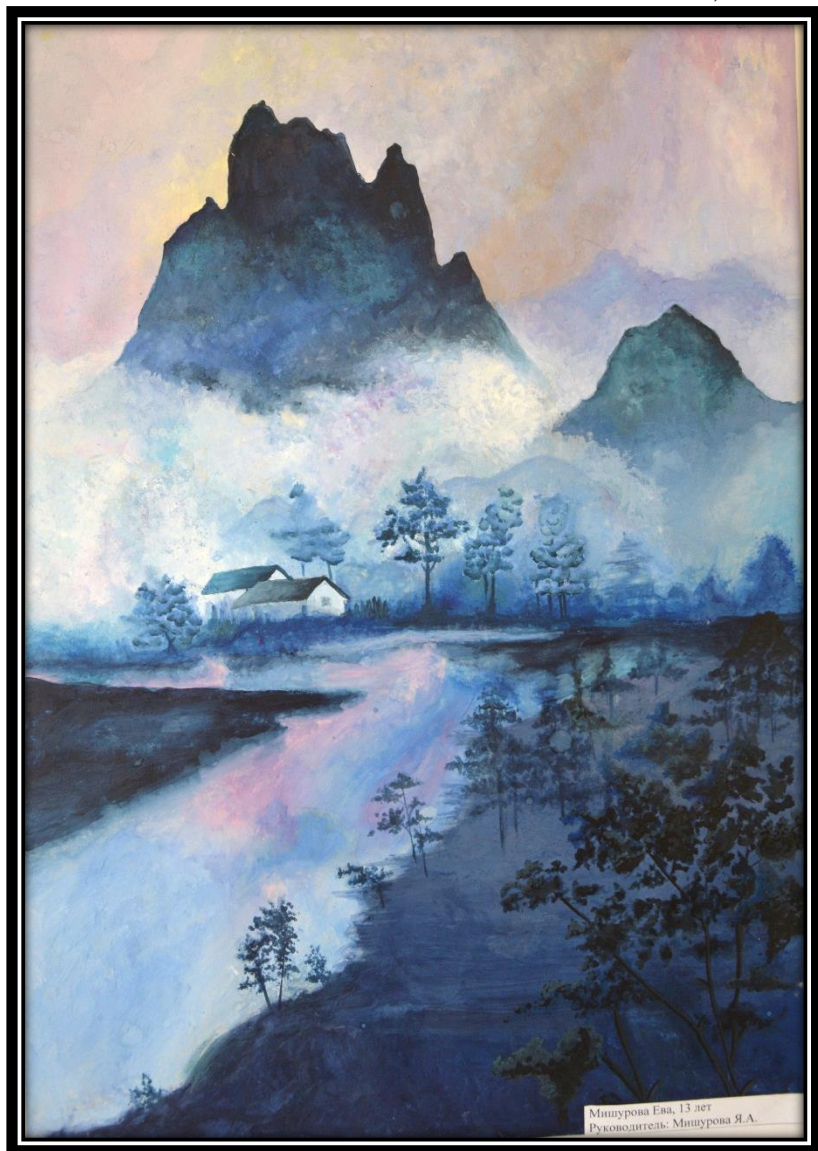
Купрякова Катя

14 лет, 2015 г.

Мишурова Ева

13 лет, 2023 г.

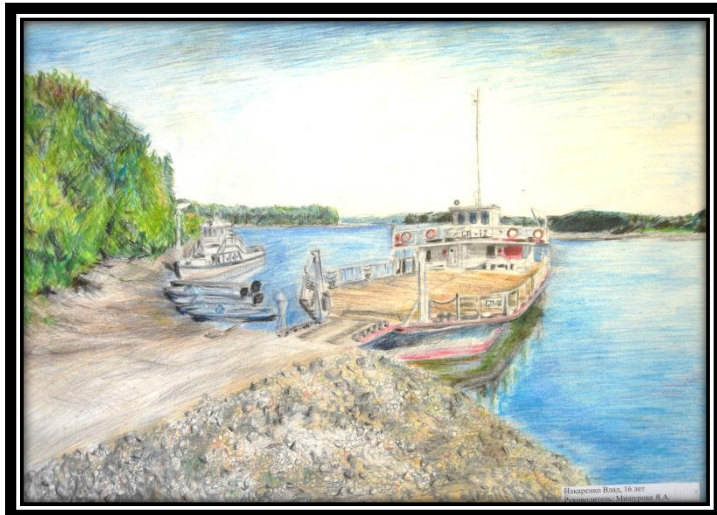
Медведева Кристина

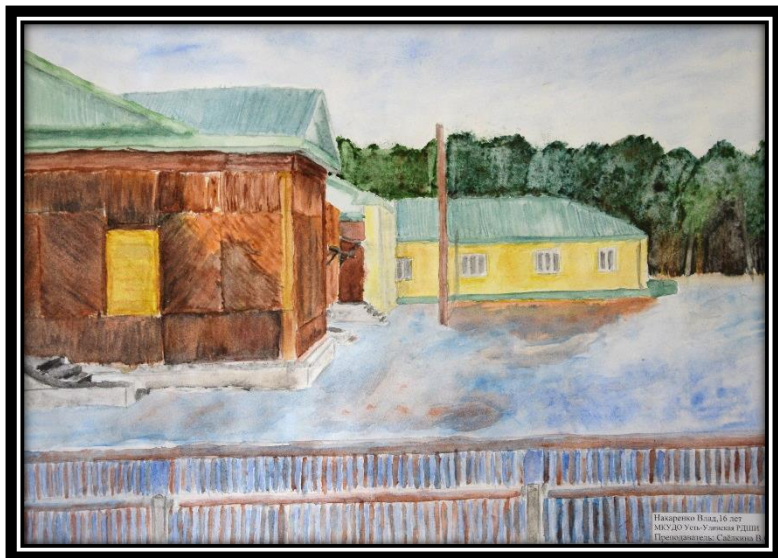
17 лет 2023г.

Накаренко Влад

16 лет 2023 г.

Накаренко Настя

2022-2023г.

Пинигина Ангелина

13 лет, 2016г.

Суринова Даша

16 лет 2021 г.

Работы Анастасии Голубковой

п. Усть-Уда

«Валентин Григорьевич Распутин. Дорога жизни и творчества», триптих, 2020г.

**«Эпидемия», 2022г.
Триптих в смешанной технике рисования.**

Содержание

Стало традицией...	4
<u>Поэзия</u>	5
Алымов Эрнст	6
Аникьева Василина	22
Антипова Раиса	23
Беляев Николай	26
Бузикова Валентина	33
Бяхова Дарья	38
Ветохина Екатерина	39
Гамаюнова Екатерина	40
Дедик Кристина	41
Дроботенко Юлия	45
Ионкина Ольга	48
Каралысова Алена	50
Константинова Дарья	51
Королева Галина	53
Королева Ирина	63
Купрякова Любовь	69
Курбатова Татьяна	70
Луковникова Мария	75
Макагон Татьяна	76
Маскалева Ирина	78
Меновщиков Павел	79
Минкевич Нина	86
Николаева Олеся	88
Подкорытова Алла	89
Полюрова Вера	91

Полюрова Татьяна	92
Полюрова Арина, Полюрова Татьяна	104
Поцелуева Ирина	111
Разуваева Мария	111
Речапова Людмила	124
Русских Людмила	125
Савельева Лариса	138
Семенова Вера	145
Соловьева Марина	146
Сонина Ирина	147
Тимофеев Александр	148
Черных Ульяна	152
Шипицин Иван	152
Эгго Анна	154
Якубова Татьяна	155
<u>Проза</u>	165
Беляев Николай	166
Бяхова Дарья	185
Гамаюнова Екатерина	192
Кашубина Фаина	199
Лобов Андрей	202
Локтева Нина	224
Луковникова Мария	260
Рупосов Николай	264
Титов Анатолий	285
<u>Галерея</u>	299

МБУК «Межпоселенческая центральная
библиотека Усть-Удинского района
им. В. Г. Распутина»

Край Распутина
Выпуск 6

Литературно-художественный альманах

Составители:
Е. М. Богданова, Е. Н. Гамаюнова

Компьютерная верстка: А. Е. Ефремова

Редакционная группа:
Е. М. Богданова, А. Е. Ефремова

